

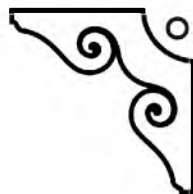
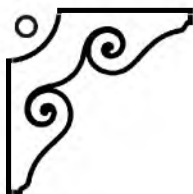
Бондаренко
Юрий Яковлевич

Бондаренко
Ольга Юрьевна

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ**

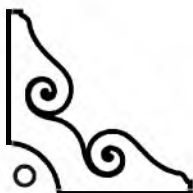

Костанай, 2014

Бондаренко
Юрий Яковлевич,
Бондаренко Ольга Юрьевна

**Культурологические
аспекты социально-
экономического
развития**

Костанай, 2014 год

УДК 008
ББК 71
Б81

Рецензенты: **Александр Михайлович Егорычев**
(Доктор философских наук)
Еркен Аманжолович Абиль
(Доктор исторических наук)

Бондаренко Ю., Бондаренко О.

Б81 Культурологические аспекты социально-экономического развития./ Ю.Я. Бондаренко, О.Ю. Бондаренко - Костанай: ТОО «Центрум», 2014. - 220 с.

ISBN 978-601-7339-92-0

Книга посвящена поискам новых подходов к диалектической взаимосвязи и историческому развитию составляющих материальной и духовной культуры. На многочисленных примерах здесь демонстрируется и изменчивость этой связи, и специфика взаимодействия и взаимовлияния таких элементов культуры, как религия, нравы, правовое и эстетическое сознание, а также воздействие этих и иных элементов на экономическую жизнь общества. Книга рассчитана на специалистов, студентов вузов и всех интересующихся глубинными основами социально-экономических процессов и явлений.

УДК 008
ББК 71

ISBN 978-601-7339-92-0

© Бондаренко Ю., Бондаренко О., 2014

Содержание.

Предварительные замечания	5
Предисловие	6
1. Проблема диалектической взаимосвязи материальной и духовной культуры	8
Но что же взамен?	12
В чем мы нуждаемся и чего же мы хотим? Заглянем в царство потребностей	16
Но какие же виды потребностей мы можем выделить?	19
Потребность, оказавшаяся в тени?	24
Эта феерическая цепь	30
Ценности	31
Пристальнее взглянем в отдельные звенья этой цепи	35
Проблема соотношения «искусственных» потребностей, зависимостей и определенных систем ценностей	35
Культбиты ценностей	44
Потребности в маске?	49
Трансформация стремлений	55
Гордиев узел социальных факторов	59
А кто же правит бал и каково место ее величества Политики?	66
Власть и собственность. Кто сильнее?	69
Эта многоликая четвертая группа	76
На пути к царству Духа	83
Как же целое прорастает в отдельном, частном и личном?	86
Эмоции и поведенческие стереотипы в свете культурологии	91
Формы общественного сознания: ристалище или оркестр?	98
Закон, власть и нравы	107
Нравы и экономика	112
Ценности, модели поведения, экономика и медицина	124
Экология в системе ценностей и приоритетов	129

Сколько стоит здоровье?	133
Этика, философия и медицина	135
Посеешь привычку, пожнешь ... судьбу?	141
Каков он, «здоровый образ жизни»?	144
Здоровье общества, тела и дух	146
Духовность, безопасность и... экономика	149
Образование и воспитание – душа духовности?	155
О проблеме определения духовности	164
Архетипы и духовные ориентиры в контексте диалога культур	173
Отечественное образование под ветрами глобализма	182
В продолжение темы: Мы и проблемы мирового образования	191
О проблемах стратегии гуманизации современного образования	195
А каково же место и какова суть науки в нашем мире? ...	204
Что такое «знание» в «массовом» обществе?	206
Человек в информационном мире	209

Предварительные замечания.

Предлагаемая книга – своего рода экспромт, попытка курсивом обозначить целый ряд взаимосплетенных и при этом сложнейших проблем. Попытка, естественно, во многих отношениях поверхностная и далеко не исчерпывающая сути. Да такая задача и не ставилась. Здесь перед читателем лишь абрис ряда поворотов многогранной темы, рассматриваемой глазами культуролога. Что-то отмечено только пунктиром, на чем-то мы попытались остановиться несколько дольше, но в целом главное – это обогащение собственной мысли читателя, подталкивание тех, кто возьмет в руки книгу, к собственным со-размышлениям и выводам. Если предлагаемая Вам книга побудит Вас к дальнейшим собственным поискам в обозначенных направлениях, значит главная цель книги достигнута.

Предисловие.

Затрагивая культурологические аспекты социально-экономического развития, мы соприкасаемся с одной из самых сложных и актуальных тем, нуждающихся не только во всестороннем анализе, но и в постоянном переосмыслении целого ряда проблем в связи с меняющимся историческим опытом человечества, а также потому, что ход времени ставит перед представителями отдельных социумов и человечеством в целом задачи, обусловленные самим этим ходом и теми ситуациями, с которыми сталкиваются индивиды, социальные группы, слои и определенные социумы.

Но что означает попытка рассмотрения культурологических аспектов социально-экономического развития? – Она означает рассмотрение этих аспектов с использованием достижений и проблем современной культурологии и непосредственно связанных с нею таких сфер исследования, как философия, социология, религиоведение, философия и история права эстетика, этика, искусствоведение. Таким образом, перед нами встают задачи комплексного рассмотрения проблемы с учетом, как исторического опыта человечества, так и современных реалий и тех катаклизмов, которые человечество пережило на протяжении прошлого столетия, включая мировые войны, революции и распад империй, включая и гибель Советского Союза и всего социалистического лагеря с соответствующими им системами ценностей и социально-экономических отношений. Вполне понятно, что эти изменения привели и к колоссальной по своим масштабам смене ориентиров и теоретических основ в области социально-гуманитарного знания. От марксизма в его окостеневшей, догматизированной форме на огромных постсоветских пространствах многие «властители умов» и ведущих СМИ стали усиленно откешиваться. Кое-кто даже занялся оплевыванием марксизма либо высокомерно отмахиваться от него, как от случайно пережившей свое время осенней мухи. К примеру, из уст одного из известнейших советских поэтов, чье имя гремело на стадионах (А.Вознесенского), можно было услышать слова о «марксистской фене». Однако, при всем при том, что марксизм, включая и так называемую «политическую экономию», так и не стал «единственно верным учением», предлагавшим ключики к решению всех заковыристых проблем человечества, он, а именно «советский марксизм» обладал одним несомненным

достоинством, которое, увы, при чрезмерном нажиме, переходило и в, ощущаемую многими мыслящими интеллигентами, слабость. Этим достоинством, и этой слабостью одновременно была системность советского марксизма, требовавшего рассматривать общество, как единое целое, функционирование и развитие которого подчиняется непреложным, то есть не изменяющимся «по щучьему велению и моему хотению», законов.

Не принимая огульного отбрасывания марксизма, мы, тем не менее, хотели бы в своей работе очертить, пусть пока абрисно, поиски новых подходов к самому пониманию системности, подходов, основанных на учете более широкого, хотя и не упоминающегося здесь напрямую, но значимого спектра социально-экономических идей и воззрений. Предваряя собственную, естественно, далеко не всеохватную, а лишь намечающую некие вехи, работу, хотелось бы обратить внимание на те аспекты марксистского видения системности социально-экономического развития, которые, на взгляд авторов, нуждаются в определенном переосмыслении, в том переосмыслении, которое сопряжено с культурологическими векторами исследования жизнедеятельности социумов.

Вполне понятно, что марксистскими трудами исследования экономических факторов в социо-культурной жизни человеческих сообществ отнюдь не ограничиваются, и более масштабная работа будущего будет нуждаться и в основательном рассмотрении целого спектра экономических идей и теорий. Но в контексте данной работы марксизм для нас важен, как образец такого рода теорий, причем образец, оказавший колоссальное влияние и на движение человеческой мысли, и на социально-политические движения последних двух столетий.

Итак, первая группа проблем, очерчиваемый в нашей работе – это проблемы диалектической взаимосвязи различных сторон и элементов материальной и духовной культуры, которые в силу ограниченности книги мы в целом рассматриваем вне исторического контекста, то есть развернутого анализа развития собственно экономических учений. Подобный анализ, подобное рассмотрение читатель может найти в исследованиях и учебниках, касающихся непосредственно истории экономических учений. Для нас же здесь центральной задачей оказывается задача своего рода структурно-функционального анализа социума, а также групп социумов в их борьбе и взаимодействии, как относительно целостных систем и подсистем, рассматриваемых в свете культурологии.

Вторая, планируемая часть книги может быть посвящена уже историческому рассмотрению взаимосвязи и взаимовлияния различных составляющих человеческой культуры, а точнее культур. Такому рассмотрению, при котором невозможно обойти и устоявшиеся взгляды на человеческую историю, как на историю первобытного общества, классового (рабовладельческого, а затем феодального, а при иных подходах – традиционного, капиталистического в его понимании, сложившемся к 19-му веку, и современного, именуемого капиталистическим, достигшим стадии империализма, информационным и др.) При этом именно современному обществу уделяется особое внимание. Ведь сегодня мы сталкиваемся с такими хитросплетениями проблем, с таким переплетением и такими сплавами различных элементов культуры, с такими возможностями информационных технологий и такими проявлениями глобализации, которых человечество не знало, да и не могло знать не только в минувшие столетия, но и за считанные десятилетия до наших дней.

1. Проблема диалектической взаимосвязи материальной и духовной культуры.

Обозначенная в названии раздела проблема на протяжении человеческой истории рассматривалась многократно и с разных сторон. Но, поскольку перед нами задача рассмотрения именно взаимодействия экономических и примыкающих к ним факторов социального развития, то постольку, как уже отмечалось в «Предисловии», мы начнем с марксизма, причем с марксизма в его наиболее знакомой недавним советским читателям форме.

Как убежденно писал трубадур Революции Владимир Маяковский, «Маркс открыл истории законы. Пролетариат поставил у руля». Так какие же законы открыл Маркс? Не вдаваясь в детали, сами по себе значимые, но вторичные для нашего рассмотрения, вспомним то, что именно К.Маркс и Ф.Энгельс были среди тех, кто акцентировал внимание на экономических факторах развития общества. Для них эти факторы стали той точкой опоры и теми рычагами, которые, по их глубокому убеждению, позволяли перевернуть мир социально-философских представлений о человеке и обществе и тем самым позволяли бы перейти от объяснения этого мира к его изменению.

Сама по себе идея целенаправленного изменения мира, которая в советское время обычно преподносилась, как краеугольный камень марксизма, не нова. И к тому же она была сформулирована в «Тезисах о Фейербахе» еще достаточно молодым Марксом, так что ее можно было бы отнести и к проявлению юношеского максимализма. С исторической же точки зрения мы можем встретить обилие примеров целенаправленного изменения сложившегося к тому или иному времени, в том или ином регионе, стране, порядка вещей. Так, египетский фараон Эхнатон еще почти три с половиной тысячи лет назад не просто сформулировал, но и попытался провести кардинальную религиозную реформу, которая закрепила бы в Древнем Египте монотеизм. К изменению мира стремился и Александр Македонский с жизнедеятельностью которого оказалось связано становление эллинистической культуры. Задачи изменения внутреннего и, соответственно, внешнего мира человека выделялись и теми, кто стоял у истоков тех религий, которым волею истории суждено было стать мировыми. Даже на православных иконках можно видеть Христа, возглашающего: «Заповедь новую Аз даю вам». А сама Нагорная проповедь содержит целый ряд постулатов, провозглашаемых, как принципиально новые и для миллионов людей в действительности являющихся таковыми. К серьезнейшим, причем направленным преобразованиям привела и деятельность Мухаммеда. Своим кодексом, а не только сражениями и войнами стал известен чтимый и поныне французами Наполеон И даже такие завоеватели, как Чингиз-хан и Тимур, которые, вроде бы не ставили, четко сформулированных теоретических задач, колоссально меняли мир, вплоть до утверждения и таких существенных составляющих этих изменений, как «Ясса» Чингиза или «Уложение» Тимура.

Но, если сопоставить Маркса со всеми упомянутыми, то именно он и Энгельс поставили во главу угла экономическую составляющую жизнедеятельности общества и потому особенно интересны и значимы для экономистов. Вспомним вместе ряд тех положений, который отнесены к основам марксистского понимания общества и того, что получило название исторического материализма. Это положение об определяющей роли экономики в социальной жизни и введение в философский язык таких понятий, как способ производства, общественно-историческая формация, базис и надстройка, ...

Так, в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», работе написанной в конце 1851 – начале 1852 года (декабрь 1851 – март

1852) мы читаем: «Над различными формами собственности, над современными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Весь класс (как большая социальная группа людей – авторы) творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответствующих общественных отношений. Отдельный индивид, которому эти чувства и взгляды передаются по традиции и в результате воспитания, может вообразить, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности» (1, т.8 с.145)

Еще более развернуто аналогичные мысли даны в «Предисловии» к работе «К критике политической экономии». «Общий результат, к которому я пришел, - пишет К.Маркс, - и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальных благ обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (2, т.13, с.6)

Такой жесткий и кажущийся сегодня упрощенным подход определяется, по крайней мере, тремя факторами, которые очень важно здесь упомянуть.

На первом, факторе, как ни странно, несмотря на обилие посвященных Марксу исследований, внимание практически не акцентируется. Но можно предположить, что марксова категоричность и сам вектор его поисков соответствуют самому духу ряда магистральных направлений европейской истории еще с древнейших времен. Так, если восточная и, прежде всего, дальневосточная философия, скажем, китайская, и при признании единой основы всего сущего – Дао, акцентировала внимание на взаимопереходах инь и ян, и самой диалектике детерминизма при выяснении того, что же «сильнее»: земля, дерево, металл, огонь или вода, то древнейшие античные мыслители искали субстанцию – первооснову всего сущего. Для Фалеса она была

водой, для Анаксимена – воздухом, для Гераклита огнем. Архимед, как вспоминают о нем, утверждал, что стоит дать ему точку опоры, и он сможет перевернуть мир. Несмотря на прошедшие тысячелетия, мысль Маркса в определенной мере следовала тем же путем – путем поиска **одной** основы, **одного** ключика, обретя который человечество постигнет **все** тайны социума и человека.

Правда, со временем, особенно Ф.Энгельсу, пришлось пояснять эти крайности и обращать внимание на то, что картина реальной истории всегда сложнее. В письме к П.Блоху от 21 – 22 сентября 1890 года он писал: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе в *конечном счете* определяющим моментом является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственным* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывает влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные элементы надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты – государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения и т.п., правовые формы и даже политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм.

Мы делаем нашу историю сами, но... мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются. в конечном счете, решающими...» Далее же Энгельс делает очень важное, с точки зрения нашего анализа, добавление: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только мы доходили до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки» (3, т.37, сс.394 – 395)

Могли быть ошибки или нет – вопрос особый и требующий уже анализа историков, специализирующихся на изучении тех

или иных конкретных «исторических периодов». Для нас же здесь важно иное – то, что мы на примере ряда марксистских работ наблюдаем одну историческую закономерность, когда сама логика борьбы, логика отторжения (второй фактор), того, что кажется (а, подчас, далеко не только кажется) устаревшим, мешающим движению вперед, ведет и к соответствующим перехлестам: чем ожесточеннее борьба, тем заметнее и перехлесты, которые при дальнейшем окостенении, канонизации, могут все более серьезно давать о себе знать. В случае же с марксизмом речь шла о времени, когда доминировали идеалистические и религиозно-догматические интерпретации истории, не дававшие к девятнадцатому веку тех всеобъемлющих объяснений прошедшему и происходящему, на которые они претендовали.

Третий же фактор – это специфика европейского и, прежде всего, английского капитализма, который и стал объектом пристального внимания и Маркса, и Энгельса. Поэтому не удивительно, что при очень ограниченных в сравнении с современными знаниях мировой истории и особенно истории Востока, Маркс и Энгельс абсолютизировали знания, полученные на основе изучения реалий Западной Европы и экстраполировали полученные выводы на всю историю человечества, которая видится нам сейчас несравненно более сложной, нежели в позапрошлом столетии.

Но что же взамен?

Не углубляясь в анализ множества более поздних теорий, мы в соответствии с поставленными перед нами задачами коснемся лишь уязвимых граней образного языка, в рамках которого и функционируют понятия «базис и надстройка», «общественное бытие» и «общественное сознание» и вспомним имевшую хождение уже с древнейших времен идею общества, как своего рода организма, где связи элементов, и соответствующие им взаимодействия оказываются не только причинно-следственными, однонаправленно детерминационными, но и структурно-функциональными.

Но сначала попытаемся совместно поразмышлять над понятиями, над тем, что, казалось бы, самоочевидно. Дело в том, что одни и те же слова и, в том числе понятия могут менять свое значение, свое содержание, в зависимости от того, когда,

кем и в каком контексте они употребляются. Так, например, русское слово «есть» может быть понято лишь в контексте, ибо само по себе оно означает и то, что имеется, и принятие пищи. Слово же «оружие» у людей разных эпох породит и совершенно разные ассоциации и, соответственно, различные эмоциональные реакции, переживания. Древний человек или средневековый викинг представил бы меч, копье и т.д. и азарт, и ужасы рубки, рукопашного боя. Снайпер же (как в известном фильме «Враг у ворот», в центре, которого психологический поединок советского и немецкого снайперов) будет представлять не только принципиально иное оружие, но и совершенно иные формы поведения, требующие иных человеческих качеств и порождающие во многом совсем иные эмоции.

Еще сложнее обстоит дело с понятиями и понятиями-образами, связанными с духовными формами человеческой деятельности и неотделимыми от них эмоциями. Такие понятия, как «Красота», «нравственность», «справедливость» и даже «выгода», «целесообразность», «успех» в различных социумах, в разное время и в различных социальных слоях и группах, более того, у различных индивидов, могут восприниматься по-разному. Столь же непросто обстоит дело и с такими, вроде бы устоявшимися философскими и социально-философскими понятиями, как «материя», «сознание», «материализм», «идеализм», «бытие», «общественное бытие», «общественное сознание». Так, с точки зрения той современной философии, которая изучается в вузах сам вопрос о «первичности» бытия или сознания выглядит не вполне корректным. Почему?

Вспомним истоки. Слово «онтология», как составляющее философских систем, «учение о бытии», состоит из двух частей. Вторая в переводе с древнегреческого означает учение, слово. А первая восходит к греческому слову «онтос», означающему «бытие». А что такое бытие? – Это сущее, то есть то, что существует. Стоявший у истоков древнегреческой элейской школы Парменид, который, как принято считать, и ввел понятие «бытие», утверждал, что «всеобъемлющее бытие единственно», а небытия нет. Но, если, при таком взгляде на мир быть последовательным, то вопрос о первичности и вторичности сам по себе отпадает: есть только то, что есть, и оно в принципе или, если хотите, в своей основе неизменно.

Минутя многочисленные полемические моменты в истории мировой философии, коснемся лишь того, что и в современных тестовых заданиях по философии, на вопрос, какое понятие шире:

бытие или материя, следует отвечать: бытие. То есть «бытие» дается, как предельно широкое понятие, обозначающее все, что существует и, следовательно, включающее в себя и то, что именуют материей, и то, что именуют сознанием. Поэтому-то, при таком подходе, утверждать, что бытие определяет сознание, все равно, что вырывать часть из целого. Ведь и сознание, поскольку оно существует – составляющая бытия. Но, если это так, то, осуществляя элементарную подстановку, как при использовании формул, мы вправе полагать, что и утверждение «общественное бытие определяет общественное сознание» некорректно. Скажем, если дважды два не равно пяти, то и две «продовольственных корзины». прибавленные к двум другим таким же «корзинам» не дадут в сумме пять.

Правда, здесь можно было бы оговориться, что К.Маркс и Ф.Энгельс вкладывали в свои рассуждения и утверждения не тот смысл. Можно полагать, что интуитивно они шли к тем теориям, согласно которым целое, в определенных интерпретациях «структуры» определяют специфические характеристики их составляющих. Скажем, разным социумам, типам обществ, как определенным целостностям, должны соответствовать равно и их элементы, и складывающиеся системы связей этих элементов. И это будет тоже по своему логично. Но целостного осмысления возникающих проблем логического, идеологического и историко-философского характера на сегодняшний день у нас, пожалуй, еще нет. Не случайно экзаменационные тесты по философии нередко требуют от студентов давать, как правильные, такие ответы, которые по своему существу являются марксистскими, хотя при этом умалчиваются и сам источник, и наличие иных подходов. Например, для того, чтобы компьютер зашел, как верный, ответ на вопрос, что такое материя, надо выбрать именно ленинский ответ, а никакой иной. Такого рода ситуации – результат промежуточности самого нашего положения в мире научных и идеологических исканий и обоснований векторов нашего собственного движения и в области теории, и в области практики.

Но вернемся к понятиям- образам базиса и надстройки. Сами эти понятия-образы не бесспорны. Ведь их использование подразумевает, что есть некая основа, фундамент, на котором выстраиваются этажи социума. Основа эта, естественно, первична. И, казалось бы, самоочевидно, что, для того, чтобы родить верования, утверждать правовые и нравственные нормы, творить произведения искусства и заниматься наукой,

люди должны сначала удовлетворять свои потребности в жилье, питании, выращивании детей. Согласно евроныос, британские ученые уже последних лет, установили, что использование писателями, то есть творцами художественных произведений, определенных негативных по своему значению слов (таких, как гнев, страх, печаль, отвращение) коррелируется с... мировыми экономическими кризисами. Правда, увеличение числа такого рода слов в книгах отстоит от самих кризисов примерно на десять лет. Феномен, который те, кто его отметил, объясняют тем, что, уже став взрослыми, авторы переносят в свои произведения ощущения тревоги и неустойчивости, с которыми они столкнулись в собственном детстве.

Однако стоит нам соприкоснуться с конкретными социально-историческими феноменами, и возникает целый ряд вопросов, на который сложно ответить, используя привычные понятия «базис» и «надстройка», даже при многочисленных оговорках, согласно которым, хотя базис определяющ, но надстройка тоже активна. Оговорки эти оказываются слишком расплывчатыми, а реальность – конкретной. Так, как только начинаются дискуссии о причинах распада СССР, то, сколько бы не рассуждали об экономических аспектах или даже экономических основах этого распада, никак не обойти вопросы о роли Горбачева и советской партийной элиты – то есть той жизненно важной роли, которую сыграла в судьбе огромной страны именно надстройка. Почти так же, если усматривать в качестве позволяющего перевернуть мир архимедова рычага, экономику, то повисает в воздухе вопрос: каким же образом такая быстро развивавшаяся и колоссальная по людским и материальным ресурсам страна мира, как Россия, могла так быстро скатиться в бездну Гражданской войны начала двадцатого века? С другой же стороны, если прислушаться к тем, кто видит у истоков «русской смуты» то слабость царя, то наоборот измену элиты, предавшей монарха к моменту, который должен был стать для русской армии победным, то в слепоте русских либералов и кознях российских революционеров, то остается вопрос о том, почему в результате Первой мировой войны вместе с русской рухнули сразу еще три монархии: прусская, австро-венгерская и турецкая? Ведь и характеры глав государств были не одинаковы, и элиты не идентичны, и организация хозяйственной жизни, так же, как и ее уровни не были тождественными. Скажем, Османскую империю к тому времени в Европе называли «великим большим», а Россию, Пруссию, Австро-Венгрию, рассматривали хотя и по-разному,

но в ином свете. И подобным вопросам нет числа. Таким образом, мы видим, что и множество отдельных конкретных феноменов и процессов, и многоликая мировая история в целом свидетельствует о несравненно более сложной системе связей и детерминант общественного и индивидуального развития. Таких детерминант, которым более соответствует понятие-образ уже упомянутого социального организма, то есть такой системе структурно-функциональных связей, в которой нельзя ни интуитивно, ни жестко логически выделить единственно ключевое, определяющее и то, что, пусть, в «конечном счете» им определяется. Так, какую из подсистем живого организма можно саму по себе назвать первичной, детерминирующей: костную, мышечную, нервную, деятельность головного мозга? – Здесь, как и в обществе, такие комплексы взаимосвязей, которые нам еще изучать и изучать. Хотя не исключено, более того, на такие предположения наталкивает само историческое движение человеческой мысли, что на «новом витке развития» мы более внимательно отнесемся и к наследию К.Маркса. Но поставленный самой жизнью вопрос пока еще остается открытым: каковы же реальные и «надуманные» потребности людей и насколько материальное здесь сплетено с тем, что именуется иначе?

Литература.

1. Маркс К., Энгельс Э. Соч.

В чем мы нуждаемся и чего же мы хотим? Заглянем в царство потребностей.

Итак, хорошо известно, что человеческие потребности и поиски путей их удовлетворения являются пружиной человеческих поступков и, следовательно, определяют и структуру социумов, и направленность социальных движений. Но что из себя являют сами эти потребности? Как они связаны с базисными и иными ценностями, характерными для определенных культур и исторических периодов в жизни тех или иных человеческих сообществ?

Вопросы головоломные и не имеющие общепризнанных ответов. Не углубляясь в дебри разнообразных теорий, вспомним, как проблема потребностей звучит в экономической

литературе. В качестве примера возьмем четвертое издание учебника «Экономическая теория» Евгения Филипповича Борисова. В параграфе «Роль потребностей в развитии реальной экономики» он определяет потребность, как нужду или недостаток «в чем-либо необходимом для жизнедеятельности людей». «Всю историю экономики, - подчеркивает автор, - можно рассматривать, как процесс формирования все более высоких потребностей людей...» (1, с.16) Здесь, пожалуй, уместно было бы добавить, что в реальной истории речь идет не просто о формировании более высоких потребностей (хотя и это нельзя игнорировать), но и о возможных их изменениях в зависимости от специфики тех или иных форм культуры. Скажем, сегодня с телеэкранов можно услышать, что те поцелуи, которыми осыпают ребенка, благотворно влияют на его развитие. Однажды даже прозвучала цифра: семнадцать поцелуев в день, как основа здорового развития ребенка. Но как быть там, где поцелуи даже в половозрелом возрасте заменяются иными видами ласки, допустим обнюхиванием или чем-то иным? Как быть с потребностями в роскоши, в свите, достаточно представительной по числу сопровождающих? Писала же японская дама одиннадцатого века в своих «Записках у изголовья» о том, что мужчина, у которого недостаточное число сопровождающих, для нее просто не существует. «»Мужчину должен сопровождать эскорт. Самые обворожительные красавцы ничего не стоят в моих глазах, если за ними не следует свита...» (2, с.72) Конечно, здесь можно возразить, что речь не идет о базовых потребностях, необходимых для выживания и решения реальных проблем, встающих перед человеком. Но что такое реальные проблемы? И как они соотносятся с конкретными жизненными ситуациями – то типичными для определенного культурного ареала, то достаточно необычными?

Так, например, потребность в продолжении рода можно назвать общечеловеческой. Но пути к ее удовлетворению, подчас, поразительно различны. Причем движение по этим путям требует попутного удовлетворения совершенно специфических потребностей. Скажем, в коне, который помог бы русскому парню взлететь к окошку терема, где сидит краса ненаглядная, как непремемному условию женитьбы, или герою восточной сказки о прекрасной, но злобной царевне Паризад, который для того, чтобы жениться, должен был бы на полном скаку выдернуть из земли старый чинар. Такого рода потребностей и многого того, что связано со спецификой миров культуры, мы обязательно

коснемся. Ну а пока сосредоточимся на потребностях, которые, согласно Борисову Е.Ф., присущи представителям «современной цивилизации».

Реестр их включает:

«*Физиологические* (в пище, воде, одежде, жилье, (только что упомянутом – авторы) воспроизводстве рода;

В *безопасности* (защита от внешних врагов и преступников, помощи при болезни, защите от нищеты);

В *социальных контактах* (общении с людьми, имеющими те же интересы, дружбе и любви);

В *уважении* (признании со стороны других людей, самоуважении, приобретении определенного общественного положения);

В саморазвитии (совершенствовании всех возможностей и способностей человека)» (1, сс16 -17).

Обратим внимание, что здесь идет речь именно о современной цивилизации, причем рассматриваемой в ее формах, наиболее развитых с точки зрения светского человека, европейца. В истории же человечества, неотделимой от истории мировой культуры, все неизмеримо сложнее и многограннее. Но разговор об этой многогранности еще впереди. Хотя и при всей этой многогранности наблюдается нечто достаточно устойчивое и повторяющееся. Мы же обратимся к интерпретации потребностей психологами. В «Кратком психологическом словаре» еще советских времен потребность определяется, как состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в объектах, необходимых для его существования и развития». (3, с.253) . Обнаруживаются же потребности в мотивах (влечениях, желаниях и т.д. (3, с.254). А в «Большом психологическом словаре» сказано, что потребность (английское «нид» - форма связи живых организмов с внешним миром, источник их активности (поведения, жизнедеятельности) (4, с.402) Близкое по духу определение дано и в словаре «Человек»: «Потребность – специфическая (сущностная) сила живых организмов, обеспечивающая их связь с внешней средой для самосохранения и саморазвития, источник активности живых систем в окружающем мире» (5, сс.407 – 408).

Но какие же виды потребностей мы можем выделить?

Над этим люди задумывались еще тысячи лет назад. Знаменательно, что, согласно традиции, греческий философ Фалес, на вопрос «Кто счастлив?», отвечал: «Тот, кто здоров телом, одарен спокойствием духа и развивает свои дарования» (6, т.1 с.6). То есть выделил три базисных, по его мнению, группы потребностей: потребностей тела, потребностей собственно психологического плана и перекрещивающихся с первыми двумя потребностей саморазвития.

Со временем акценты в размышлениях философов стали смещаться в сторону поисков движущих пружин мировой истории. Но и тут мы вольно или невольно выходим на проблему движущих пружин человеческого поведения и соответственно иерархии потребностей.

Рациональный XIX век стал искать пути решения проблем в разуме, который, может быть, и не всегда был разумен, однако в первую очередь пытался обслужить потребности тела. Такое обслуживание и стало пониматься, как верх рациональности. Ведь давно было сказано: «В здоровом теле – здоровый дух».

Этот, узко прагматический «материализм» был дополнен серьезными теоретическими разработками, которые легли в основу уже упомянутого марксизма. Вполне понятно, что, стремясь раскрыть законы истории (насколько они были раскрыты – другой вопрос), марксизм не мог обойти проблему иерархии потребностей. Впрочем, и для К.Маркса, и для Ф.Энгельса, здесь и проблемы-то не было – настолько все казалось ясным. Характеризуя сущность собственного материалистического понимания истории, Энгельс писал: «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, искусством, религией и т.д.»(7, с.350)

Правда, на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий нашелся европеец, который поотодвинул в сторону потребности в еде, питье, жилище и вывел на авансцену исследовательской мысли секс и потребность в продолжении рода. Это был Фрейд. Человек почтенный. Но, вероятно, не особенно изнывавший от голода или зябкой стужи.

Современные же психологи, социологи и экономисты выстраивают целые «пирамиды» потребностей, стремясь

определять их иерархию, основанную на том или ином понимании их природы, природы человека в целом и общества, в котором разворачивается жизнедеятельность индивидов и социальных групп. Так, известный американский психолог А.Маслоу, явившийся «одним из основателей гуманистической психологии», выделял пять уровней потребностей, базовые из которых он считал врожденными: 1-й - низший уровень – физиологические потребности; 2-й – потребности в безопасности; 3-й – потребности в любви, привязанности и принадлежности к определенной социальной группе; 4-й потребность в уважении и признании; 5-й – потребность в самоактуализации или «самореализации», «т.е. потребность в осуществлении своих способностей и талантов, творческих потенций». (8, с.278). Как отмечает канадский автор, Ж.Годфруа, «Согласно Маслоу, путь к осуществлению потенциальных возможностей индивидуума и его самореализации – открывается лишь после удовлетворения его насущных потребностей» (9, с.91)

«Высшая природа человека опирается на его низшую природу, нуждается в ней, как основе, и терпит неудачу без этой основы. То есть, для большинства людей природа человека непостижима без удовлетворения низшей природы, как ее опоры», подчеркивал А.Маслоу в своей работе «К психологии бытия».

Поясняя позицию Маслоу, авторы книги «Теория и практика личностно-ориентированной психологии» (из которой и взята эта цитата) Дж. Фейдимен и Р.Фрейгер пишут: «По Маслоу, ранее называемые потребности доминируют, то есть должны удовлетворяться прежде называемых позже. «Человек может жить хлебом единым – если ему не хватает хлеба. Но что происходит с желаниями человека, когда хлеба достаточно, когда его желудок постоянно сыт? Сразу же появляются другие, более высокие потребности, и начинают доминировать в организме. Когда и они удовлетворяются, новые, еще более высокие потребности выходят на сцену, и так далее». (10,с.с.292 – 293)

Схема понятна. Но полна ли она, и всегда ли даже обычный человек, а не обладатель особых дарований, стремится удовлетворять их в указанной последовательности?

Возможно, не всегда все так линейно.

Еще нидерландский философ, культуролог и историк Иоганн Хейзинга исследовал игру, как одну из важнейших основ культуры и предкультуры. Ведь, как хорошо известно, играют и животные, и птицы. И игра оказывается важнейшим слагаемым

их жизнедеятельности (включающим целый спектр актов – от обучения до проторитуала и ритуала). Вполне понятно, что игра зиждется на определенной потребности в игре. Иначе ее просто не было бы.

Более того, если мы от психофизиологии и этологии перекинем мостик к мифологии, сказаниям, сказкам, фольклору в целом (и не только), то увидим, что своего рода игра оказывается важнейшим элементом человеческого, да и надчеловеческого бытия. Здесь боги и духи играют с людьми, а люди – с духами и богами. Сфинкс задает свои загадки, родовитые красавицы требуют от нескончаемых женихов выполнения самых невероятных заданий, неприметные с виду путники и калики переходящие могут оказаться божествами либо, по крайней мере, богатырями, чья сила и мужество никак не вяжутся с их обликом – своего рода игровой маской, скрывающей подлинную суть героев...

Согласно же российскому психологу П.В.Симонову, можно выделить три самостоятельные группы потребностей. Первая группа – витальные или *биологические*, включающие такие потребности, обеспечивающие сохранение индивида и вида, как потребности в воде и пище, оборонительные, «экономии сил» и другие. То, что касается воды, пищи, самозащиты, кажется понятным. Но что такое потребность в «экономии сил»? Это, по П.В.Симонову, «потребность, побуждающая человека искать наиболее короткий, легкий путь к достижению своих целей. Принцип экономии сил лежит в основе изобретательского технического творчества и совершенствования навыков, но может приобрести и самодовлеющее значение, трансформирующееся в лень» (11, с10)

Определяющими особенностями таких потребностей здесь названы два признака. Первый: неудовлетворение соответствующей потребности ведет к гибели. Второй: удовлетворение потребности не требует участия другой особи того же вида.

«Вторую самостоятельную группу составляют социальные П., которые возникают только при взаимодействии с другими представителями своего вида, порождая половое, родительское, территориальное поведение, соперничество и формирование групповой иерархии».

Третья самостоятельная группа – потребности идеальные, к которым относятся потребности познания и творчества. При

этом в каждой из этих групп можно выделить «потребности для себя» или «права» и потребности «для других» (обязанности)... Удовлетворение данных потребностей возможно лишь при удовлетворении потребностей дополнительных, таких, как вооруженность необходимыми средствами, знаниями, умениями и способностью к преодолению возникающих на пути препятствий к цели, которая именуется волей (12, с.408).

Именно воля позволяет сдерживать удовлетворение непосредственных потребностей для удовлетворения потребностей более значимых для выживания. например, бороться с потребностью в отдыхе и сне в завьюженной степи для того, чтобы достичь спасительного жилья – то есть удовлетворить потребность более «отдаленную», но жизненно важную в данной конкретной ситуации. Она же, то есть воля, может сдерживать желание напиться при отсутствии безопасного для здоровья источника, что, как многие помнят, замечательно выражено в сказке про сестрицу Аленушку и братца Иванушку, напившегося из следа от копытца.

Есть и иные потребности, и несколько иные классификации потребностей в целом. Однако масштабный их анализ – задача специального психологического исследования ... Обратим лишь внимание на то, что при выстраивании пирамид иерархии потребностей остается вопрос о соотношении биологически врожденного и обретенного в процессе жизнедеятельности индивида, особенно в первые годы его жизни. Здесь современные исследования позволяют нам прикоснуться к самым сокровенным тайнам поведения целого ряда живых существ, как ключикам к поведению человека. Так, казалось бы, что потребность в продолжении рода врожденна. Но не все так линейно и очевидно. «У низших животных, - как пишет, -Ж.Годфруа, - размножение составляет главное дело жизни. некоторые из них живут только до тех пор, пока не произведут потомства, и умирают. как только их задача выполнена... У высших животных, особенно у приматов, напротив, опыт все больше и больше берет верх. Так, например, в экспериментах, проведенных Харлоу (1966), молодые шимпанзе находились с рождения в *частичной* изоляции, причем были полностью лишены физического контакта с другими детенышами; в результате эти животные, достигнув зрелого возраста, оказались неспособными к спариванию. А самцы, детство которых протекало в *полной* изоляции, проявляли прямо-таки враждебное отношение к самкам...

Подобные аномалии могут встречаться и у людей. Как бы то ни было, развитие навыков сексуального поведения у подростка

или молодого человека находится в зависимости от жизненного опыта, а также от воспитания, полученного в рамках данной культуры...» (8, сс.249 – 250) Кстати, подобную зависимость исследователи обнаруживают и когда речь идет о материнстве. Казалось бы, выводы очевидны. Тем более, что их делают профессионалы.

Но в самой истории культуры вопрос о соотношении врожденного и возможностей воспитания, направленного определенным образом, не имеет однозначного ответа. В этом отношении показательна одна старинная китайская история-притча, пронизанная явно даосским духом – духом учения, возглашающего неодолимую силу природы, которой и должен следовать истинно мудрый. В этой истории с мягким юмором рассказывается о том, как один буддийский монах (а ведь буддисты, это те, кто стал призывать гасить пламя страстей, демонстрируя, каким образом можно достичь такой, невероятно трудной цели) с горы Утайшань взял себе в послушники трехлетнего мальчика. «Гора Утайшань очень высокая, а монах с мальчиком жили на самой ее вершине, занимались самосовершенствованием и ни разу не спускались вниз.

Лет через десять с лишним монах и послушник спустились с горы, и послушник впервые увидел волов, лошадей, петухов, собак.

Поэтому монах стал объяснять ему:

- Вот это вол. на нем можно пахать поле; а это лошадь, на ней можно ездить верхом. Это – петух, он может возвещать рассвет; а это – собака. Она может сторожить дом.

Послушник кивал в ответ.

Вскоре мимо них прошла молоденькая девушка.

- А это что? – спросил послушник.

Монах, не желая, чтобы ученик думал о подобных существах, ответил с серьезным видом:

- Это тигр; всякого, кто к нему приблизится, он пожирает, не оставляя даже косточек

Вечером, когда они вернулись обратно в гору, монах спросил:

- Ну, понравилось тебе какое-нибудь существо из тех, что ты сегодня видел под горой или нет?

- Никто не понравился, - ответил послушник. – Только этот тигр, что пожирает людей, очень понравился. Никак из головы не идет».

Так как же соотнести многовековой народный опыт, опыт древних мудрецов, особенно многообразный на Востоке

и наблюдения современных исследователей? Где и в каких отношениях уместны выводы одних, а где – других? Здесь есть над чем подумать и самому читателю, попытавшись вспомнить увиденное, прочитанное и то, с чем соприкоснулся он сам в своей жизни или узнал о жизни своих друзей и знакомых.

Литература.

1. Борисов Е.Ф. Экономическая теория. Учебник. – М.: Высшее образование, 2008.
2. Сэй-Сенагон. Записки у изголовья... М.: Худож. лит., 1988.
3. Краткий психологический словарь. – М.: Политиздат, 1985.
4. Большой психологический словарь под ред. Б.Г.Мещерякова, В.П.Зинченко. – Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
5. Человек: анатомия, физиология, психология. Энциклопедический иллюстрированный словарь. Под ред. А.С.Батуева... СПб: Питер, 2007.
6. Таранов П.С. 106 философов. – Симферополь: Таврия, 1995.
7. Марк К., Энгельс Ф. Соч., Т.19.
8. Большой психологический словарь. Под ред. В.Г.Мещерякова, В.П. Зинченко. – Санкт- Петербург: Прайм- ЕВРОЗНАК, 2007.
9. Годфруа Ж. Что такое психология. – В 2-х томах. Том 1 Пер. с фр. – М.: Мир, 1996.
10. Фейдимен Дж. и Р. Фрейгер Теория и практика личностно ориентированной психологии. М., 1996.
11. Симонов П.В., Ершов П.М., Вяземский Ю.П. Происхождение духовности. – М.: Наука, 1989.
12. Человек: анатомия, физиология, психология. Энциклопедический иллюстрированный словарь. – СПб: Питер, 2007.

Потребность, оказавшаяся в тени?

Хотелось бы заметить, что среди потребностей, рассматриваемых в этих концепциях, как правило, обходится потребность в воздаянии, крайней стороной которого оказывается месть. а ведь на протяжении истории, да и в наши дни, месть могла и может быть воспринята, как основная либо важнейшая цель индивидуального человеческого бытия, что, например, с замечательной выразительностью звучит у арабов: «Бедуин отомстил через сорок лет и сказал: «Я поспешил». То есть речь идет о том, что чувство мести может жить в

человеке десятилетиями и стать одной из базовых ценностей, определяющих для индивида, а то и группы сам смысл жизни.

Ценностью, которая уже сама по себе может восприниматься неоднозначно. В наполненной мягкой иронии постмодернистской книге известного автора Итало Кальвино «Наши предки» мы встречаем любопытный словесный шарж на такого рода феномен, Перед читателем - молоденький рыцарь Рамбальд, который явился в войско крестоносцев, чтобы отомстить за своего отца, павшего в былые годы в битве с басурманами...

Стремясь к достижению цели всей своей жизни, «Рамбальд направился к шатру Суперинтенданства по делам поединков, мщения и запятой чести...

- Так, значит, ты желаешь отомстить за отца, маркиза Руссильонского, в чине генерала? Ну что ж. Порядок таков: чтобы отомстить за генерала, надо убить трех майоров. Мы можем указать тебе таких, с которыми нетрудно справиться, и твое дело сделано.

Нет, я плохо объяснил. Аргалиф Исохар – вот кого мне нужно убить. Это от его руки погиб мой отец.

- Да- да, мы поняли, но не думай, что победить Аргалифа – такая простая штука... Хочешь четырех капитанов? Мы гарантируем тебе четырех басурманских капитанов за одно утро. Ведь четыре капитана идут за генерала армии, а твой отец был только бригадным генералом.

- Я буду искать Исохара и выпущу из него потроха. Только из него самого!

- И кончишь на гауптвахте вместо битвы, будь уверен! Подумай немного, прежде, чем ерепениться. Если мы ставим тебе палки в колеса, значит на то есть причины... а вдруг наш император ведет с Исохаром какие-нибудь переговоры...

Но тут один из служащих, который до поры сидел, зарывшись с головой в бумаги, поднял ее и радостно воскликнул:

- Все! Проблема решена! Никакого мщения не требуется. Позавчера Оливье вообразил, что двое его дядюшек погибли в бою, и расквитался за них. А они валялись под столом пьяные. Как вам это нравится? Теперь на нашем счету две лишние мести. Вот все и уладилось: одну месть за дядю посчитаем за полмести за отца, и выходит, что у нас есть вакантный отомщенный родитель!

- О, мой отец! – Рамбальд был вне себя.

- Чего это тебя разобрало?»...

с. 345 - 346).

Тон Кальвино полушутлив – полусерьезен. Но проблема-то вполне серьезна. И рождает немало размышлений.

Например, являются ли эта потребность и связываемые с ней детерминанты поведения и приоритетные ценности сугубо человеческим поведением или ее ростки следует искать еще в мире животных? Вопрос открытый. Не углубляясь в этологию – науку о поведении животных, только отметим, что нередко рассказы о «мстительности» и «злопамятности» собак. Известно упоминание о слоненке, которого обидел хозяин некой торговой лавки. Прошло время и слоненок, специально набрал воды в хобот, и, проходя мимо лавки, окатил ее водой. В художественной же литературе идею воздаяния со стороны животных мы встречаем многократно. Наверное, один из самых глубоких и зримых образов, несущих идею такого рода мы видим у Чингиза Айтматова, в одном из знаменитых произведений которого Волчица, мстя за загубленных детенышей, уносит мальчика – сына человека, не имевшего никакого отношения к похищению волчат. В этом образе зримо дана идея единства человечества, единства социальной ответственности, при котором за грехи и злодеяния одних, так часто приходится расплачиваться другим.

Особенно же много художественных произведений, в которых воздаяние – месть становится смыслом жизни и лейтмотивом целой серии собственно человеческих поступков. Так, мы можем вспомнить «Графа Монте-Кристо» и Дантеса, которого человеческая корысть и подлость ввергли в многолетнее заточение. Оказавшись на свободе, Дантес без малейшей жалости отомстил обидчикам, и написано это так, что читатель целиком на его стороне.

Психологическая основа этой потребности, становящейся для индивида приоритетной ценностью, в частности, любопытно высвечена в одной из частей российского сериала «Петля времени», где тот, кто еще ребенком увидел убийство отца и матери, став взрослым, идет на собственную гибель, но расправляется с убийцами, причем с последним из них прямо на глазах у полиции.

В трансформированном виде эта потребность в мести звучит и в самых разных религиях, идет ли речь о духах и таинственных силах природы, о законе кармы или о воздаянии Божьем, которое, хотя и далеко не сводится к возмездию, однако в сознании миллионов людей очень часто с ним связано.

Не удивительно, что именно в «Ветхом Завете» воздаяние, месть оказываются в числе важнейших и особенно часто употребляемых понятий. Недаром критики Библии стремились еще совсем недавно подчеркивать, что библейский Бог – Бог мстительный и ревнивый.

Понятия «воздам», «воздаяние», «отмщение» и близкие им встречаются здесь десятки раз.

Что же кроется за ними? Конечно же, жажда порядка и справедливости. Воздаяние «по делам» и отмщение в эпоху родового строя и становления раннеклассового общества оказывались мощной уздой, сдерживавшей дикие инстинкты.

Но, видимо, уже тогда эта жажда дополнялась не менее глубокой потребностью «канализации» или, выражаясь проще, выплескивания избыточных негативных эмоций. Видимо, здесь наблюдалось и наблюдается нечто схожее с любовью, привязанностью, потребностью во внимании, а, вероятнее всего, и напрямую связанное с миром лирики.

Вспомним, строки Маяковского:

Любить – это значит
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьеЙ,
блестя топором,
рубить дрова,
силой своей
играючи.

Здесь рубка дров – выплеск энергии влюбленного. (Но с другой стороны, не случайна и русская поговорка: «На сердитых воду возят»). Так же, как и гораздо раньше, по Овидию, первые любовные стихи появились тогда, когда молодой (а, впрочем, это не важно) человек провел ночь у дверей возлюбленной, которые перед ним так и не открылись.

Перейдем к собственно истории и праву и увидим: и протокольные сообщения из области судебных и исторических хроник напоминают о совершенно реальном существовании мести, среди иных, причем жизненно важных (пусть и субъективно) человеческих ценностей. Известно сообщение о женщине из России, потерявшей сына. Его убийца отсидел не слишком большой для такого преступления срок и, когда вышел на свободу, был застрелен матерью у гаража.

Да и иные, более «громкие» дела, взятые, как говорится, из самой жизни, по крайней мере, в подаче СМИ, вполне допускают

месть, как один из важнейших побудительных факторов деятельности человека. Скажем, в небе над Европой трагедия. Видимо, по вине диспетчера сталкиваются два самолета, один из которых российский. Гибнут дети. С определением же и наказанием виновных что-то тянут. И вот уже СМИ изо дня в день живописуют нам историю некого Х из Осетии, который пережил, потрясшую его личную трагедию, потеряв в авиакатастрофе жену и детей и, согласно обвинению, убил, наконец-то, злосчастного диспетчера, повинного в трагедии. В данном случае для нас неважно, насколько основаны на фактах все эти многократно повторяемые «сообщения». Здесь существенно иное – то, что убийство из мести представляется современными СМИ вполне возможным и даже «естественным», то есть соответствующим природе человека, подавленного трагическим, но не нашедшим должного отклика (в правоохранительных органах) разворотом событий.

О воздаянии человеческом, но уже в обличье кровавых военных действий, говорят и многочисленные примеры, взятые из самых разнообразных художественных и художественно-исторических произведений. Еще в младших классах школьники встречаются с пушкинской «Песней о вешем Олеге», который, желая «отмстить неразумным хазарам, их села и нивы за буйный набег обрек ... мечам и пожарам».

А в «Сказании о погибели земли Рязанской» мы встречаем историю Евпатия Коловрата, начавшего, говоря современным языком, партизанскую войну с разорившим Рязань воинством Батыя. С сугубо практической точки зрения война эта была куда более бессмысленной, чем схватка трехсот спартанцев с тысячами персов под Фермопилами. Ничей отход и ничьи жизни воины Евпатия защитить уже не могли.

Но с психологической точки зрения этот момент сказания очень важен. Народ должен был почувствовать, что нет на свете врага, способного безнаказанно убивать и уводить в рабство его сыновей и дочерей.

Ряд подобных примеров можно было бы продолжить. Здесь необычайно интересны и полезны были бы дальнейшие исследования типа «Мотивы мести в мировой мифологии и литературе», «Месть в советской художественной литературе и публицистике Отечественной войны», «... образы мстителей времен Гражданской войны» (Вспомните только юношеский фильм «Неуловимые мстители», где отнюдь не все так просто с точки зрения «общечеловеческой морали» и т.д.)

Словосочетание «удар» или «удары возмездия» также употребимо в публицистике и военно-политической литературе. Правда, здесь мы должны обратить внимание на одно существенное различие индивидуальной, индивидуально-групповой и воинской мести. Первая, особенно индивидуальная, не имеет никакого практического значения для индивида. Потерянного с ее помощью не вернешь. Более того, клановая, групповая вражда и месть может стать и самоубийственной, как в случае с шекспировскими Монтеки и Капулетти, так и в сугубо историческом противостоянии английских Алой и Белой Роз. Противостоянии, которое, естественно лишь к мести не сводилось, но и без нее не обошлось. Правда, в социальном плане личная месть, особенно, когда она перерастает в обычай кровной мести, способна стать не только тем, что разжигает многолетнюю вражду, но и превентивно сдерживающим фактором, когда, памятуя о возможных последствиях, индивид или группа индивидов не решаются на совершение деяний, крайне пагубных для не только для них самих, но и для их близких. Показательным примером, который, по крайней мере, в том виде, в каком он был передан СМИ, свидетельствует о реальности сдерживающей роли угрозы надличностного воздаяния, являлось сообщение о захвате в памятные девяностые боевиками российского теплохода с «челноками». Для освобождения заложников российская сторона предлагала самые «фантастические» проекты. Турецкая же сторона, с которой оказалось связанным происшедшее, поступила проще. Тем, кто захватил заложников, недвусмысленно намекнули, что их семьи «под прицелом», то есть могут быть «в ответе» за происшедшее. И что бы вы думали? – Заложников и сам теплоход освободили без единого выстрела. Аналогичную роль может играть сама возможность ударов возмездия уже при разворачивании событий несравненно большего масштаба.

Литература

1. Кальвино И. Наши предки. – М., 1996 - проверить.

Эта феерическая цепь.

Потребности, в свою очередь, связаны с **интересами**. Само это слово восходит к латинскому *«интерест»*, означающему в буквальном переводе то, что «имеет значение, важно». В философии под интересом понимается «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящих за непосредственными побуждениями». Крупный русский марксист Г.В.Плеханов полагал, что первыми, кто попытался объяснять жизнь общества, отталкиваясь от человеческих интересов, были французские философы-материалисты 18-го века. Гельвеций писал: «Если физический мир подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса. На земле интерес есть всеильный волшебник, изменяющих в глазах всех существ вид всякого предмета».

Понятия интерес, интерес политический широко используются в современной политической литературе и, в частности, в политологии. Стала знаменитой чеканная формула одного из крупнейших представителей английской политической элиты: «У Англии нет постоянных друзей. У Англии нет постоянных врагов. У Англии есть постоянные интересы». В советской социально-философской литературе, интересам, как и потребностям, тоже давалась определенная классификация. Не вдаваясь в детали, хотелось бы только обратить внимание на то, что существенная составляющая интересов соотносится с так называемой **выгодой**, то есть тем, что приносит кому-то конкретную, осязаемую пользу и преимущества по отношению к другим.

И вот тут-то уместно поставить вопрос: а не является ли вполне логичная мысль о том, что интересы, как важнейший фактор индивидуальной и социальной истории, впервые оценили по достоинству лишь французские материалисты? – Ведь долгая история уже Древнего Востока свидетельствует о том, что феномен интересов, пусть по своему, но учитывался и в восточной социально-политической мысли. В частности, использовалось понятие, которое в русском переводе звучит, как выгода. Стало знаменитым высказывание Конфуция: «Благородный знает долг, а низкий – выгоду». Правда, как видно уже из и этого высказывания, так и из этической системы в целом, в конфуцианских ценностях выгода, сосредоточение собственного внимания на личном, частном считалось недостойным.

Потребности же и системы ценностей сплетались и сплавливались с **мотивами поведения, желаниями и страстями**. Эти сплавы могли и могут быть относительно гармоничными, но могут, что очень хорошо чувствовали и осознавали древние, образовывать страшную гремучую смесь. Не случайно лейтмотивом самых разнообразных философских и религиозных учений стало одно многократно варьирующееся положение: «Собой сумеешь овладеть, то покоришь тогда весь мир». Обратной стороной стала мысль о том, что не умеющий повелевать собственными страстями, не сможет повелевать и другими людьми.

Итак, мы видим, что в реальной практической и духовной жизни постоянно наращиваются и переплетаются своеобразные цепи потребностей – интересов – желаний и страстей и систем **ценностей**.

Ценности.

Но что же мы называем **ценностями** и что к ценностям относим? В «Словаре русского языка» (С.И.Ожегов) среди прочих (таких, как «стоимость»), отмечено существенное для нашего рассмотрения понимание слова, а именно «значение, важность» В «Энциклопедическом» же словаре по культурологии *ценность определяется, как представление о том, что свято для человека, класса, группы, общества в целом (разрядка моя – Ю.Б.)*, их убеждения и предпочтения, выраженные в поведении. Ценности не подвергаются сомнениям, они служат эталоном, идеалом всех людей. Они могут быть общественно-политическими и духовными, положительными и отрицательными. В современную эпоху приоритет по отношению к классовым, групповым приобретают Ц. общечеловеческие (1, с.533)

Оставив пока в стороне далеко не бесспорную завершающую часть сказанного, обратим лишь внимание на тоже не бесспорное определение, выделенное в цитируемом тексте. Здесь ценность – то, что имеет, прежде всего, духовно-психологическую природу. Гораздо более приближает к нашим поискам другая характеристика ценностей, данная в «Краткой философской энциклопедии» (2, с.507). Здесь сказано: «Ценности – то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением...

Ценность является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и одновременно условием полноценного бытия объекта, наличие множества человеческих потребностей и способов чувствования объясняет существование разнообразных оценок, то, что для одного имеет большую ценность, для другого малую или вообще никакой...» И это определение не бесспорно. Его началу, как представляется, не достаёт диалектики. Остаются вопросы о соотношении ценностей в сознании индивидов и групп, о ценностях и приоритетах, то есть о том, обязательно ли ценности – это то, что некто «признает стоящим над всем». Необоснованным представляется и расплывчатое суждение о ценности, как сущности ... бытия вещи. В данном контексте оно выглядит наклейкой с другого товара, случайно или в силу моды прилепленной к объекту распродажи. Но здесь очень важно то, что рассмотрение ценностей увязывается и с психологией, и с потребностями, то есть с тем, что изучают и социология, и экономика.

Близкий в определенных отношениях подход мы встречаем и у М.З. Изотова, подчеркивающего, что «ценности - специфические социальные характеристики объектов, выявляющих их положительное или отрицательное значение для человека и общества (благо, добро и зло, истина, справедливое и несправедливое, прекрасное и безобразное и т.п.), заключенное в явлениях общественной жизни. В то же время ценности – свойства общественного предмета удовлетворять определенным потребностям социального субъекта (человека, группы людей, общества).

С помощью понятия «ценности» характеризуют социально-историческое значение для общества и личностный смысл для человека определенных явлений действительности. Ценности служат важными регуляторами поведения людей... и всегда носят конкретно-исторический характер. Что касается ценностных ориентаций, то они отграничивают значимое, существенное для данного человека от незначимого, несущественного. Их основное содержание - убеждения человека, его глубокие и постоянные привязанности, нравственные, эстетические, религиозные принципы, представления о благе, счастье и т.п. Надо сказать, что социализация личности предполагает усвоение той или иной системы ценностей, их иерархии и приоритетности.

Другими словами – ценности – это нечто весьма значимое, прежде всего, для конкретного индивида, оно ставит человека выше себя и над собой, это то, чем он не может пожертвовать ни при каких условиях». (3, с.3).

И эта характеристика при всей своей развернутости не бесспорна. Уже употребление понятия «иерархия» в применении к ценностям подразумевает, что ценности могут, по крайней мере, соподчиняться и, следовательно, в реальной жизни могут возникать ситуации, при которых человеку как раз и приходится жертвовать одними ценностями ради других.

Вопросы возникают и когда мы начинаем размышлять, сопоставляя «постоянные привязанности...» и утверждения о том, что ценности всегда носят конкретно-исторический характер. Из последнего следует, что при развитии событий и так называемые «постоянные привязанности» и индивида, и группы и т.д. могут оказаться совсем непостоянными. Иначе говоря, «постоянство» - отнюдь не атрибут ценностей, как таковых, хотя это то, к чему они в идеале тяготеют. К тому же, такие сторонники аксиологического трансцендентализма, как Виндельбанд, Риккерт, которые относят ценности к «идеальному бытию норм», никак не согласились бы с положением об исторической обусловленности систем ценностей. Но здесь дело просто в кардинальном различии исходных позиций. Ведь интересные в целом суждения из цитируемой статьи в своей основе восходят к материалистической интерпретации ценностей, которая имеет полное право на существование. Данная интерпретация была в свое время четко выражена в «энциклопедическом философском словаре в статьях «Ценность» и «Ценностные ориентации» (4, сс.764 – 765). Представляется очень важным, что в этих статьях обращается внимание на связи ценностных аспектов человеческой деятельности с познавательными и волевыми, то есть их вплетенность в сложный мир человеческого бытия, в котором субъективное очень сложно, а подчас и невозможно отделить от объективного.

Ценности могут, как вырастать из непосредственных, кажущихся наиболее сильными и актуальными потребностей и желаний, либо в значительной мере противостоять им. Противостоять для того, чтобы при столкновении конкурирующих потребностей и соответствующих им устремлений удовлетворить потребности более значимые либо для индивида, либо для социальной группы, либо для социума в целом. Однако (и это очень важно!) и чрезмерное сращивание ценностей с задачами удовлетворения насущных потребностей «низшего» уровня, и чересчур акцентированное противостояние этим потребностям могут быть опасными и даже пагубными, и для индивида, и для общества. Особенно с учетом того, что

именно в человеческих социумах можно наблюдать развитие и распространение своего рода «искусственных потребностей» и таких систем ценностей, в удельном весе которых иллюзии, иллюзорность обретают концентрацию, опасную для здоровья и самой жизни, как отдельных индивидов, так и социумов в целом.

В наше время ломки многих традиционных для постсоветских стран ценностей – ценностей, отнюдь не сводимых только к «советскости», время утверждения ценностей, базирующихся не просто на потребностях низшего порядка, но и на потребностях, сопряженных с близорукостью, акцентами на сиюминутности, на узко частном, особое значение приобретает целостное социально-философское, культурологическое и психологическое рассмотрение ценностей, как феномена, множеством нитей связанного не только с идеалами того или иного времени, той или иной социокультурной среды, но и со всем сложнейшим и подвижным комплексом социальных, а по сути своей социально-исторических явлений эпохи.

Ну а как же тогда системы ценностей являют себя в конкретных личностях, их переживаниях, направленности действий? Вопросы головоломные. И здесь, опять-таки, уместно вновь обратиться к «Философскому энциклопедическому словарю. Но не как к краеугольному камню, трамплину для дальнейшего строго направленного движения собственной мысли, а как к предмету критического анализа, дающем пищу для новых размышлений. Итак, вместе вспомним ряд базовых положений: «Развитые ценностные ориентации (Ц.о.) – признак зрелости личности. показатель меры ее социальности. Это – призма восприятия не только внешнего, но и внутреннего мира индивида, обуславливающая связь между сознанием и самосознанием...

Устойчивая и непротиворечивая совокупность Ц.о. обуславливает такие качества личности, как цельность, верность, надежность, верность определенным принципам и идеалам, способность к волевым усилиям во имя этих идеалов и ценностей, активность жизненной позиции, упорство в достижении цели. Противоречивость в Ц.о. порождает непоследовательность в поведении; неразвитость. Противоречивость в Ц.о. – признак инфантилизма, господства внешних стимулов во внутренней структуре личности, непосредственного объекта стремления на потребность...» (4, с.764)

Замечательный по своей последовательности образец рассуждений! Но всегда ли дело обстоит так, как описано? Обязательно ли противоречивость в Ц.о. будет характеристикой

инфантилизма и отсутствия «активности жизненной позиции»? Разве стержнем целого ряда древнегреческих трагедий не стала именно коллизия ценностей, столкновения страстей, раздирающих как раз сильные натуры, натуры, способные действовать и очень решительно, так, как Медея, мстящая своему мужу чудовищно страшной мстью? Разве не случалось и в более поздние времена, да и в наши дни так, что именно сильные личности захватывались водоворотом конфликтующих ценностей? – По существу, множество значительных произведений мировой художественной культуры и посвящено этим коллизиям ценностей в душах людей, оказывающихся, особенно в переломные эпохи, перед лицом того или иного драматичнейшего выбора? Здесь есть, над чем поразмышлять и что, при необходимости, переосмыслить. Мы же двинемся дальше.

Литература.

1. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997.
2. Краткая философская энциклопедия. – М.: «Прогресс» - «Энциклопедия», 1994.
3. Изотов М.З. Ценности и их роль в социально-гуманитарном познании. – В: Хабарлары. Известия. Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы, НАН РК, 2014 г., №6
4. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

Пристальнее взгляды в отдельные звенья этой цепи.

Проблема соотношения «искусственных» потребностей, зависимостей и определенных систем ценностей.

Особого анализа, причем не только психологического, но и культурологического требует то, что мы бы назвали «искусственными потребностями», то есть теми из них, удовлетворение которых не способствует укреплению жизнестойкости индивида, социальной группы, социума и даже может вредить ей. Среди них можно выделить и то, что называют

«зависимость». Например, зависимость от табака, алкоголя, наркотиков, «игромания» и т.д.

Итак, мы знаем, что потребностями называют то, в чем человек нуждается, мы знаем и то, что существуют различные подходы к определению «пирамид» потребностей или их иерархии. Есть потребности, определенные биологической природой человека и те, что называют социальными. Можно выделить (и это делается) и духовные потребности, хотя с определением собственно духовности далеко не все ясно.

Но что же такое «искусственные потребности»? – Это, по своей сути, разновидность социальных потребностей, то есть такие, которые в соответствии с определенными системами ценностей начинают культивироваться в том или ином социуме и каких-либо его слоях, подсистемах, в тех или иных группах людей. Социальные они потому, что рождаются в обществе, «искусственные» же потому, что рождаются и культивируются лишь в соответствующих условиях и, подчас, при направленной пропаганде определенных ценностей, определенного образа жизни, но, при критическом рассмотрении, их удовлетворение не является жизненно необходимым для индивида, а то и пагубным для него. Так, например, потребности в статусе и уважительном отношении окружающих – это социальные потребности, причем жизненно важные. Но превращающиеся в навязчивые стремления достичь именно такого, а не иного статуса, и с помощью таких-то, а не иных средств и, нередко, с акцентами на внешнее могут быть охарактеризованы, как такие, которые базируются на культивировании потребностей «искусственных». Скажем, тот же мольеровский «Мещанин во дворянстве», стремясь походить на представителей высшего сословия, делает это не ради самосовершенствования, не ради того, чтобы оказаться способным решать прежде непосильные для него задачи, а ради обретения внешних признаков человека иного статуса, нежели его собственный. То есть, выражаясь психологически точным языком Эриха Фромма, не ради того, чтобы «быть» или стать кем-то по сути, а ради того, чтобы «казаться». Нечто похожее продемонстрировано в нашумевшем российском фильме «Стиляги», где рабочий паренек, стремясь приобщиться к «золотой молодежи» советских лет, пытается и выглядеть, и вести себя в быту, так же, как эта «раскованная» молодежь, видящаяся ему сколком жизни западного «свободного мира». И для него становятся потрясением, чуть ли не «ересью»,

подрывающей веру в то, чем он жил целые годы, слова приехавшего с этого самого «запада» товарища о том, что «в Америке стилинг нет».

С другой стороны, то же внешнее подчеркивание статуса может быть и жизненно необходимым, как для индивида, так и для того или иного конкретного типа общества. На протяжении тысячелетий различия в одежде, обуви, головных уборах и т.п. были своего рода вспомогательными знаками «дорожного движения», способствовавшими поддержанию определенного порядка. Они помогали отдельным людям и целым группам определиться, как себя вести в той или иной конкретной ситуации. Так, Геродот упоминал, что у персов при встрече представителей различных социальных слоев приветствие выглядело совершенно по-разному. «При встрече персов, - писал он, легко можно распознать, одинакового ли они общественного положения: ведь в таком случае вместо приветствия они целуют друг друга в уста, если один лишь немного ниже другого по положению, то целуются в щеки. Если же один гораздо ниже другого, то низший кланяется высшему по положению, то низший кланяется высшему, падая перед ним ниц». (1, с.55) В различного рода социумах такие обычаи и ритуалы с годами и столетиями превращались в целые системы правил поведения, которые, подобно нитям, коими лилипуты пытались связать Гулливера, опутывали индивидов так, что какие-то формы удовлетворения потребностей в организации жизнедеятельности социума и выработки достаточно четких правил поведения для отдельных его представителей становились помехами либо начинали казаться устаревшими, наивными и потерявшими смысл. Возникает ситуация, когда какая-то часть исторических правил человеческого общежития и всего, что им сопутствует, становится архаикой, в которой сплавлены потребности, оказывающиеся «искусственными» для меняющегося общества и ценности, то есть субъективное восприятие того, что имеет особое значение для индивида и общества. Этот феномен с язвительной гиперболичностью, в частности, обыграл в своих «Философских сказках» Николай Козлов. В главке «Светский салон или мир Ритуалов» он писал: «Это мир заводных марионеток, которые подобающим образом двигая руками, ногами и туловищем, исполняют старинный танец минуэт. Почему? Зачем? – вопросы не из этого мира. Тут не поднимается вопрос: «Зачем? Для какой цели?», тут безраздельно властвует принцип: «Потому, что так принято.

Светский салон – театр привычного абсурда. Любое бессмысленное действие, освященное традициями, становится, если не святыней, то правилом. Ритуалом. Для приветствия тебе нужно шестнадцать раз определенным образом подпрыгнуть... - Нет, это по чужому Ритуалу.

Как в детстве: «Мальчик, вынь пальчик из попки и дай руку тете».

Это мир условностей и соблюдения правил приличия по установленным образцам. Это официальная часть свадеб и похорон, торжественных собраний, знакомств, ухаживаний, встреч и проводов. Так положено чествовать, так положено веселиться, так – горевать» (2, с.101).

Правда, уместно добавить, что, на взгляд авторов, все сказанное с такой язвительной иронией, справедливо лишь отчасти, не по отношению к ритуалам и стандартизированным правилам поведения вообще и соответственно ценностям, как таковым, а лишь по отношению к тем внешним проявлениям социализации, которые либо к определенному времени явно устаревают, либо контрастируют с внутренним миром, следующего им индивида, либо, когда необходимость следовать поведенческим и иным стереотипам превращается в своего рода «искусственную» потребность.

При этом важно подчеркнуть, что проблема «искусственных» потребностей не проста. Не претендуя на ее объемный охват, попробуем взглянуть на нее в сопоставлении с иными социальными и прочими потребностями. Во-первых, потребности «неискусственные» при своей трансформации в желания, стремления, интересы ведут в итоге к формированию соответствующих систем ценностей. Во-вторых, они органически связаны именно с такими системами ценностей, которые призваны служить укреплению жизнеспособности социума, по крайней мере, на определенном этапе его развития. Потребности же искусственные, во-первых, оказываются составляющими той системы связей, в которой все перевернуто «с ног на голову», то есть не системы ценностей вырастают из потребностей, а рекламируемые, агрессивно внедряемые в жизнь ценности формируют и закрепляют потребности, способные превратиться в «зависимости», то есть в то, без чего конкретным индивидам уже очень трудно или даже (почти?) невозможно обойтись. Кроме того, формирование и распространение этих потребностей, таких, как потребность в постоянных и значительных дозах алкоголя, в наркотиках при своем широком распространении

может стать опасной для существования того социума, в котором она укоренилась. Не случайно в истории девятнадцатого века прогремела так называемая «опиумная война», навязанная не брезговавшим никакими доходами «рыночным» английским капитализмом Китаю, буквально погружавшимся в бездну наркомании. Сегодня, при развитии масс-медиа, компьютерных сетей, такие «искусственные» потребности становятся все более разнообразными и значимыми. Серьезнейшей проблемой здесь оказывается то, что пагубное для одних, в том числе и для целых социумов, становится средством колоссального обогащения, а при этом и составляющей того, что в свое время называли «подрывной деятельностью» для других.

Но здесь уместно заметить, что между «искусственными» и «неискусственными» потребностями и соответствующими системами ценностей – то есть, напомним, системам значений для индивидов, социальных групп и социумам в целом тех или иных явлений или сторон «действительности», нет «китайской стены».

Еще одна грань проблемы «искусственных потребностей» и соответствующих им региональных, групповых и иных систем ценностей, это – грань, связанная с очерчиванием тех типов социальных отношений, которые, так или иначе, с ними сопряжены. Для обсуждения предлагается классификация, основанная на выделении трех типов эмоционально-ценностных отношений.

Первый тип – это такие отношения, при которых, с нашей современной точки зрения, «искусственные» потребности признаны официально или соответствуют традициям (возможно и наложение одного на другое). Так, согласно русскому историческому преданию, князь Владимир при выборе веры произнес сакраментальное: «Веселие Руси есть пити, и не может без того бытии». Согласно же «Былинам», буйный вожак новгородской вольницы – Василий Буслаев отбирал в свою дружину, глядя не на стать, не на воинские заслуги, а на то, как и сколько может выпить «кандидат» в его соратники. Если мы вспомним анекдоты и юмористические истории и куда более поздних времен, то увидим, что даже «перебор» со спиртным сам по себе не является чем-то осуждаемым, а живописание такого рода «переборов» вызывает не их отторжение, а, как бы извинительный веселый смех. Ну, поскользнулся человек. Ну, с кем не бывает? Как сказал бы в таком случае персонаж знаменитой детской сказки Карлсон, «пустяки, дело житейское».

Достаточно вспомнить экскурсию на ликеро-водочном заводе и многое-многое иное. И в такой извинительности «искусственной» потребности, так легко превращающейся в порок, было бы несправедливо винить писателей-юмористов. В данном случае, писатели лишь зеркало, причем не только нравов, но и их эмоционально-ценностного восприятия в соответствующем социуме. И это лишь один из многочисленных примеров, которые можно было бы привести, рассматривая данных тип эмоционально-ценностных отношений.

Второй тип – это такие отношения, при которых определенные виды зависимости, страсти, формы поведения, в буквальном смысле слова превращаются для некоторых индивидов (и только ли некоторых?) в «потребности», подчас, приоритетные, что самим человеком воспринимаются, как порочные. «Я пью, я гуляю. Я непутевый или непутевая». То есть грешник, сбившийся с пути Господнего и человеческого. Здесь и преступление, и зависимость, и порочная страсть – не проявление доблести, не следствие внутренней убежденности, а результат слабости, расщепления идеалов и ценностей – с одной стороны, и реального человеческого поведения – с другой. В глазах богослова Августина Блаженного это расщепление – следствие того, что душа человеческая – поле боя Бога и дьявола, и не каждый человек в своей земной жизни следует Богу. Более того, человек слишком часто – загадка для самого себя: «Великая бездна сам человек, волосы его легче счесть, чем его чувства и движения сердца» (3, кн.1. с.451).

Третий тип отношений – это отношения вызова, характерные, в частности, для контркультуры двадцатого века – субкультуры хиппи, битников и др. Этот тип протестных отношений очень образно выразил А.Вознесенский в своем стихотворении «Битник»:

Лежу бухой и эпохальный.
Постигаю Мичиган.
Как губка время набухает
В моих веснучатых щеках.

В лице, лохматом, как берлога,
Лежат озябшие зрачки.
Перебираю, как брелоки,
Прохожих, огоньки...

Ракетодромами гремя,
 Дождями атомными рея,
 Плевало время на меня.
 Плюю на время...

Однако, хотя понятие «контркультура» принято связывать, прежде всего, с двадцатым веком, различного рода явления, соответствующие обозначенному, третьему типу отношений, были известны намного раньше. Один из наглядных примеров такого вызова поэзия Омара Хайяма, наполненная гимнами «свободной любви» и вину. Вспомним, хотя бы, задиристые строки:

Брось молитву! Неси нам вина богомол!
 Разобьем свое громкое имя об пол!
 Все равно ты судьбу за подол не ухватишь.
 Ухвати хоть красавицу за подол!

Тот же задор слышен в строках:
 Ты не верь измышленьям непьющих тихонь,
 То, что пьяниц в аду ожидает огонь.
 Если место в аду для влюбленных и пьяниц,
 Рай окажется завтра пустым, как ладонь.

Аналогичный вызов официальным системам ценностей звучит и в поэзии европейских вагантов, без которых трудно представить картину западноевропейского средневековья. Ваганты – развеселые и буйные школяры, охочие до странствий и перемены мест – такими их живописует история. И недаром. Само слово **вагант** (латинское **вагантис**, сравните со знакомым: «**вагон**») произвольно от **вагаре** – *странствовать*. Но поначалу вагантами называли лишь *бродячих клириков* – пасторов без постоянной паствы, блуждавших в поисках слушателей и хлеба насущного по городам и весям. Сколько ни бранили их могущественные прелаты Западной Церкви, сколько ни осуждали, а поделаться с этой братией ничего не могли.

В XI-м же и XII-м веках *эти странствующие служители культа сливаются с группами бродячих артистов и бродячих студентов*. И теперь уже всех их именуют вагантами. Сначала это происходит во Франции, а затем в Германии и Англии.

Сами они себя горделиво называли **учениками Голиафа, а то и его детьми**. Потому их именовали еще и **голиардами**. Хотя кое-кто полагал, что голиардами они назывались совсем по

другой причине – из-за своих острых языков, готовых подцепить кого угодно.

Все они – и актеры, и отбившиеся от рук церкви святые отцы, и студенты, то шатавшиеся от университета к университету, то просто бродившие по белу свету, были, как сказано в знаменитой энциклопедии Брокгауза... , «неисправимыми друзьями вина, веселья и женщин». Об этом и пели, вызываяще и задиристо:

«Выходи в привольный мир!
К черту пыльных книжек хлам!
Наша родина – трактир.
Нам пивная – Божий храм.
Ночь проведши за стаканом,
не грешно упиться в дым.
Добродетель – стариканам,
Безрассудство – молодым!..»

Но, поскольку это были люди, которые задолго до пушкинских времен «учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», то и обряды исполняли по-своему. Правда, при этом беззастенчиво пародируя католическое богослужение – литургию. Величали античного Вакха Богом, а вместо посланий апостола Павла читали древнеримского поэта Вергилия. При этом откровенное живописание любовных утех сопровождали ученой латынью.

Чего только не звучало в задиристых песенках вагантов! Например, такие слова, в которых влюбленный высказывает сожаление о том, что девушка – предмет его страсти предпочла обращенные к Богу молитвы чисто земным наслаждениям.

«Ах, там, в долине под горой
блаженной майскою порой
гуляла с младшею сестрой
любовь моя.

Лился пленительный напев
Из чистых уст прелестных дев.
Но обмерла, меня узрев,
Любовь моя.

Светился луговой простор,
Резвился божьих пташек хор,
И к Богу устремила взор
Любовь моя.

Не лучше ли было б под кустом
Улечься нам в лесу густом
И там ко рту прижаться ртом
Любовь моя?!»

Но сквозь нетрезвый гомон и любовные вздохи порой прорывались слова, которые могли бы стать и призывом к векам грядущим. Как в этом своеобразном «гимне» «ордену вагантов», чьего автора мы так никогда и не узнаем:

«...союз вагантов
для людей любых племен, знаний и талантов...
«Каждый добрый человек, -
сказано в Уставе,
-немец, турок или грек,
стать вагантом вправе».
Признаешь ли ты Христа
Это нам не важно.
Лишь была б душа чиста,
Сердце не продажно.

Все желанны, все равны,
К нам вступают в братство,
невзирая на чины,
титулы, богатство.
Наша вера – не в псалмах!
Господа мы славим
тем, что в горе и слезах брата не оставим...»

Альтернативные же официально признанным и освоенным законам ценности мы встречаем в английских балладах о благородном разбойнике Робин Гуде. Нечто подобное можно встретить и в русских «Былинах», которые требуют отдельного системного анализа, ибо их герои уже по своему происхождению и облику, за исключением, может быть, Добрыни (да и то относительно), - не представители высших слоев общества. Тот же Микула Селянинович одной своею силушкой посрамляет целую княжескую дружину. Илья же Муромец, обидевшись на князя Владимира за тот, что тот не позвал его на пир, начинает подбивать на разгул киевскую голытьбу и даже кресты сбивать с «Божьих церквей» (4, с.163)...

Вполне понятно, что в столь кратком обзоре невозможно охватить все аспекты проблемы, но здесь есть над чем размышлять в дальнейших исследованиях.

Литература.

1. Геродот. История. – Л.: Наука, 1972.
2. Козлов Н. Философские сказки для обдумывающих житье или веселая книга о нравственности. – М.: Новая школа, 1996.
3. Таранов П.С. Анатомия мудрости. 106 философов. – Симферополь: Таврия. 1995.
4. Былины. М.: Современник, 1985.

Кульбиты ценностей.

Интереснейший и повторяющийся на протяжении всей мировой истории феномен – это то, что можно было бы назвать кульбитами ценностей, то есть их перевертыванием, своего рода сменой ценностных полюсов, когда дружелюбно полезное, высокое, прекрасно доброе начинало превращаться во враждебно зловерное и, соответственно, низкое и эстетически непривлекательное либо влекущее опасное, как любовь русалок или завораживающее пение сирен.

Особенно наглядны эти кульбиты в истории религии и, слитых с этой историей, нравственно эстетических ценностей. Здесь бывшие духи и божества, к коим люди столетиями зывали за помощью, сплошь и рядом превращаются во Враждебные и Богу и человеку силы, нередко сохраняя что-то из своих прежних внешних признаков. Так, некогда популярный у древних греков **Пан** был богом природы, что впоследствии и породило термин **пантеизм**, то есть такие взгляды, такое мировосприятие, при котором Единый Бог не отделен от Природы, не возвышается над миром, а слит с ним, являя свою Божественность во всем сущем.

Пана этого представляли весьма колоритным. Он родился покрытым шерсткой, с хвостиком, копытцами и рожками – столь забавным, что, увидев свое детище, родная мать чуть не захлебнулась от смеха. Но только ли забавным? Напрягите свою память – не напоминает ли Вам это существо кого-то? Уж не чертенка ли? – Если напоминает, то не случайно. Культурологи-религиоведы полагают, что христианский черт унаследовал свой облик от языческого Пана. Даже кое-что в поведении схоже. Тот же Пан был не прочь пошкودить. Как верили, он, забавы ради, бывало, бегал по горам, пугая людей своими криками, кажущимися нам эхом. Отсюда и знакомое нам слово «паника»

- безотчетный, часто массовый страх, который так и назван, потому что причиной его виделся бог Пан.

На протяжении истории не раз кардинально менялись и сотворенные руками людей объекты поклонения. Возьмем, хотя бы, такие русские слова, как «чурбан», «чурка», последнее из которых может иметь и презрительную этническую окраску. Ими сегодня характеризуют тех, кого принято считать недалекими, туповатыми, непонимающими чего-то такого, что важно для выполнения их прямых обязанностей. Но, всмотримся в туманные дали прошлого. Там слова «чур», «шур» рождали совсем иную оценочно-эмоциональную реакцию. **Щур** – это предок При наличии же и широком распространении культа предков, предок, у руссов – шур или чур – существо чтимое. Старое же русское слово пращур означает далекого и тем более уважаемого предка. Славяне верили, что предки – **щуры** способны поддержать живущих. Отсюда и сохранившееся вплоть до двадцатого века восклицание в детской игре пятнашки или салочки: «Чур меня!», после которого салить или пятнать того, кого удалось догнать, нельзя. Почему? Да потому, что когда-то, сотни лет назад считалось, что такое восклицание ставит выкликнувшего эту своего рода магическую формулу под защиту предка. Но те же духи предков строго следили и за тем, чтобы потомки соблюдали завещанные ими правила и формы поведения. Говорящее об избыточности каких-то действий или состояний современное русское слово «чересчур» словно напоминает нам о том, что крайне нежелательно, а то и не допустимо. Быть чересчур «скупым» и т.д. – значит переступить черту недозволенного предками-щурами.

Вполне понятно, что культ предков везде и всюду был связан с поклонением определенным материальным предметам, связанными с этим культом, изображениями. У степняков такими изображениями могли стать так называемые «каменные бабы». У тех же, кто обитал в лесах, объекты поклонения в значительнейшей мере были из дерева. После прихода на Русь и постепенного закрепления христианства такие объекты поклонения стали порицаться и осмеиваться. Так чтимые деревянные изображения чуров стали чурбанами, обретшими и уничижительно бранный смысл.

Более того, определенные нормы поведения, в том числе и ритуализированные из допустимых и необходимых могли превращаться в порочные и недопустимо греховные. Маленький, но показательный пример. Слово онанизм, означающее, по Библии, совершение чудовищно противоестественного греха восходит к

имени библейского же персонажа Онана. Как гласит Библия, Онан был сурово наказан Богом за то, что, будучи вынужден жениться на определенной женщине, он, взойдя к ней на ложе, излил свое семя на землю. Для древних евреев такого рода деяния были кощунственными. И это вполне понятно, даже, если исходить из сугубо практических соображений: все формы удовлетворения сексуальных потребностей, которые не вели к продолжению рода и укреплению его единства, расценивались как порочно безбожные. К введению таких жестких морально-религиозных норм подталкивало само положение народа, оказавшегося волею истории на перекрестке движения воинственных человеческих масс.

Но сама по себе история культуры знала и иные нормы. Тот же Онан не просто отверг женское лоно. Как полагают исследователи, в Библии упомянут древний обряд оплодотворения Земли. Нечто подобное наблюдалось неоднократно. Так, например, этнографы описывают обычай, по которому супруги должны были в определенный момент достигать интимной близости непосредственно на земле либо просто на лоне природы, чтобы побудить природный мир плодоносить, приносить больше приплода. Иными словами, так называемые **оргии**, изначально имели и мистико-магическое значение. У древних греков, от которых и пришло к нам это слово, оно означало, священную службу, ритуал, мистерию, посвященную богине земли Деметре и богу вина – Дионису-Вакху. То же значение и у слова **вакханалии**, имеющее уже латинское происхождение. Показательно, что дионисии – вакханалии (в вакханалиях изначально участвовали лишь женщины) уже в далекой древности превращались в безудержный разгул со сценами разврата. Поэтому в еще 186 г. на вакханалии указом римского сената «были наложены строгие ограничения», хотя полностью их и не запретили (1,с.90). С появлением же и утверждением христианства, такого рода проявления язычества стали решительно осуждаться, а со временем и преследоваться.

Нечто похожее можно было наблюдать и в годы русских революций (сейчас по отношению к русским революциям 1917-го года предлагают ввести одно понятие: «Великая ... революция»). Теперь уже стали отвергаться и осмеиваться религиозные, особенно христианские и еще более православные ценности, равно, как и почитание царя, института монархии. Тяжелейшая же Гражданская война, война, понимаемая, как Вселенская, во время которой, по словам В.Маяковского, «мир разделился на две половины», привела и к соответствующей масштабам борьбы поляризации

систем ценностей, когда для побеждающих и победивших красные стали означать наших и олицетворение добра и справедливости, а белые – все то, что враждебно этому добру и этой справедливости, воспринимаемой, как справедливость грядущего планетарного масштаба, ориентированного на мир «без России, без Латвий», где люди смогли бы зажечь «единым общечеловечьим общежитием». При таком масштабе, для красного, как и для отправляющегося в Святую Землю идеализированного крестоносца не было и не могло быть жесткого разграничения рубежей тех или иных земных держав: «Я хату (дом на Украине) покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Пройдут годы после рождения этих строк, и К.Симонов отчеканит кредо: «Чужого горя не бывает». То есть в борьбе Добра и Зла нет границ... Увы, этими высокими словами - образами можно будет жонглировать, и политически ошибочная «операция» советских войск в Афганистане будет разворачиваться под лозунгами выполнения своего долга «воинами-интернационалистами», так же, как и целые десятилетия акты американско-натовского вмешательства в дела других государств станут осеняться столь же высокими словами о защите либерально-демократических ценностей.

Но вернемся в Советский Союз последних лет его существования, Россию, СНГ и на постсоветское пространство в целом. Начиная с Перестройки при мощнейшем использовании СМИ начался очередной культ ценностей. Теперь уже белые стали обрисовываться, как образцы благородства и отчаянного мужества обреченных: «Не падайте духом, поручик Голицын! Корнет Оболенский, надеть ордена!» Красные же, наоборот стали все чаще и все настойчивее обрисовываться, как кровавые злодеи, из года в год, из десятилетия в десятилетие, топившие страну в пучинах дикости. Появилось даже словосочетание «красно-коричневый», призванное на вербально-эмоциональной основе утвердить в сознании и подсознании позднесоветских, а затем и бывших советских людей представления об идентичности «фашизма» и «коммунизма».

Стали предприниматься и усилия по трансформации представлений об образах советских героев. Павлика Морозова, донесшего на отца, а затем убитого вместе со своим младшим братом, начали рисовать не «пионером-героем», а «доносчиком номер один» и т.д., и т.п. И наоборот. На Украине Бандера стал обрисовываться, как национальный герой. Здесь пока не место давать категорические оценки данным феноменам. Упоминая эти примеры, мы лишь констатируем факты. Однако в целом тенденция настораживает. Наглядное свидетельство – дискуссия

в Интернете о том, что еще считанные десятилетия назад просто не могло бы породить каких-либо споров. Это – отчаянно-дерзкий побег узников- смертников нацистского концлагеря в начале 1945 года. Бежало почти 500 человек, четыреста из которых смогли прорваться сквозь заграждения и огонь охраны. Одна из групп, наткнувшись на вражескую батарею, захватила ее буквально голыми руками... «была настигнута и приняла свой последний бой». Вскоре почти все вырвавшиеся на свободу были истреблены в результате организованной на них «охоты». В 1994 году австрийский режиссер Андреас Груббер снял об этих событиях фильм, который в середине 90-х стал самым кассовым в Австрии.

Рассказ обо всем этом вызвал разнообразные отклики в Интернете. Приведем здесь те из них, которые наглядно иллюстрируют то переворачивание ценностей, которое мы наблюдаем и в которое втянуты в самые последние десятилетия. Некий «Меркурий Голоднов», комментируя рассказанное писал: «Сколько жизней пожертвовали советские рабы за продолжение советского рабства», «У них не было выхода. Особенно у комиссаров и НКВДшников. А другим ничего не оставалось, так работала система жидобольшевистского подчинения. И попробуй по другому – семью на родине сгноят в ГУЛАГе». «Ну и за что боролись-то. В итоге СССР сдох, как нежизнеспособная система жидобольшевистской диктатуры угнетения русских» «Только рабы способны на защиту антинародной власти»...

Вполне понятно, что с такими суждениями согласились далеко не все. В этой дискуссии, развернувшейся в январе 2014 года, прозвучало, в частности, и мнение: «Рабы на такую атаку не способны. Потому и пишут такие комментарии» (Алексей Аверкий) Но уже то, что возможны суждения типа тех, что отчаянно защищал М.Г., говорит о колоссальности ломки тех ценностей, которые совсем недавно считались фундаментальными, так же, как в глазах миллионов до начала двадцатого века ценности христианские и монархические. Причем, как в случае с обсуждаемым событием, так и в случае с «вульгарным атеизмом» в духе бендеровской (т.е. проводимой Остапом Бендером) дискуссии с ксендзами («Бога нет. Это – медицинский факт») мы видим не просто кульбиты ценностей, а и демонстрацию крайне плоского мышления, если, вообще, тут можно всерьез говорить о мышлении. Но сам факт перевертывания ценностей налицо.

Литература.

1. Словарь античности. Пер. с немецкого. – М.: Прогресс. 1989.

Потребности в маске?

Широко известны разнообразные формы поведения, стереотипы и ритуалы, которые, подобно Н.Козлову, можно было бы отнести к архаике из театра абсурда. В том случае, если Ваши личные убеждения, представления о мире, системы ценностей резко отличаются от тех, которые связаны с этими самыми формами, верованиями, представлениями, ритуалами. Так, казалось бы, если кто-то относит себя к атеистам или свободомыслящим, то для него молитва – действие столь же бесполезное, как и посев кукурузы на льдах Северного полюса. А, если некто мусульманин или протестант, то он критически отнесется к исповеди либо иконам и статуям святых.

И в самом деле, если Вы не верите в реальность той или иной конкретной формы связи с теми или иными сверхъестественными силами и, более того, в само их существование, то какой прок можно усмотреть в молитве? Какой смысл ждать помощи от того, чего нет? Столь же логичные доводы могут привести и противники исповеди либо поклонения статуям и иконам. Еще в Библии мы встречаем рассуждения о том, что бессмысленно, вырезав и раскрасив «идола», ждать от него, сделанного человеческими руками, какой-либо помощи.

Однако действительность далеко не так проста и однозначна, как могло бы показаться на первый взгляд. Та же молитва и со светской, но научной точки зрения, являет собой не просто набор бесполезных слов и телодвижений, а действие, способное оказать колоссальное психологическое влияние на внутренний мир человека. По словам психолога Владимира Леви, молитва, субъективно понимаемая верующим, как обращение к Богу, может быть и обращением к самому себе, средством мобилизации своих внутренних сил, и поэтому, уже объективно оказывать далеко не иллюзорное влияние на верующего. Не случайно один из разделов его живо написанной книги «Искусство быть собой», раздел, посвященный аутотренингу, назван вызывающе: «Кому заказ, а кому молитва» (1, сс.162 – 163). Разворачивая свою мысль о «медицинском самовнушении (тут можно вспомнить и теорию установки), В.Леви пишет, что такое самовнушение – это форма настроя, причем такого настроя, который совсем не обязательно должен быть зеркальным отражением сложившегося положения дел. Особенно утром, «сразу после просыпания», шансы на действенный результат такого настроя могут быть достаточно велики. «По примеру Сен-Симона, которого слуга будил не

иначе, как словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!» (у нас нет услуги, понятно, но все равно великие дела ждут), поставим себе цель научиться, едва просыпаясь, сразу схватывать свой мозг нужным настроением». (1, с.163) Не подобным ли целям была призвана служить известная утренняя молитва оптинских старцев? (Хотя, как раз с ней, все обстоит несколько сложнее, чем может показаться с первого взгляда).

Кроме того, молитва, обращенная к незримой Высшей Силе, может играть и роль заместителя при удовлетворении человеческой потребности в общении. Хорошо известно, что такое «общение», такого рода «разговоры» с теми, кого физически нет рядом, - психологическая реальность, сопряженная с наличием совершенно объективной потребности в общении. Реальность, которая многократно высвечивалась в художественной культуре. Как в стихах В.Маяковского «Разговор с Лениным», «Двое в комнате: я и Ленин. Фотографией на белой стене». Как в беседах с любимыми, отделенными от мысленно беседующего долгими километрами, а то и годами, и многим, многим иными.

Так же и исповедь. Уязвимая с позиций формальной логики и тех, чье мировоззрение ставит под сомнение ее практическую целесообразность, она (даже если не касаться сугубо богословских ее аспектов) способна оказаться чрезвычайно важной в плане психологическом. В богословско-философской терминологии исповедь связана с концептами совести и греха, то есть действий, противоречащих представлениям о должном настолько, что совершение таковых и спустя месяцы, годы, а то и всю жизнь будет мучить человека. Вспомним хотя бы нестандартный российский фильм «Остров».

А что говорят психологи? Российский автор Л.П.Грибак, употребляя понятие «самоисповедь», пишет: « В жизни по разным причинам, реже или чаще, нам приходится сожалеть о содеянном... Выразить «наболевшее» в словах, высказаться прямо и бесхитростно издавна считалось у людей одним из действенных способов избавления от тягостных мыслей. таким образом, откровенный рассказ о сложностях и превратностях судьбы, об ошибках и ложных шагах, которые были сделаны в прошлом, то есть о самых существенных, глубоко личных, интимных переживаниях, снимал внутренние противоречия, освобождая человека, удовлетворяя его потребность в сочувствии, сопереживании и утешении со стороны другого. Сам процесс высказывания помогал человеку лучше разобраться в том, что его волнует.

Физиологический механизм очищения, освобождения от переживаний, - продолжает Леонид Павлович, - заключается в том, что застойный очаг возбуждения, вызванный травмирующей ситуацией, постепенно разрешается. так как отдает свою энергию на производство интеллектуальной работы по словесному формулированию возникших проблем. Уровень психического напряжения тем самым снижается... То, что первоначально было не вполне осознано или осознавалось смутно и неотчетливо, в ходе словесного изложения приобретает более ясные очертания, становится более осознанным, понятным, объяснимым. .. разговор с самим собой многие психологи считают весьма эффективным терапевтическим средством. Английский врач Коричнер, например, утверждает, что самое главное лекарство от стресса, психического утомления и депрессии – это именно обстоятельный и неспешный разговор с собой.

Нравственное, очищающее значение исповеди для человека прекрасно показано Ф.М.Достоевским, вложившим свои мысли в уста старца Зосимы: «Главное, самому себе не лгите. Лгущий самому себе и собственную ложь слушающий до того доходит, что уже никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а, стало быть, входит в неуважение и к себе, и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям и доходит совсем до скотства в пороках своих, а все от непрерывной лжи и людям, и себе самому»(2. сс.178 – 179)

Итак, мы видим, что, говоря светским языком, исповедь – одно из порождений, как развития религиозно-нравственных и собственно религиозных и, причем конкретно религиозных представлений о мироздании и месте человека в нем, так и важнейшей потребности человека не просто в информации, но и в том, что можно было бы назвать информационным обменом, который, образно говоря, напоминает обмен веществ в материальном мире. Человек, как достаточно развитое живое существо, нуждается в информации. Ему необходим постоянный ее приток. Когда же внешние источники информации ограничиваются, то начинается «вторичная», подчас причудливая переработка информации, уже имеющейся. Так «информационный голод» порождает деформированные представления о реальности и едва переносимые психологические состояния. Известны эксперименты, когда у экспериментируемых был жестко ограничен поток внешних воздействий. Их запирали в комфортабельных темных комнатах с хорошей звукоизоляцией...

Предполагалось, что кто-то, оказавшись в такого рода уединении, сможет лучше сосредоточиться на будущих экзаменах и т.д. Но не тут-то было! У целого ряда испытуемых появлялись кошмары, и они настойчиво просили выпустить их из мест своего «заключения».

Но и имеющаяся в наличии информация нуждается в своем практическом применении – в работе, творчестве, спорте... и, конечно же, в общении. Сплетни, молва, слухи – лишь некоторые, но весьма показательные формы удовлетворения этой потребности. А как быть с «тайнами», с «сокровенным»? С тем, что «стыдно» или чем для индивида невозможно поделиться с каждым? Как снять с себя тяжелый до непосильности груз содеянного либо ведомого? Вот здесь-то и является исповедь, которая для верующего православного или католика полифункциональна. Известны и своеобразные суррогаты, заменители исповеди. Это – психоаналитики, появившиеся, на секуляризирующемся Западе, и, хотя и в несколько меньшей мере, - письма «советских трудящихся» в редакции газет и журналов, на радио и телевидение...

Еще одна, и очень многоликая группа «потребностей в маске» - это потребности, которые на протяжении тысяч лет человечество пыталось и продолжает пытаться удовлетворить с помощью ритуалов. С абстрактно логической точки зрения, да и с позиций исторического опыта, множество ритуалов, обрядов, обычаев и т.п. не выдерживают никакой критики, а то и просто, как в пародийной зарисовке Н.Козлова выглядят нелепо смехотворными. Более того, образно говоря, ритуал может превратиться в окостеневшую, мумифицированную веру. Верование, от которого осталась лишь форма, а содержание давно выветрилось. Как в стихах Евтушенко, у которого встречаются потрясающие слова: «И веры медленно выверивались». Тут формализованное действие может лишь притуплять остроту чувств, когда происходит нечто подобное упомянутому А.Платоновым, в произведении которого кладбищенский сторож так часто принимал участие в ритуалах, что перестал верить.

Но при всем при этом ритуалы – не просто дань иллюзиям или детская болезнь непросвещенного сознания. Они – и одна из форм удовлетворения сугубо психологических потребностей человека. Возьмем самые тягостные ритуалы, связанные с потерей близких. Сколько искусственного и условного в тех или иных из них можно усмотреть! Но в психологическом плане эти условности чрезвычайно значимы. Они переключают внимание

на детали, вроде бы «мелочи», позволяя тем самым переключить внимание с того, что для человека оказывается самым тяжелым и невосполнимым. Точно так же и определенные правила армейской жизни могут в соответствующей обстановке направить внимание на то, что гасит воображение и позволяет легче перенести весь ужас предстоящего боевого столкновения.

Колоссальную психологическую роль могли играть в свое время и гадания, и жертвоприношения, одно из замечательных свидетельств чего историки усматривают в красочно описанной Геродотом битве при Платеях.

Столкнувшись впервые с подробным описанием данного сражения, один из авторов этих строк был, прямо-таки, ошеломлен. Известный историк Фюстель де Куланж описывал начало сражения, как некую странную сказку. Спартанцы с венками на головах противостояли персам, конница которых волнами подкатывала к их позициям. И всякий раз накатившаяся волна окатывала греческое войско смертоносными стрелами. Греки же, не смотря на потери, не двигались с места. По Геродоту, был смертельно ранен стрелой и самый красивый воин Эллады, который, умирая, жалел о том, что погибает не в рукопашной. Так в чем же дело? А дело, как можно судить по фрагменту описания, в том, что сзади войска совершались жертвоприношения, которые одновременно были и гаданием об исходе предстоящей битвы. Вопреки явной активности персов, боги никак не торопили греков начать собственную атаку. Ну не странно ли? Не издевались ли гадалки и боги над греками? – Согласно уже современным комментариям, отнюдь нет. Гадая, не только пытались вызнать волю богов, но и дожидаться удобного момента для наступления в соответствующей местности. Решив, что такой момент наступил, греки дружно ринулись в бой и победили. Однако, как еще иначе, не ссылаясь на гадания и волю богов, можно было бы удержать от несвоевременного порыва тысячи пылких мужчин, на чьих глазах падали ранеными и убитыми их товарищи?

И подобных примеров, пусть и далеко не всегда относящихся к происходящему на полях сражений, немало. Поэтому-то ритуалы и являются сложным социокультурным и психологическим феноменом. По словам Л.П.Грица, «ритуальные действия... - один из видов саморегуляции на информационно-энергетическом уровне» (2, с.175) Ритуал,- развивает он свою мысль, - «является наиболее распространенным способом воздействия на психику индивида

через соответствующую организацию внешних условий в целях стимуляции или, наоборот, снижения избыточной ее активности.

В ритуале, как типе саморегуляции, форма исполнения строго канонизируется, причем чаще всего сами эти действия не имеют никакой практической целесообразности. Значение их чисто символическое. Ритуал, как обрядовая церемония, призван, в конечном счете, что-то внушить человеку, как-то его настроить, привить определенную стереотипную реакцию. Например, внушить определенные социальные чувства (уважение к власти, невозможность нарушения данных обязательств и т.д.) (Вспомним мощные строки В.Маяковского о похоронах Ленина: «Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз. Сильнее и чище нельзя причаститься к великому чувству по имени «класс» - авторы). Особое значение приобрела обрядность в различных религиях, где она служит систематическому воспитанию и подкреплению религиозных чувств верующих, целенаправленному воздействию на их внутренний мир, эмоциональную его основу. В наше время ритуалы несколько потеряли свое прежнее значение, особенно в общественной жизни, однако в тех видах человеческой деятельности, куда ритуалы, как своеобразное психорегулирующее средство, вписаны достаточно органично и целесообразно, их роль эффективна и оправданна» (2, сс.175 – 176)

Очень значимые для нашей темы рассуждения. Правда, стоит заметить, что ритуальные действия могут не иметь «никакой практической целесообразности» (кроме той, что уже упомянута) лишь в светских системах ценностей. Приветствовать старшего, главу государства и т.д., и т.п. можно и так, и иначе, хотя уместней всего в духе уже существующих или возрожденных традиций. Но совсем иначе обстоит дело, если мы соприкасаемся с миром религиозным. Причем, чем более архаичен этот мир, чем древнее его основы, тем более целесообразными и даже жестко необходимыми видятся верующими строго определенные ритуальные действия. Для тех же старообрядцев, которые готовы были идти и на тяжелейшие испытания, и буквально в огонь, двоеперстие имело первостепенное практическое значение. Так же и для древнего мага и колдуна четкая последовательность и «правильность» определенных действий, направленных на предполагаемое общение с высшими Силами, была столь же важна, как для нас последовательность манипуляций при включении или выключении компьютера.

Литература.

1. Леви В. Искусство быть собой. – Индивидуальная психотехника. – М.: Знание, 1991.
2. Гримак Л.П. Общение с собой. – М.: Изд-во политической литературы, 1991.

Трансформация стремлений.

Все мы знаем, сколь могучими и нередко неуправляемыми могут быть желания людей, их страсти и стремления. Не случайно человека нередко сравнивали со всадником, который, будучи неопытным и слабым, может не справиться с конем желаний, который понесет его к гибели. Управляя же собственными страстями и четко направляя устремления, искусный всадник, напротив, сумеет достигнуть значимой для него и, нередко, для других цели.

Но какими могут быть эти самые цели? Чего желают? О чем мечтают люди? – Прежде всего, о жизни. Как можно более долгой, а, согласно ряду вероучений, и о вечной. И, конечно же, не просто о долгой или вечной жизни – вечного адского огня не желают, а страшатся – а жизни приятной, лишенной страданий и полной того, что те или другие относят к удовольствиям.

Но что, в свою очередь, может быть сопряжено в сознании людей с жизнью вечной либо очень-очень долгой?

Это жизнь в потомках. В творчестве. В славе. («Нет весь я не умру... И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит»). В таком образе личной жизни, который, согласно одним верованиям, обеспечит в будущем рождении лучшую карму или, согласно другим – жизнь вечную.

Итак, устремления и цели ясны. Но при всей своей ясности они приводят нас к нередкому парадоксу. Чем более индивид стремится добиться поставленной цели, чем целеустремленней движется он по «предначертанному» или избранному «узкому» пути («двери в славу – двери узкие», да и в царство Божие путь узок), тем более ограничивает себя самого. Ведь всякий, даже самый свободный выбор – это, помимо прочего, и отбрасывание всех иных возможностей и иных жизненных путей.

Но всегда ли такое отбрасывание, такая четкость движения к выбранной цели обеспечивает максимальное достижение того, к чему человек стремится? Всегда ли надо идти к ней именно таким, а не иным путем?

В этом отношении показателен известный художественно философский диалог Покорителя Вселенной, поставившего себе цель дойти до самого Последнего моря, с обычным простым кочевником, который спрашивает могучего владыку и завоевателя, а зачем ему это нужно. Завоеватель же отвечает, что, покорив мир, он сможет, наконец, поставить юрту и наслаждаться отдыхом. «А что разве здесь и сейчас, и без утомительных и кровавых походов, нельзя поставить юрту и спокойно отдыхать, созерцая природу?» - казалось бы, наивно спрашивает кочевник.

Здесь перед нами действия, которые, с точки зрения обычного кочевника (да и только ли его одного?) отнюдь не являются необходимыми для достижения такой цели. как благополучная и спокойная жизнь. Но в человеческой истории мы встречаем и множество примеров того, как избранные пути достижения определенных целей прямо противоречат глубинным устремлениям, если взглянуть на них со стороны. Так, индийский «тапасья», стремящийся погасить в себе пламя страстей («тапас») для улучшения кармы и ради этого всячески истязаящий свою плоть, стремится к личному благу. Но ради этого блага, достижимость, которого, с нашей точки зрения, непроверяема, он лишает себя элементарных удобств жизни настоящей, доходя при этом до изощренных добровольных самоистязаний. Замечательный востоковед М.Т.Степанянц красочно описывает таких аскетов в своей книге «Лотос на ладонях». По ее словам увиденные аскеты производили жуткое впечатление, ясное представление о котором дает описание мужчины, стоявшего в тени большого дерева «на страшно распухших синих ногах... лица его не было видно, так как голова и плечи рук бессильно свисали с веревочной петли, перевешенной через дерево до уровня его плеч. Этот человек дал обет быть на ногах четырнадцать лет, говорят, в таком положении он находится уже семь лет (к моменту встречи с писательницей-востоковедом – авторы)... там же, в Ришикеше, мне попался мужчина, давший обет молчания чуть не на десять лет». (1, сс.59 – 60). В той же книге можно было увидеть фото индийца, чей обнаженный торс был сплошь унизан, продетыми сквозь кожу, рыболовецкими крючками. Он тоже стремился таким образом улучшить свою карму. А сколько подобных примеров демонстрирует история других культур! Не только экзотической Индии, но и христианская Европе ведомы «молчальники», «столпники», бичующиеся или флагелланты и многие, многие иные. Да и сегодня монах ради жизни вечной может отказаться от любви

земной и т.д., и т.д. Иными словами, стремясь к воображаемому либо недоказанному с точки зрения светского человека, некто может отказываться от того, что есть здесь и сейчас. Так разумна ли такая трансформация деланий, при которой наша же целеустремленность способна удалять нас от их реального удовлетворения?

Согласно одной старинной буддийской притче, такую сомнительную разумность демонстрирует история женщины, которая жила в древние времена. У нее был один сын. «А ей хотелось иметь еще. Она стала спрашивать других женщин, кто из них способен сделать так, чтобы у нее были еще сыновья.

Нашлась старуха, которая сказала: «Я могу способствовать тому, чтобы у тебя были столь желанные сыновья. Но надо обязательно принести жертву небу». Женщина спросила у старухи: «Что же нужно принести в жертву?» Старуха отвечала: «Убей своего сына, а его кровь принеси в жертву небу, (тогда) обязательно будет много детей.

Следуя совету, женщина уже собиралась убить сына. (К счастью) рядом оказался мудрый человек, он осмел и выругал ее: «Ты глупа, лишена мудрости, вот и докатилась до того, чтобы ради еще не существующих сыновей – да и неизвестно, будут ли они вообще когда-нибудь, - убивать сына, который уже есть».

Особенно любопытен и показателен следующий за приведенной историей комментарий, который, если бы не был известен источник, вполне можно было бы счесть за комментарий атеиста: «Глупцы, - завершает историю ее рассказчик, - тоже поступают так. Во имя будущей радости они бросаются в огненные ямы. Они причиняют себе всякого рода увечья, чтобы возродиться на небе». И только ли увечья? В той же Индии известны были случаи, когда наиболее фанатичные поклонники бога Джагарнаута (Джаганнатха) во время празднеств бросались под колеса тяжелой повозки, провозившей статую этого божества, чтобы, погибнув такой смертью, затем возродиться для лучшей жизни. Но при этом они губили лишь себя. Однако насколько же сложнее обстоит дело с террористами-смертниками и террористками- смертницами! Всегда ли даже представители спецслужб в силах дать полный ответ на вопрос, какое место в арсенале средств, используемых для психологической обработки смертников-убийц, занимают посулы вечного блаженства и насколько они значимы вообще?

Но тут мы уже переходим к проблеме манипулирования человеческими стремлениями, вожделениями и страстями и к

вопросу об использовании, подчас, самых благих устремлений одних людей в определенных корыстных целях других.

Решительно не приемля терроризм и убийства невинных людей, мы, тем не менее, должны обратить внимание, на еще одну грань проблемы, наглядно проступающую, когда речь идет о других, менее одиозных феноменах. Это – побочные либо намеренно не декларируемые цели людьми, ведущими за собой группы или массы других людей. Те цели, которые при уязвимости лозунгов, идей и идеалов, либо, провозглашаемых задач, могут быть практически значимы. Как в старой притче о крестьянине, сказавшем сыновьям, что он зарыл на поле клад. Перекопав все поле и не обнаружив никакого клада, сыновья, тем не менее, проделали далеко не бессмысленную работу – земля стала пригодной для посева и со временем могла дать хороший урожай. А какую заметную роль в истории одной только Руси сыграли монастырские хозяйства и т.д., ит.п.! Каким полезным может и лично для них, и для всего общества, скажем, баптистское отношение к труду, как к служению, делу богоугодному. Нечто подобное мы видим и при оценке советских ценностей, которые столь часто уничижительно называют «совковыми». Работая для будущих поколений, для приближения «коммунизма», который так и не наступил, люди строили не эфемерные, а реальные заводы, производственные комплексы, строили города, устремлялись в космос. То есть вершили практически значимое, жизненно необходимое. Поэтому сложность обозначенной здесь проблемы заключается вовсе не в том, что есть какие-то иллюзии, тупики мысли и практической деятельности человека, а в том, какие действия реально поощряются комплексами установок, идей, идеалов. «конечных» целей. Будут ли эти действия в итоге способствовать укреплению жизнеспособности социумов, различных культур и в определенных отношениях человечества в целом, либо они окажутся направленными на разрушение и даже самоуничтожение? – Ведь тот же созидательный труд – ради улучшения ли кармы, во имя ли Божье – это одно, а зверства инквизиторов, конкистадоров – именно зверства – это совсем иное, под какими бы знаменами они не совершались, будь то знамена религиозные, знамена революций или знамена либерализма и демократии. Конечно же, история не обходится без жертв и, соответственно, без жестокостей. Но, прикасаясь к такой непростой нашей, то есть общечеловеческой истории, очень важно пытаться понять что, какой ценой и с какими

ближайшими, среднесрочными и долгосрочными результатами совершалось. Но это уже тема отдельного исследования.

Литература.

1. Степанянц М.Т. Лотос на ладонях. Заметки о духовной жизни индийцев. – М.: Наука, 1971.

Гордиев узел социальных факторов.

Итак, мы видим, что истоки социальных явлений, их движущую пружину многие мыслители видели в человеческом сердце. Не случайно великий английский историкософ двадцатого столетия А.Тойнби был убежден, что революция в сердце – сердце всяческих революций. Но мы также знаем и то, что сами движения человеческого сердца тысячами незримых нитей связаны с жизнью общества, его традициями, обычаями, способами хозяйствования и многим, многим иным.

Упрощая картину, мы возвращаемся к составляющим, известным по всем отечественным учебникам. Это все те же экономика, право, нравственность, магия и религия, эстетика быта и искусство, наука и образование. Вроде бы все ясно и совершенно банально. Но не даром говорят, что дьявол кроется в деталях. И в жизни, и в человековедении, неотъемлемой частью которого является социальное познание, познание социума, как и в шахматах, важно знать не просто общие принципы, а уметь эти принципы использовать при погружении в многообразие конкретных позиций.

Не претендуя на повторение или, тем паче, очередное открытие абсолютных истин, попробуем, тем не менее, вместе с читателем вновь взглянуть на этот, издавна известный узел.

Начнем по порядку. Экономика, ведение хозяйства, а в более развитых социумах и наука, жизненно необходимы для существования и самих этих социумов, и входящих в них индивидов. Но само ведение хозяйства, сами способы добывания и распределения средств к существованию не линейны, и насколько они в каждом конкретном социуме и в каждый конкретный период истории определяются непосредственно «низшими» потребностями и сугубо «материальными» факторами, а насколько «материальные» факторы и весь жизненный уклад определяются спецификой права,

нравственности, магико-религиозных представлений, развитием образования и научной либо протонаучной мысли – вопросы, которые приходится решать постоянно, даже, если нам кажется, что мы, наконец-то, нашли алгоритмы хода мировой истории.

Вторая группа вопросов – это вопросы о соотношении отдельного и целого, единичного и общего, индивидуального, частного и общественного либо общественно государственного. Здесь одни мыслители, такие, как например, замечательный английский автор Герберт Спенсер, тяготеют к либерализму. Другие, напротив, - к идее примата общины, общественного или государства.

Но и вопросы о примате и приоритете не решаются сами по себе, пути к их решению, в свою очередь, в огромной мере зависят от уклада жизни и способов обретения сугубо материальных благ. Тот же Спенсер, полагал, что различные типы общества можно разделить на промышленное и военное, каждое из которых функционирует и развивается по своему. И то, и другое – следствие потребности людей в интеграции. в объединении усилий для решения, объективно встающих перед ними задач или достижения субъективно поставленных целей. «Общество есть организм». «Мы, - писал он, - имеем право смотреть на общество, как на особую сущность, ибо, хотя оно и складывается из дискретных единиц, тем не менее, постоянное сохранение в течение целых поколений и даже веков известного общего сходства в пределах занимаемой каждым обществом местности указывает на определенную конкретность составляемого ими «агрегата». (1, с59).

Но само единение осуществляется на различной основе. В промышленном обществе объединение в принципе добровольно, а в военном – принудительно. Тип же общества определяет не только боеспособность, но и самые различные стороны жизни – от положения женщины в обществе до характера и систем воспитания детей.

И вот тут-то мы соприкасаемся с тем, что при всем обилии исследований и философских сочинений, пожалуй, еще нуждается в очень непростых дальнейших размышлениях. В чем же дело? А загвоздка в том, что, вроде бы, совершенно очевидно: чтобы существовать, прежде всего, надо производить и добывать. Но что такое добыча? – Это и собирательство, и рыбная ловля, и ... охота. Однако добычей может стать не только то, что взято у природы, но и то, что отнято у других. Таким образом, в определенных ситуациях и для определенных социальных групп,

субэтнотосов и др. именно добыча, а не трудовая деятельность в нашем ее понимании может стать основой существования. Недаром же Ассирию называли «страна-волк». Ибо это была страна в огромнейшей мере существовавшая за счет грабежей и за счет притока рабской силы, добытой во время военных походов. Впрочем, в этом Ассирия не была исключением. Специфическими были лишь ее военные возможности и, соответствующие им, масштабы грабежей и творимых жестокостей.

Правда, когда мы соприкасаемся с целыми государственными образованиями, то грабительские походы оказываются лишь составляющей материального благополучия, того или иного развитого государства, если только оно существует достаточно долго. На более же примитивных стадиях именно грабеж, обретение добычи оказываются важнейшей составляющей, а то и основой физического существования. Так было у викингов. Так в немалой мере обстояло дело и с казаками, для которых «походы за зипунами» были делом доблести. Так же вели себя в свое время иные племена Кавказа и т.д., и т.п. Но это были прямые грабежи чужих.

Несколько своеобразным являлось обретение добычи у более слабых путем, который признавался обеими сторонами: и теми, кто брал, и теми, кому приходилось давать. В древней Руси такой способ обретения материальных благ получил название «полюдье». Могучий князь, под чьей дланью оказывалась та или иная территория со своею дружиной периодически совершал поездки по подвластной ему территории для сбора своеобразной дани. Здесь уже, если все происходило по взаимному, хотя и вынужденному для дающих согласию, обходилось без грубых грабежей, разорения и пожаров. Но так случалось не всегда. Замечательный образец самой возможности отношений иного рода дает нам «Повесть временных лет», где простодушно, без особых умствований и морализаторства рассказывается о том, как русский князь Игорь пошел за данью к древлянам.

Вспомним этот рассказ. «В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем князь с нами за данью, тогда и ты добудешь, и мы. И послушал их Игорь. Пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и много зла творили древлянам мужи его. Взяв дань, пошел Игорь на Киев. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал он своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю (похожу) еще». И отпустил дружину домой, а сам с малою частью дружины

вернулся.. Древляне же, услышав,, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо. пока не убьют его. Так и этот: если не убьют его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня, против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало...» (2, сс.39 – 41)

Конечным результатом такого столкновения стала коварная месть вдовы Игоря княгини Ольги, месть, сокрушившая непокорных древлян и их город. Возможность такого поворота событий не отрицали и, казалось бы, «экономические детерминисты» К.Маркс и Ф.Энгельс. В знаменитом письме к Конраду от 27 октября 1890 года Энгельс подчеркивал, что «имеется еще случай завоевания и грубого уничтожения экономических ресурсов, вследствие чего прежде при известных обстоятельствах гибли все результаты экономического развития целой местности или нации». (3. Т.3, с.543)

Увы, это положение подтверждалось многократно на протяжении долгой истории цивилизаций. Так, знаменитейший противник Рима – Карфаген, после сокрушения его в Третьей Пунической войне был полностью разрушен, земля, на которой находился колоссальный по размерам город, перепахана, а уцелевших жителей продали в рабство. Удар был настолько мощным, что скрупулезнейшие немецкие ученые двадцатого века пришли к выводу о том, что «культура Карфагена была не слишком разносторонней: художественная литература отсутствует, специальная литература превосходна (агрономический трактат Магона, «Перипл» Ганнона). (4, с.252) Но, может быть, дело еще и в том, что, победители, сокрушившие отчаянно сопротивлявшийся Карфаген, были просто более заинтересованы в сохранении именно сельскохозяйственной литературы? – Ведь, если вспомнить уже историю Древнего Китая и становление империи Цинь, то там среди прочего сохранялась именно сельскохозяйственная литература, а, к примеру, исторические хроники побежденных государств целенаправленно уничтожались. Разве не могло что-то, причем достаточно уникальное, бесследно исчезнуть и после сокрушения Карфагена? – Слишком уж трудно представить, что в государстве, организация общественной жизни которого, по Аристотелю, исследовавшему общественный строй и формы правления более ста пятидесяти государств, была наилучшей, полностью отсутствовала художественная литература, столь необходимая

для идеологического и нравственного укрепления любого социума.

Правда, если вернуться к Карфагену более позднего времени, мы увидим, что римляне восстановили его, и возрожденный Карфаген вновь стал городом мирового значения. Показательно, что самый длинный водовод или акведук уже в римской империи, протяженность которого составляла 132 км., был сооружен именно в Карфагене (при императоре Адриане). (4, с.19). Однако в пятом – шестом веках нашей эры сначала вандалы, а затем византийский полководец Велизарий нанесли новые удары по Карфагену. В конце же седьмого века – в 698 г. его окончательно разрушили арабы. (4, с.252). Столетия спустя после этих событий тактику выжженной земли широко использовал Чигиз-хан, уничтоживший, помимо прочего, и богатейший город Отрар с его библиотекой, известной во всем мусульманском мире средневековья. И подобные свидетельства, приносимых войнами и прямым насилием, катастрофических потерь в сферах экономики и культуры можно приводить, заполняя ими целые тома.

Но вот ведь что любопытно. По Энгельсу, в ходе истории завоевания стали приводить и к совсем иным результатам. Продолжая свои рассуждения о роли насилия в истории, Ф.Энгельс в том же письме К.Шмидту, замечал: «теперь этот случай (завоевания и грубого насилия) имеет по большей части противоположные последствия, по крайней мере, у больших народов. Победенный выигрывает иногда и в экономическом, и в политическом, и в моральном отношениях больше, чем победитель» (3. Т.3, с.453).

Пытаться опровергнуть процитированные здесь суждения, да еще на основании данных о более поздних исторических событиях, было бы, пожалуй, не очень сложно. Но, если не торопиться, то мы увидим, что перед нами очень непростая проблема многомерности последствий тех или иных завоеваний. Для ее осмысления и более глубоких обобщений нужен разносторонний анализ, учитывающий самые разнообразные феномены и трагедии не только мировой истории в целом, но и минувшего столетия в особенности, с примерами открытого геноцида, ударами по инфраструктуре и системам жизнеобеспечения, как во время американского вторжения во Вьетнам, до событий Второй мировой войны, включающих попытку умертвления Ленинграда посредством блокады, лагерей смерти, англо-американских бомбардировок Германии и американских бомбардировок городов Японии.

Однако на сегодняшний день возможности «обретения благ» и развития экономики, только упомянутым не ограничиваются. Сегодня, помимо того, о чем уже было сказано, особо отмечают такую форму «присвоения», которая связана с «продажей... очень специфичного товара, а именно денег». Доктор физико-математических и одновременно политических наук, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования С.С.Сулакшин, утверждая, что «ведение экономической политики по двойным стандартам стало визитной карточкой США», приводит интересные выкладки, побуждающие задуматься о роли своего рода «симулякров» уже не просто в социо-культурной, но и в социально-экономической жизни человечества. Согласно приводимым им данным, «в конце 1990-х гг. на население США (4,5% населения планеты) приходилось более 21 % мирового ВВП, а доля США в мировом ВВП увеличилась с 20 % в начале 90-х гг. до 30,4% в 2000 г.». Казалось бы, вот оно – неопровержимое свидетельство «преимуществ» так называемого «капитализма» и «американского образа жизни»! - Научитесь «пахать» по американски – и у вас все будет о,кей!. – Но не все так просто. С.С.Сулакшин пишет: «высокий уровень потребления в Америке поддерживается в режиме *присвоения*, поскольку значимую часть национального богатства США составляют ценные бумаги, весьма условно связанные с реальным сектором экономики, а значительная часть мировой экономики так или иначе работает на Соединенные Штаты». (5, с.52)

Одна из серьезнейших глобальных проблем современности, согласно С.С.Сулакшину, заключается в том, что «денежной массой в мире... могут управлять финансовые мировые организации, объединенные в кланово сплоченную интернациональную сеть». При этом коэффициент клановости (показатель, который отображает долю лиц в руководстве, объединенных существенно значимым для их деятельности признаком – орденом членства, родственностью, землячеством, национальностью) топ-состава..., подсчитанный по данным публичных дозье, составляет 47 %» (5., с.57). И это при том, что в нынешнее время, по некоторым подсчетам, денежная масса превышает материальное производство в 10 раз, тогда как приемлемым может быть лишь соотношение 1- к 2-м. (5, с.51)

С приведенными рассуждениями можно солидаризироваться, либо, наоборот, искать в них изъяны, но, несомненно, одно-то, что нынешняя социально-экономическая реальность, да еще

в условиях глобализации, представляет такую совокупность систем, подсистем, лабиринтов и имитационных структур, что все это требует постоянно обновляемого диалектического осмысления и переосмысления.

Литература.

1. Цит. по: Анурин В.Ф. Общая социология. - М.: Академический проект, 2003.
2. «Изборник». Сборник произведений литературы Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1969.
3. Маркс Карл и Энгельс Фридрих. Избранные произведения в трех томах. – М.: Политиздат, 1971.
4. Словарь античности. Пер. с немецкого. – М.: Прогресс, 1989.
5. Сулакшин С.С. О причинах мировых финансовых кризисов: модель управляемого кризиса. – Век глобализации. – 2013 г., №2. С.С. Сулакшин убежден, что финансовые кризисы могут быть «руотворными» - управляемыми, и при этом они *«всегда* вызывали переход собственности и власти к тем, кто сохранял свои активы и имел возможность предоставлять кредиты» (с.53). С другой стороны, очень важно упомянуть и позицию, согласно которой «симулякризация» деятельности и смещение центров «реальной экономики ведет к «закату лидерства США и Запада». По словам Л.Е.Григина, в последние десятилетия мы наблюдаем «изменения экономического баланса сил в мире». Перенос многих видов производства в развивающиеся страны, помимо прочего, стимулировал и их развитие. «В итоге эти государства не просто стали производить в большом объеме дешевые товары, в них началась индустриализация и модернизация» (экологические проблемы – уже обратная сторона процесса – авт.). В итоге эти страны стали расти быстрее западных. «Для примера можно сравнить экономический рост Мексики и США» (перенос производства начался в 80-е)... С 1986 по 2011 г. ВВП Мексики вырос почти в 9 раз..., а ВВП США – только в 3,4 раза... Малайзия за этот период вырастила свой ВВП в 9,3 раза, Бразилия (с.1986) – в 9,2 раза, а если учитывать показатели с 1983 г., - в 12 раз. Индонезия за период с 1986 по 2011 г увеличила ВВП в 10,5 раз. Индия с 1991 г., то есть с момента открытия экономики для ввоза иностранного капитала за 20 лет... увеличила свой ВВП в 7 раз... Ну и, наконец, лидирующий Китай... увеличил сой ВВП почти в 25 (!) раз... Для сравнения.. ВВП Германии увеличился с 1986

по 2011 г. только в 3,5 раза (и это с учетом присоединения ГДР), Франции – в 3,6, Англии – в 4,3 раза. В годы же кризиса (2008 – 2012) рост ВВП развивающихся стран стал еще более наглядно опережать ВВП развитых) для которых теперь 2% в год – успех) (Гринин Л.Е. Глобализация тасует мировую колоду. – Век глобализации. – 2013 г., №2, сс.64, 69 – 70).

А кто же правит бал или каково место ее величества Политики?

Мы увидели, что насилие играло и, к сожалению, продолжает играть в человеческой истории колоссальную роль. Но, если не считать древнейших времен, когда насилие использовали в междоусобной борьбе роды и племена либо союзы племен, насильственные действия, войны задумывались и разворачивались представителями элит тех или иных государств. Так, мы переходим к вопросу о сплетении насилия, политики и экономики, о перекрещивании политических и экономических интересов и о том, как это перекрещивание влияет на использования тех или иных форм насилия либо, наоборот, на отказ от него.

Но что такое политика, о которой так много говорят? Напомним, что слово это пришло из греческого языка. У великих античных философов Платона и Аристотеля слово «политика» означало искусство управления государством. Сегодня под политикой обычно понимают сферу общественной деятельности, связанную с борьбой за обретение, упрочение или сохранение власти. В советское время внимание акцентировалось на том, что политика – это концентрированная экономика, то есть на том, что борьба за властные рычаги неотделима от материальных, экономических интересов отдельных классов и социальных групп.

Однако и тут встает каверзный вопрос: а каковы возможности государственной власти в отношении к экономическому развитию общества? Что, почему и когда эта власть способна определять в экономической жизни общества, а где и когда, наоборот, экономическая жизнь и экономические проблемы вынуждают власти, политиков принимать те или иные конкретные решения, вплоть до самых непопулярных? Иначе говоря: где тут курица и где яйцо, и что оказывается определяющим?

На сегодняшний день представляется, что единого ответа, который был бы дан на все времена и на все случаи жизни, нет и быть не может. Даже «экономические детерминисты» Маркс и Энгельс мыслили далеко не линейно, признавая огромные возможности политического воздействия на реальную, а не упрощенно схематизированную жизнь общества. Реагируя на упрощенное понимание их взглядов. Ф.Энгельс писал в 1890 г.: «К чему же мы тогда боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (то есть государственная власть) – это тоже экономическая сила!» (1, т.3 с.546)

Так каково же это – «обратное действие» политической власти на экономику? – По Энгельсу, «обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. оно может действовать в том же направлении – тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития – тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве» (1. т.3, с.543)

Сказанное, безусловно, заслуживает внимания и может быть применимо и при рассмотрении реалий более поздней истории и непосредственно нашего времени. И, тем не менее, пока остается немало вопросов. И среди них одни из главных – это вопросы об основах политической власти и возможностях ее использования в самых различных условиях – вплоть до проявлений явного волюнтаризма.

Вспомним известные строки: «Все куплю – сказала злато. Все возьму – сказал булат». (То есть оружие). Так как же соотносятся: власть и деньги? Власть и грубая сила? Вопросы, не имеющие самоочевидных ответов. Ведь для того, чтобы что-то захватывать, надо иметь возможность кормить, одевать и вооружать достаточное для успешных действий число подготовленных воинов. Причем, чем дольше развивалась цивилизация, тем дороже стоило снаряжение и вооружение, как отдельных бойцов, так, соответственно, и целых подразделений. Достаточно вспомнить некоторые цифры, относимые

исследователями к средневековью. Вспомним, что красотой и самой грозной боевой силой на полях сражений тех времен были рыцари, являвшиеся, как правило, конными воинами. Недаром само слово «**рыцарь**» производят от немецкого «*рихтер*», что значит «*всадник*». Но один только конь, а тем более, боевой, стоил недешево. Ко времени Меровингов коня оценивали в 12 солидов или во столько же, как и четырех коров. Причем за боевого коня уже в восьмом веке отдавали четырех рабочих лошадей, а к тринадцатому веку цена боевых коней стала еще большей. За одного такого коня нужно было отдать уже семь обычных лошадей.

Похожей была картина и в Испании X века. Покупка коня там могла обойтись в 40 – 100 солидов, тогда как два вола стоили не больше двадцати. Были и такие скакуны, цена которых доходила до 300 солидов.

Да и оружие было в цене. Отменный меч стоил не меньше «добраго боевого коня». Шлем – тридцать солидов или столько же, сколько стоили три вола, щит – десять солидов, седло – от десяти до тридцати. А лорик – разновидность нательного доспеха – оценивался уже в 60 солидов. Ровно за столько же в той же местности можно было купить «поместье средних размеров». (2, с. 302). Латы же высшего качества могли стоить и значительно дороже обычных. Например, в Бургундии за них давали сто солидов.

Мощь же современных армий в еще большей степени – несравненно большей степени – зависит от финансирования и материального, в том числе научно-технического обеспечения, которое уже само по себе требует огромных затрат. Тем более, что и сами масштабы войн и военных операций не соизмеримы с тем, что происходило еще сотни лет назад. Достаточно вспомнить, что только в первые сутки Берлинской операции, в ходе которой был практически окончательно сломлен Третий Рейх, по словам советского маршала Г.К.Жукова, наступавшими «было проведено свыше 6500 самолетовылетов». В тот же день советской артиллерией «было произведено миллион 236 тысяч выстрелов. «450 вагонов снарядов, то есть почти 98 тысяч тонн металла обрушилось на голову врага». (3, сс.639 – 640) Сколько же затрат для одной только армии потребовалось лишь для одного дня только одной этой операции!

Нынешняя же военная техника и, соответственно, войны последних десятилетий еще более дорогостоящи. Не случайно в официальном списке самых сильных армий мира первое место

занимает армия финансово-экономического гиганта – США, второе (в начале третьего тысячелетия) – армия Китая. Правда, третьей пока еще называют армию России. Итак, мы видим, что и в прошлом, и особенно сегодня экономическая мощь, материальное обеспечение – важнейшее слабое мощи военной.

С другой стороны, имея силу, можно обрести экономические и иные ресурсы. Более того, мировой истории известно немало примеров, когда племена и народы, считавшиеся относительно отсталыми и в экономическом, и в культурном отношениях, одолевали более развитые народы, цивилизации, сокрушая мощь целых империй. Армия Македонского громила персов, представителей древней и развитой цивилизации. Германские племена одолели Римскую империю. Арабы, выплеснувшись с Аравийского полуострова, за короткие сроки сумели распространить свою власть на территории с древнейшими очагами культуры и развитой экономикой. Колоссальнейших успехов в своих походах добивались и монголы...

Литература.

1. Маркс Карл и Энгельс Фридрих. Избранные произведения в трех томах. – М.: Политиздат, 1971.
2. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Пер. с ит. – М.: Прогресс, 1987.
3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Издательство агентства печати Новости. 1969.

Власть и Собственность. Кто сильнее?

Так каковы же отношения Власти и Собственности в мировой истории и наши дни? Партнерские? Вассальные или прямо враждебные? А, может быть, и ни те, ни другие, ни третьи? Уходя от обзора колоссального количества исследований и рассуждений на эту тему и не претендуя на исчерпывающий ответ, попробуем здесь лишь коснуться проблемы, схематически (а, значит, упрощенно) отобразив отдельные ее грани.

И каковы же предварительные предположения и одновременно выводы, основанные на уже хорошо известном? Они азбучны: отношения власти и собственности в различное время и в различных социумах были и остаются разнообразными.

Упрощенно можно было бы среди них выделить два типа отношений, добавив к ним третий – промежуточный. Первый тип отношений или Западный – это такие отношения, когда собственность, финансовое могущество расчищают дорогу к власти. Ведь одни только современные выборы обходятся очень недешево и просто «парень с улицы» на них не победит.

Восток же, словно перевернутые песочные часы, являет совсем иной, прямо противоположный тип отношений, когда не деньги, как таковые – источник власти, а политическая власть – путь к экономическому процветанию и финансовому могуществу, а, значит, и возможность регулировать необходимым ей образом правовые отношения.

Забегая вперед, заметим, что Ленин, который, вопреки так называемым догматам от марксизма, которые были убеждены в том, что в силу экономической отсталости Россия не готова к социалистической революции, был убежден, что вполне реально поменять экономику и власть местами: сначала взять в руки власть, а затем подтягивать и трансформировать экономику. По существу, он предлагал действовать опираясь на такую многовековую модель отношений экономики и власти, при которой власть диктовала возможности экономического развития, а в личном плане собственность, даже огромная не могла бы уберечь индивида, а то и весь его род, от серьезнейших угроз, вплоть до угроз самой жизни. Не случайно еще Н.А.Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» писал, что в этом «коммунизме», так же, как и в разворачивавшейся под марксистскими знаменами русской революции было больше собственно русского, чем марксистского, особенно в понимании экономического детерминизма. (1, с.121)

В свете современности такую соподчиненность отношений политической власти и собственности замечательно иллюстрируют новейшие свидетельства из истории Китая и Северной Кореи. В Китае оказался взят под стражу всемирно известный миллиардер, состояние которого по сведениям различных российских телеканалов (29 января 2014 г.) 2 – 3 млрд. долларов (Как будто 1 млрд. такая мелочь, что ее сложно учесть!). Он был обвинен в коррупции, а более конкретно в том, что ради собственных выгод давал крупные взятки чиновникам. В Северной же Корее несколько раньше был казнен близкий родственник нынешнего молодого главы государства, который, по сообщениям СМИ, владел в стране черным рынком риса, служащим здесь основным средством питания. (2, с.2)

Известна и смешанная модель, когда деньги и связи определяют реальные возможности индивида и группы лиц, вплоть до возможностей преступать официально существующие законы. Однако для того, чтобы не потерять нить изложения, было бы уместно пока вернуться ко второму варианту, который можно связать с так называемым азиатским способом производства и соответствующей ему восточной деспотией, то есть таким положением вещей, при котором власть может быть практически не ограниченной рамками конкретных законов.

Но и такая модель имеет варианты, наличие которых зависит от меняющегося соотношения самых разнообразных сил. Первая вариация такой модели – это господство кланового, родового начала и традиций, в пределах которых действует власть. Кстати, значимость определенных традиций ни в коей мере нельзя отрицать и в западном обществе, которое современные западные же социологи отнюдь не относят к «традиционному».

Вторая версия той же модели – это версия, при которой доминирует сугубо личностное начало, переходящее в открытый произвол и мелочную, личную же, регламентацию или, используя более широкое понятие, детерминацию самых различных сторон жизнедеятельности социума.

Примеры этого доминирования личного (возможно, личностно группового) начала мы видим в деятельности египетского фараона Эхнатона, решившегося на религиозную реформу, которую по радикальности можно сопоставить разве же с курсом на научный атеизм, взятым в годы советской власти в СССР. В деятельности китайского императора Цинь Ши Хуанди. В России же – в том, что происходило при таких разных по масштабам и по характерам монархах, как Иван Грозный, Петр Третий, Петр Первый и Павел.

Здесь мы вольно или невольно касаемся старого и остро дискуссионного вопроса о роли личности в истории, или, выражаясь иначе, исторической личности.

Чем же определяется и в чем выражается эта роль?

Целым рядом взаимодействующих друг с другом факторов.

Первая группа факторов – это особенности системы, концентрации власти, рычагов управления и обратной связи – то есть достоверности (или, точнее, степени достоверности) той информации, которая через «чиновные и иные фильтры» идет снизу наверх. Можно предположить, что на так называемом Западе, скажем в США, если говорить о высшем руководстве в лице президента, то таковое, как, видимо, и

зачастую в Древнем Египте, оказывается строго определенной частью Системы. Президент – такой, как Абама, подобно древнеегипетскому фараону, фигура, скорее, представительная, нежели определяющая ход важнейших событий. Это, прежде всего, макияз системы, а не ее мозг и сердце. Только при таком раскладе сил древние жрецы заменены иной – квази-родовой подсистемой. Потому-то и можно так относительно легко и критиковать президентов, и менять их через определенное время, что, хотя те и на виду – подобно стрелкам на циферблате, однако собственно замена стрелок не оказывает принципиального воздействия на отрегулированный часовой механизм.

В других типах социальных систем само положение Вождя, первого руководителя, а когда-то и монарха, таково, что смена или устранение Личности, Индивида может привести к серьезнейшим последствиям, а то и прямо к эффекту домино. Последнее мы, к примеру, увидели в Ливии после дикого убийства Каддафи. Фигура Первого Руководителя очень много значила в существенные периоды советской истории и истории Китая двадцатого века... И далеко не только. В России восемнадцатого века убийство сначала одного венценосца, а затем и другого каждый раз означало кардинальные изменения и в жизни внутри страны, и в ее амплуа на международной арене. Не случайно о политическом строе России говаривали, что это - абсолютная монархия, ограниченная... царубийством.

Вторая группа факторов – это логика развития событий, как в конкретном социуме, так и в окружающем его социальном мире. Та логика, которая побуждает искать, и нередко в «авральном порядке» соответствующие ответы на вызовы времени. Скажем, на глобальные климатические изменения, природные катаклизмы или движение неведомых прежде масс завоевателей.

Воздействие этой второй группы факторов на жизнь того или иного конкретного социума тесно связано с влиянием третьей группы факторов, к каковой уместно отнести менталитет, обычаи и традиции, мировосприятие и мироотношение в целом.

Так, не умаляя собственно полководческих талантов Чингизхана и его полководцев, а также достоинств военной организации «монголов» 13-го века, зададимся вопросом: а насколько неодолимы были монголы, насколько предreshены были все те победы, которые они одержали?

Великий Китай рухнул в значительнейшей мере из-за отсутствия внутреннего единства и ненадежности определенных (по одной из версий – наемнических) войск. Хорезм-шах взял

на вооружение погубившую его тактику. На Калке, где в 1223 г. русские и половцы попытались противостоять монголам, но они были разгромлены из-за отсутствия четкого руководства, взаимодействия наспех собранных различных воинских сил и понимания того, с каким врагом имеют дело.

Колоссальнейшую роль сыграл этот третий фактор при завоевании Америки конкистадорами. Победы европейцев были обеспечены не только несравненно более действенным оружием, но и вероломством, готовностью нарушать привычные для индейцев правила игры, да и самой реакцией на них, европейцев, как на пришельцев из иного мира.

Показательно, что и в чисто военном отношении нередко побеждал тот, кто в ходе сражений или целых кампаний нарушал привычные «правила игры». Вспомним лишь некоторые из многочисленных примеров такого рода. Под Марафоном, где была одержана первая победа греков над персами, греки устремились в атаку бегом, чем, поначалу, повергли персов в недоумение. Фифанский полководец Эпаминонд в сражении со спартанцами использовал, ставший знаменитым, «косой клин» - то есть такой боевой порядок, при котором значительная часть воинов сосредотачивалась на фланге, обрушивая тем самым на противника массивный удар. И в том, и в другом случае - ни нового оружия, ни суперподготовленного спецназа, а лишь отход от шаблонов, от того, что казалось самоочевидным и общепринятым.

Такой отход мог оказаться значимым не только на обычных полях сражений, где одни армии сталкивались с другими. Так, например, когда при самом начале Великой французской буржуазной революции, толпа горожан подошла к резиденции короля, достигнув-таки своей цели, Наполеон отреагировал на это ироничным замечанием: «Что у него не было пушек?» Сам он, когда впоследствии столкновение окажется (или покажется?) неизбежным, без промедления будет использовать пушки на улицах города. Иными словами, то, что казалось немислимым, а, может быть, и крайне опасным для короля, стало вполне возможным для Наполеона. Нечто похожее можно было наблюдать и в начале 90-х но уже в Москве. В дни ГКЧП введенные в город танки оказались лишь грохочущей бутафорией, и никакой реальной силы против защитников Белого Дома не было использовано. В сложившейся к тому времени, прежде всего, духовной ситуации, такое использование армейских сил против своего народа выглядело преступным и

самоубийственным. Но... прошло всего два года, и в октябре 1993 г. танки прямой наводкой били по запылавшему Белому Дому, а возле Останкино развернулась настоящая бойня.

Кстати, расстрел демонстрации, шедшей 9 января 1905г к Зимнему Дворцу, дал толчок первой русской революции, тогда как стрельба по демонстрантам, выступившим уже в январе 1918 года в защиту распущенного большевиками Учредительного собрания, к подобному взрыву не привела. (Или, все-таки, здесь есть еще, что исследовать и что переосмыслить?).

Три упомянутые фактора дополняют личные качества, амбиции, приоритеты Первого Лица и его непосредственного окружения, значение которых при определенных состояниях систем и подсистем социумов может быть не только колоссальным, но, возможно, и определяющим. Но что же эти самые качества способны определять?

Во-первых, «физиономию эпохи», ее колорит. Тот же персидский царь Ксеркс, который повелел высечь море, разметавшее мост из его кораблей, вошел в историю именно этим, очень странным для нас, нынешних, актом. Множество эффектно внешнего вершилось при Иване Грозном, Петре Первом, Петре Третьем, Павле. Тот же Грозный. по сообщению историков, повелел убить присланного ему в подарок слона за то, что тот, не будучи соответственно обученным, не встал перед ним на колени. Петр Третий и будучи взрослым любил играть в солдатики. Когда же одному из таких игрушечных созданий крыса отгрызла голову, то, по велению царя поймали первую попавшуюся крысу и торжественно, под бой барабанов повесили «преступницу». Но это – внешнее. Хотя для современников и, особенно, для непосредственного окружения владык это самое «внешнее» могло значить очень много – вплоть до определения их личных судеб, не говоря уже о попрании достоинства. Показательные свидетельства всего этого, в частности, дает относительно известная история Римской империи и целого ряда других государств, когда безграничная власть и беспредельно развращала тех, кто волею судеб оказывался на ее вершинах, будучи убежденным в своем всемогуществе, как некогда Калигула, который в ответ на увещевания своей бабки Антонии горделиво обронил: «Не забывай, что я могу сделать что угодно и с кем угодно!» (3, с115).

И, все-таки, для хода истории, куда более значимыми становились такие явления, как опричина или неожиданный удар Грозного по Новгороду, где он, говоря словами К.Маркса,

«устроил кровавую баню». Будь на месте Грозного иной царь ни опричнины, ни удара по Новгороду могло и не быть. Точно так же, если бы не убийство царем своего собственного сына, то, возможно (но только возможно) династия бы не прервалась и Смутного Времени, по крайней мере, с известным нам размахом событий, не было бы. Не будь же затем Петра Первого, могло бы и не быть Петербурга, как столицы Российской империи.

И что из этого? – Да целая гроздь вопросов, имеющих уже отношение к отдаленным от Петра временам истории. Как бы, к примеру, тогда разворачивался ход войны с Наполеоном? Ведь одно дело оставить исторический центр, и совсем другое – столицу, которой, не будь Петра Алексеевича, по всей вероятности, так и осталась бы Москва. И насколько возможной была бы тогда Октябрьская революция, немалую роль в которой сыграли именно местоположение тогда уже Петрограда и вместе с прочими «революционные матросы»? А сколько людей не погибло бы во время блокады Ленинграда и последующего освобождения от нее, если бы так недалеко от границы не был построен столь значимый и такой огромный город? Но, с другой стороны, что было бы, если бы руководство Третьего Рейха использовало те силы, которые остались под Ленинградом, для усиления удара по Москве? Правда, и история России, и мировая история наталкивают на предположение о том, что ни решительная победа Наполеона над русской армией под Москвой (которую, будь она столицей, отдать было бы труднее), ни гитлеровский захват Москвы, сами по себе не изменили бы кардинально ход мировой истории. Москву жгли крымские татары при Грозном. Входили в нее поляки в Смутное Время, а Россия так и осталась Россией. Еще показательней история Китая. Его завоевывали и монголы, и маньчжуры. В девятнадцатом веке Англия навязала Китаю Опиумные войны, а европейские воинские контингенты без особых препятствий двигались по китайской территории. В двадцатом же веке в Китае были японцы. Ну и что? Все это ушло, а Китай остался. Так не является ли само «сбережение народа» или сохранение возможностей его численного роста куда более значимым, чем геополитические амбиции его правителей?

Не собираясь гадать об этом, мы только хотим обратить внимание на то, что при соответствующих состояниях систем, подсистем, каналов связи и рычагах управления личность способна оказывать огромное, в том числе не прогнозируемое ни ею, ни современниками, ни ближайшими потомками, влияние на состояние социума и развитие исторических событий.

Литература.

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука. 1990.
2. Причина расстрела – рис.- Аргументы недели. – 2014, №1. В заметке под этим названием сказано: «Известно, что в Северной Корее реально правит страной из-за спины сына-Вождя его мать. Новое руководство Китая и КНР советовало ей взять курс на экономические реформы и ввести в Северной Корее некое подобие НЭПа... По планам реформ 40% урожая риса должно теперь оставаться в крестьянских кооперативах. Они сами должны распоряжаться этой частью урожая: какая доля на питание, и какая на продажу. При этом расстрелянный Чан Сон Тхэк при жизни являлся крупнейшим держателем черного рынка риса. в Северной Корее. Это его положение в иерархии северокорейской власти было бы невозможно без тесного союза с нынешним генералитетом вооруженных сил КНДР. Именно армия изымала весь рис из коммун, который официально шел на нужды обороны. А реально по большей части на черный рынок. Поэтому Чан Сон Тхэк был одним из главных противников экономических реформ, предлагаемых Китаем, озабоченным положением своего союзника». Как бы не относиться к приведенной версии, сам факт расстрела налицо.
3. Гай Светоний Транквилл. – Жизнь двенадцати цезарей. – М.: Наука, 1964.

Эта многоликая четвертая группа.

В реальной истории три упомянутые группы факторов оказываются неотделимыми от очень непростой и многоликой четвертой группы факторов. Помните, касаясь личных качеств первых лиц, вождей, лидеров и их окружения, мы вскользь упомянули такое расхожее слово, как «приоритеты»? – В действительности же приоритеты лишь составляющая четвертой группы факторов. Эта четвертая группа включает в себя изменчивые, подчас очень динамичные комбинации личных, групповых, клановых и квази-клановых, сословных, классовых, этносоциальных и социумных в целом целей и интересов, к которым и могут иметь отношение так называемые «приоритеты». Со всем этим непосредственно связаны и

возможные ошибки, просчеты, обусловленные сплетением объективных причин и феноменов субъективного порядка.

Попытаемся рассмотреть эту четвертую группу факторов более внимательно. И что же мы видим? Какие комбинации оказываются возможными?

Первая серия комбинаций – это такие комбинации, при которых личные интересы и субъективно понятые цели Лидеров совпадают с интересами определенных групп и противоречат интересам других групп, а общие интересы социума начинают восприниматься лишь при наличии внешней угрозы. В этом случае начинают доминировать те лидеры, чьи группы, роды и т.п. оказываются наиболее сильными или удачливыми.

Вторая серия комбинаций – это, когда интересы Лидера и группы, на которую он опирается, прежде всего, совпадают в ряде отношений с «интересами» социума, государства.

На практике обычно встречается третья серия, когда личные цели, а затем и групповые цели частично совпадают с целями социума, а частично им противоречат.

Четвертая же группа комбинаций такова, что личные и те или иные клановые, групповые, партийные, сословные и иные цели могут не совпадать ни с потребностями социума, как такового, ни с «интересами» государства, представляющего собой структуру, которая, возникнув, как правило, тяготеет к самосохранению и укреплению.

Не претендуя на то, что мы дали здесь полномасштабную картину, попробуем на примерах проиллюстрировать сказанное, обратив внимание на динамику. Вспомним историю Древнего Египта, которая в данном случае может являть собой довольно-таки типичный образец. На ранней стадии развития Египет представлял собой совокупность отдельных государств-номов, борющихся друг с другом. Затем эти номы слились в Южное и Северное царства, которые объединились после кровопролитной войны. Первоначально интересы номов и их элит могли либо сталкиваться, либо перекрещиваться, либо частично совпадать. По мере же укрупнения государства интересы усиливающегося клана (а слово «фараон» в буквальном переводе означает «большой дом», что можно истолковать и как «сильный род») стали все более совпадать с интересами создававшегося государства. Иными словами личные интересы лидеров-фараонов, срастаясь с интересами клана, начинали все более совпадать и с интересами социума, даже с учетом противоречивости и неоднородности, составляющих этот социум

структур. Здесь, как и во многих иных регионах Древнего Мира, военное поражение и крах государства означало для его Лидера и ближайшей к нему части элиты и личную катастрофу, вплоть до физической гибели. Так обстоят дела при перерастании первой группы комбинаций во вторую. Причем на разных стадиях этого перерастания. Здесь судьбы Лидера обычно неотделимы от судеб группы или клана.

Третья серия комбинаций по сути своей нуждается в развернутых сопоставительных исследованиях. Мы же здесь коснемся их лишь очень поверхностно. Один из достойных анализа примеров – это история СССР конца 20-х – начала 50-х годов. Вся предыдущая история страны, ее внутреннее состояние и международное положение свидетельствовали о том, что в этих условиях укрепление жесткой диктатуры было вполне логичным. В критических обстоятельствах жесткость порядков, как правило, способствовала выживаемости социума. Итак, объективно так называемая «командно-административная система» была рождена определенного рода потребностями огромной страны. Таким образом, укрепляя ее. Сталин способствовал усилению выживаемости социума и его самосохранению в случае повторения глобального конфликта соразмерного с Первой мировой войной. Но при этом он, как и всякий иной лидер в подобных обстоятельствах, должен был бороться за сохранение своего места на политическом Олимпе страны. И здесь вопросы об оправданности или не оправданности действий - его ли или кого-то из его окружения – с точки зрения «интересов страны» отпадают сами собой. У борьбы за личную власть или доминирование той или иной группы иные задачи и, соответственно, правила. Тут уж сама логика борьбы вела к тому, что могли «выводиться из игры», а то и прямо уничтожаться те, кто сами по себе были бы способны приносить пользу стране, государству, народу. Просто, говоря языком Генри, во многих социальных системах «Боливар» реальной власти никогда не был в силах долго нести на себе «двоих», не говоря уже о многих. «Дуумвираты», «триумвираты», как правило, были явлениями временными и недолговечными.

Все это заметили еще древние греки. Широко известна история о том, как один из греческих тиранов отправил посла к другому тирану. Следует оговориться, что в своем более раннем политическом смысле слово «тиран» означало не жестокого и своевольного деспота, а лишь того, кто собственными усилиями захватил власть, а не получил ее по наследству либо путем

признанных «всеми» выборов. Итак, такого рода тиран хотел узнать, каким же образом его «коллеге» удастся долго держаться у власти. В ответ же на вопрос посла, спрошенный вывел его на поле и, не говоря ни слова, стал на глазах у гостя срывать самые высокие колоски. Вернувшийся домой посол поведал пославшему его правителю, что никакого вразумительного ответа он не получил, а, наоборот, спрошенный им, повел себя очень странно, без пользы срывая и бросая наземь самые лучшие колоски. Но спрашивавший все понял и с тех пор стал устранять всех, кто выделялся среди прочих настолько, что мог бы представлять угрозу его личной власти.

Как мы знаем, еще жестче были порядки в Османской империи, где после смерти султана сын, претендовавший на власть, уничтожал не только всех своих братьев, но и их потомство – вплоть до того, что в Босфоре топили беременных наложниц.

Спрашивается: как оценить все это? – Привычные вздохи о гуманизме и жестокости тех или иных нравов здесь ничего не дадут. С точки зрения сохранения личной власти и устойчивости системы устранение тех, кто при наличии «определенных правил игры», мог бы на эту власть претендовать, угрожая самой борьбой за эту власть возможностью не только смены лидеров, но и серьезного кровопролития – вплоть до гражданской войны и распада государства – такие действия были объяснимы. В то же время вполне понятно, что и в султанской Турции, и в иных местах, где устранялись или физически уничтожались конкуренты в борьбе за власть, само по себе устранение сильных наносило урон стране и государству. Иначе говоря, перед нами такая серия комбинаций, которая однозначной оценке, да еще и с позиций другого времени и других систем ценностей, пожалуй, не поддается.

Не менее, а в ряде отношений еще более сложна и четвертая серия комбинаций. Это такие переплетения целей и интересов, когда для тех или иных групп, политических партий, этноконфессиональных объединений «чужой» может на каком-то этапе оказаться более близким, чем «свой». Об этом свидетельствует и вся история союзов и политических объединений, при которых часть, говоря современным языком. «оппозиционных сил» предпочитала и продолжает предпочитать сближение с «чужими», нежели со своим собственным руководством (возьмите, хотя бы, украинский «майдан»). Один из нагляднейших примеров – религиозные войны во Франции, с

началом которых «католическая знать обратилась за помощью к королю Испании Филиппу 2-му», тогда как вождь гугенотов принц Конде в свою очередь ... прибегнул к помощи протестантской королевы Англии Елизаветы; она послала во Францию солдат, оговорив при этом возвращение Англии Кале». (, с.592)

Об этом же свидетельствует и история большевизма. Антигосударственники и «пораженцы» они готовы были идти на временное сближение с самыми разными силами, враждебными русскому царизму. Сегодня много говорят о «немецких» и даже «японских» деньгах. направленных на подкармливание русских революций (хотя несколько позже и Колчак, да и иные противники красных не брезговали закордонной поддержкой). Но менее известно, по крайней мере, менее озвучено в современных СМИ другое. Близкий к Ленину В.Бонч-Бруевич, долгие годы изучавший русское сектанство, а вслед за ним и иные большевики полагали, что сектантов вполне можно использовать в борьбе с существующим строем, чью легитимность освящала Русская православная церковь, превращенная в ходе петровских времен в силу. полностью подчиненную Государству.

Но еще более показательно, что, придя к власти, антигосударственники стали яркими государственниками. Ведь появилось и требовало укрепления то государство, с судьбами которого были связаны не просто их личные судьбы, а и судьбы всего того, за что они субъективно сражались. Что же касается сектантов, то тут наоборот, по мере устранения бывших врагов и укрепления новых порядков, надобность в них отпадала. Более того, как элементы автономных структур, они и новым государством, тяготеющим при своем становлении к максимально возможной консолидации всего и вся, стали восприниматься, так же, как и прежним, как помеха консолидации.

Особый интерес для анализа представляют и субъективные ошибки и просчеты, причем в их связи с объективным развитием событий, фактором времени и спецификой и возможностями информационных систем определенных периодов исторического развития отдельных социумов и человечества в целом.

В частности, в Российских СМИ раз от разу упоминают о тех или иных ошибках и просчетах Сталина и советского руководства, как в более ранние периоды истории, так и в годы Второй мировой войны. Вполне понятно, что анализ ошибок или того, что в свете наших нынешних знаний о ходе исторических событий видится таковым, дело совершенно необходимое. Используя язык интеллектуальных игр, можно было бы сказать,

что тот не шахматист, кто не анализирует сыгранные партии – как собственные, так и те, что игрались на крупнейших соревнованиях. Но в ходе любого анализа реальных партий, а не просто учебных заданий, этюдов и т.д., важно учитывать не только расстановку фигур в той или иной конкретной позиции, но и ход самой игры, потраченное игроками время и их состояние. Ведь хорошо известно, что даже сильнейшие игроки, вплоть до чемпионов мира по шахматам и шашкам, не застрахованы от ошибок, которые во время анализа способны увидеть и игроки несравненно более низкой квалификации. В чем же дело? Во-первых, в утомлении. Во-вторых, в том, что в процессе игры ее участнику приходится постоянно решать те или иные задачи, поэтому, чем больше ловушек или вариантов выбора вы ставите перед противником, либо наоборот, чем сильнее посредством угроз вы ограничиваете для него возможность удачных ответных ходов, тем более вероятны ошибки. Немалую роль может сыграть и увлечение собственными планами, которое мешает увидеть, казалось бы, очевидное для постороннего. И, наконец, важен и предыдущий опыт, который, побуждая избегать уже известных каверз, может и ограничивать ваши же поиски новых и более удачных вариантов. И это в игре! Насколько же все драматичней, когда дело доходит до панорамных исторических событий!

Коснемся для примера лишь, вызывающего бурные споры, гитлеровского вторжения в СССР. Первые недели и месяцы свидетели катастрофы, масштабы которой несоизмеримы с тем, что ведомо всей истории человечества. Тысяча двести советских самолетов гибнут только в первый день военных действий. Причем очень многие даже не успевают взлететь с аэродромов. (2, с26). Перемалываются танковые соединения. Огромные человеческие массы оказываются в «мешках» и попадают в плен. Об огромном значении фактора внезапности начальник генерального штаба немецких сухопутных сил генерал-полковник Ф.Гальдер пишет в своем «Военном дневнике»: «Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать ...» И добавлял: «Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате

быстрого продвижения наших подвижных частей, для чего в настоящее время всюду есть полная возможность». (2, с.25)

Как же можно было так просчитаться? Ведь было же множество донесений. Была информация, действовавшего в Японии советского разведчика Рихарда Зорге. Да и вообще, как же можно было проглядеть скопление на советских границах таких мощных ударных сил? – Вопрос совершенно законный, и, несмотря на множество уже известных вариантов ответа, будущее, возможно, предложит и новые. Здесь же обратим лишь внимание на то, что могло способствовать совершению ошибок, оказавшихся катастрофическими по своим следствиям.

Первое, это то, что дата 22 июня была не единственной, которая сообщалась советскому руководству. Это сейчас легко упоминать о ней. Но выбрать точный день и час вражеского удара при рассмотрении разнородных и разноречивых источников информации и дезинформации было не очень просто.

Второе, и очень существенное – это исторический опыт, как совсем недавний, так и предшествовавшего столетия. Сталин знал историю. А о чем она, эта история говорила в изложении доступных ему авторов? О том, что Англия активно способствовала втягиванию России в противостояние с Наполеоном. Первая же мировая лоб в лоб столкнула Россию с Германией, и это, несмотря на то, что в жилах значительнейшей части русской элиты, включая и царей, текла «немецкая кровь». Окончилось же это столкновение полным крахом и для русского царизма, и для прусской монархии. Тогда как английская монархия уцелела. Таким образом, Сталин очень хорошо понимал, что Россию и Германию хотят столкнуть вновь. Расстановка же политических сил в мире была при этом еще более запутанной, чем перед началом Первой мировой войны. Вполне понятно, что, чувствуя неготовность своей страны к полномасштабной войне, он старался всячески оттянуть время.

Любопытно сообщение российских СМИ и о еще одних рассуждениях, которые подтолкнули к роковым просчетам. По этим сообщениям, Сталин, памятуя о Наполеоне, говорившем, что его «победили русские снега и русская военная музыка», спросил: «Есть ли у немцев достаточное количество зимнего обмундирования?» Ответ же, как сообщают, казался успокаивающим: «Для обеспечения вермахта таковым понадобится еще два года, если не больше». Если так, значит, время еще есть. Не бросит же Гитлер своих солдат замерзать в русских снегах. Гитлер же и не собирался этого делать. Просто

он был убежден, что с Россией будет покончено до того, как скажет свое слово «генерал мороз». В конечном счете, за такие расчеты пришлось платить немецким солдатам. Но первые удары вермахта оказались просто ошеломляющими, а российские СМИ заметили, что Сталин после начала войны обронил: «Никогда не надо думать за другого». Не будем сейчас углубляться в вопрос о достоверности деталей, перед нами лишь демонстрация того, к чему в принципе может привести различный ход мысли, отталкивающейся от доводов разного характера.

Литература.

1. История средних веков. – М.: Высшая школа. Ред. М.Л.Абрамсон и др. – М., 1954.
2. По данным начальника ген. штаба немецких сухопутных войск, к часу 30-ти 22 июня «командование ВВС сообщило», что было уничтожено 800 русских самолетов. Немецкие же потери составили при этом 10 самолетов. – Гальдер Ф. Военный дневник. Том 3. Книга Первая. – М.: Воениздат, 1971.

На пути к царству Духа.

Что же мы увидели в нашем кратком обзоре? - То, что, при всей силе материальных, экономических факторов, факторы субъективного характера, будем ли мы именовать их надстройкой, субъективностью или как-то иначе, оказывают огромное влияние и на жизни индивидов, и на события мировой истории, включая, как хитроумные далеко идущие планы, интриги, провокации, так и неточности, просчеты и т.д.

Более того, не только объективный мир, отражаясь (а, может быть, преломляясь?) в человеческом сознании, становится миром субъективным, но и собственно субъективный мир многообразными путями превращается в неотъемлемую часть мира объективного. Об этом замечательно сказал один из предшественников символического интеракционизма американский социолог У.Томас (1863 – 1947): «Если ситуация определяется, как реальная, то она реальна по своим последствиям». Эта чеканная формулировка получила у социологов название «теоремы Томаса». (1, с.26)

И в самом деле, разве расчеты нацистского командования на блицкриг и последующее сближение с «имущими классами

Англии» (выражение Гальдера), несмотря на всю свою ошибочность, не оказали колоссального влияния на ход мировой истории? И таковых примеров, как удачных, так и неудачных планов, прогнозов множество. Более того, в социологии известно понятие «эффект Эдипа», содержание которого отнюдь не сводится к фрейдистскому «эдиповому комплексу».

Но, прежде, чем говорить об эффекте Эдипа, вспомним историю самого этого словосочетания. Согласно мифу, прозвучавшему и в древнегреческой трагедии, жил некогда царь Лай. Однажды, побывав в гостях, этот царь, подобно троянскому Парису, обокрал хозяина. Только увез он с собой не его прекрасную жену, а приглянувшегося ему сына. За это боги его наказали и, сотворившему нечестие, предрекли, что за это ему будет суждено умереть от руки собственного отпрыска, который, к тому же, волею Судьбы женится на своей матери. Как только предсказанное достигло ушей царя, начало действовать то, что впоследствии назвали «эффектом Эдипа». Предсказание повлияло на поведение самого царя, а затем и его подросткового сына. Каким же образом? – Не желая погибнуть от руки своего чада, царь (знакомая по легендам и мифам история!) повелел убить чреватого опасностями младенца. Мальчика отнесли в лес. Но не убили сразу, а оставили на погибель. Те же, кто его нашел, сжалились над ребенком и отнесли в город, где найденыша стали воспитывать приемные родители. Мальчик подрос, возмужал, узнал о пророчестве и, будучи исполненным благодарности к тем, кого он читал своими родителями, покинул их. Для чего? – Чтобы предсказанное не сбылось. Однако, тем самым, он как раз-то и двинулся навстречу судьбе. В пути встретил того, с кем повздорил. Повздорив убил его. Появился в городе, где престол был вакантным и, женившись на вдове, стал царствовать. Так сбылось пророчество. И сбылось-то оно, с нашей сегодняшней точки зрения, в огромной мере потому, что предсказанное воздействовало на помыслы и поступки людей. Не желай царь-отец, а затем и его сын изменить предреченное, ход их жизней был бы совсем иным.

Похожие мотивы слышны и в истории русского князя «Вещего Олега», и в былине о женитьбе богатыря Святогора. В первом случае, князь, услышав предсказание о том, что ему суждено принять смерть «от коня своего», с болью в сердце расстался с любимым скакуном. Однако пришел час и, придя к останкам своего умершего любимца, Олег погиб от укуса змеи, которая вылезла из конского черепа. Судьба же

Святогора оказалась менее зловещей. Но тоже обусловленной его личной реакцией на предсказанное. Предсказано же было этому богатырю, что ему суждено жениться на девице весьма неприглядного вида, которая за тридевять земель лежит где-то в гноище и рубище. Не получив еще в то темное время современного либерально-гуманистического воспитания, богатырь решил поступить просто: сел на коня и поехал за тридевять земель. Приехав же увидел, что все так, как было сказано, вытащил из ножен свой меч богатырский и, дабы предсказание не сбылось, рубанул злосчастную по белой груди. Уходя же, рядом с ней оставил кое-какие деньги. Как-никак, а пусть похоронят по человечески. Удар же меча оказался целебным. Короста с девицы спала. А тут еще и деньги рядом. Занялась она тем, что сегодня назвали бизнесом. И успешно. Слава о ней пошла по земле. Прознал про то Святогор. Подумал: «Чем я плох?» И поехал свататься. Когда же сыграли свадьбу и легли в постель, то увидел богатырь на груди у красавицы след от удара и спросил, откуда он. Та и поведала обо всем. «И понял тогда Святогор, что от судьбы не уйдешь». Мы же с вами давно уже поняли, что и здесь сработал эффект Эдипа.

Но это все в сказаниях и легендах. Однако, как мы уже видели, и в далеко не сказочной истории, наблюдается подобное – действует эффект Эдипа и подтверждается теорема Томаса. Так мы подходим к кончику одной из ниточек, которые накрепко связывают субъективный и объективный миры – мир человеческих помыслов, стремлений, страхов и надежд и мир событий, масштабных природных и социальных феноменов. В приложении к финансовой и хозяйственной жизни в целом это означает, что молва, слухи, прогнозы, пророчества, экспертные оценки, скажем, предсказания бед и лишений, независимо от своей обоснованности, могут иметь самые реальные последствия. Так, предсказанный дефицит каких-то товаров, продуктов питания может привести и к реальному дефициту в силу того, что продукты будут закупать впрок, и в количестве, большем, чем предложено покупателю. Слухи же о неустойчивости определенной банковской либо социальной системы (либо прогнозы) способны повлиять на отток капитала и т.д., и т.п.

И что же тут для нас значимо?

Первое – это то, что субъективное и индивидуальное не просто связано с объективным и надиндивидуальным, но и во многом вырастает из последнего. Во вторых, то, что такая генетическая и структурно-функциональная связь

создает немалые и самые разнообразные возможности для манипулирования, как индивидуальным, так и групповым и массовым сознанием.

Литература.

1. Борцов Ю.С. Социология. Учебное пособие.- Ростов на Дону: Феникс, 2002.

Как же целое прорастает в отдельном, частном и личном?

Проблема такого прорастания просвечивает уже в том, что было названо формами общественного сознания: правом, моралью, религией, то есть теми регуляторами человеческого поведения, которые в огромной мере даются индивиду, как некая объективная данность, данность, появившаяся до рождения его самого.

Но, прежде, чем переходить к этим хорошо известным формам, коснемся некоторых сторон связи, срастания надиндивидуального и индивидуального, общего и отдельного в человеке. Как на это смотрели и смотрят сейчас мыслители, которые веками пытались найти ответ на этот и близкие к нему вопросы?

На Древнем Востоке, в Китае Единое виделось, как Дао, следование которому (как ныне понимаемым законам природы), влекло бы за собой успех. Тогда как действия вопреки Дао обрекали на неудачу. Иными словами, представителями самых различных философских направлений индивид воспринимался, как часть целого. Только конфуцианцы и легисты акцентировали внимание на социально-этических аспектах связи индивида и социума, а Даосы, особенно древние, - на том, что понималось, как единение с Природой. Отсюда и идеи естественного человека и Недеяния – у-вэй. В Индии проблему соотношения индивидуального, сугубо личностного и надиндивидуального рассматривали, как проблему соотношения творящего сущее Брахмана и Атмана, являющегося глубинной основой всякого отдельного человека. Исходя из этого, несложно было прийти к выводу о том, что проникновение в глубины собственного «я», то проникновение, которое позволяло бы сбросить с себя наносное, второстепенное, одновременно сближало бы и человека с Творцом, как духовной основой мира.

В античном мире представления о сопряжении индивидуально-человеческого и надчеловеческого, с одной стороны определялись довольно типичными для различных народов религиозными представлениями о судьбе, божествах, духах, например, таких началах, как «гении», с другой же достаточно стройными философскими концепциями, такими, как концепция Единого у Парменида или теория идей у Платона.

В Средние века акценты уже делались на том, что человек – это тварь Божья. То есть нечто столь малое, что может иметь значение лишь при устремленности к Богу, который в традиционном монотеизме виделся стоящим над миром Правителем и Вершителем судеб. В ход событий, равно, как и в сами человеческие помыслы, мог вмешаться и дьявол. Так или иначе, а, высшее, сверхъестественное, проникало в естественное, природное, индивидуальное.

В Новое время сначала стали популяризироваться уже известные миру идеи пантеизма, которые, в частности, разрабатывал знаменитый Бенедикт Спиноза, и которые, по своей сути перекликались с уже упомянутыми древневосточными идеями, только переодетыми в иные облаченья. Ведь пантеизм – это философское учение, согласно которому Бог сливается с природой, а не возвышается над ней подобно могущественному монарху. Но разве такое, пульсирующие в наших жилах Божество не напоминает чем-то и Брахмана, и Дао? Не нивелируя все многообразие духовной истории человечества, здесь, тем не менее, есть над чем поразмыслить. Что же касается Нового Времени, то с десятилетиями многие ученые и просветители стали уподоблять мир, сложнейшему механизму – машине, а французский остроумец, врач Ламетри даже написал труд, который назвал «Человек-машина», то есть такой механизм, которым вполне можно управлять, воздействуя на те или иные рычаги.

Правда, начиная уже с Возрождения, когда в силу не только, а, пожалуй, и не столько эволюции идей, сколько в силу социальных изменений, открывавших все больше таких путей для проявления личной инициативы, которые, как прежде, не ограничивались слишком жестко сословными и цеховыми ограничениями, акценты стали смещаться на активного и в немалой мере самодостаточного индивида. Индивида, который со временем стал восприниматься, как «человек-атом», со всеми вытекающими из этого плюсами и минусами, которые уже в экзистенциализме выкристаллизовались в смысло-

образы или концепты заброшенности отдельного человека в историю («времена не выбирают») и свободе, как бремени, от которого нельзя отвертеться и которое нельзя скинуть, словно утомительный груз, сославшись на то, что кто-то действовал так или иначе лишь в силу обстоятельств, что у него не было выбора. Парадоксальный Сартр возгласил, что человек – «дырка в бытии» и, в отличие от других существ, он обречен на свободу. Иначе говоря, даже тот, кого вынуждают соучаствовать в преступлении, в убийствах невинных или, ссылаясь на безнадежность борьбы, покориться подавляющей силе противника, всегда будет иметь своей, человеческий выбор. Пусть даже этот выбор проявиться в готовности умереть.

Наверное, наиболее полное выражение чувства экзистенциального одиночества, заброшенного в этот мир человека-индивида, мы встречаем уже у Камю в его «Постороннем», романе, который его западные аналитики комментировали, как роман, давший образ человека, почувствовавшего себя посторонним не просто в социуме, а и в обезбоженной Вселенной, безразличной к существованию его самого. Вселенной, чуждой человеку, вследствие чего и сам внутренний мир индивида трансформируется, обесмысливается, равно, как и его поведение. Если огромный мир чужд человеку, то «любовь, убийство – какая разница?»

Однако наряду с этими концепциями, взглядами, настроениями вызревали и давали свои ростки и совершенно иные во многом концепции – концепции, авторы которых пытались и продолжают пытаться связать воедино единичное, отдельное и общее либо даже всеобщее.

Так, например, считающийся основоположником социальной психологии, французский автор Г.Тард (1843 – 1904) полагал, что все живое можно рассматривать на основе учета повторения, противопоставления и приспособления. Создавая на основе этого положения свою теорию, в которой он стремился охватить законы развития природы и общества, Тард по своему интерпретировал связь единичного и целого в приложении к социуму. Как отмечают А.Н.Елсуков и его коллеги, по Тарду, «закон повторения применительно к обществу получил название закона подражания, по которому и стала определяться вся теория... Именно этот закон, с точки зрения Тарда, определяет отношение людей друг к другу в процессе их общественной жизни. раскрывает диалектику традиций и инноваций». (1, с.43)

Более известна иная из таких попыток такого рода – это попытка З.Фрейда, который, при всей спорности тех или иных его допущений, стремился разглядеть контуры общего в индивидуальном, о чем свидетельствует уже широко известная фрейдистская концепция личности, согласно которой индивид – это единство «Я» («Эго»), «Сверх-Я» или «Суперэго» и «Оно». Единство, доминирующими началами которого являются начала надындивидуальные. Ведь что такое «Суперэго»? – Упрощенно говоря, это – социальные установки и стереотипы поведения, которые, входя в сознание человека, ограничивают, а то и определяют те или иные формы его поведения и саму возможность совершения конкретных поступков. Например, женщина, которая была бы не прочь одеть короткую юбку или сделать определенную прическу, подчас не станет этого делать даже не в силу страха перед наказанием, а потому, что в ее среде это настолько не принято, что даже внутренне кажется невозможным.

Оно же или *Им* - это биологические влечения, значимость которых очень велика. Они, опять-таки, надындивидуальны. Что же касается «Эго», то и оно генетически связано с социальным. Ведь все мы «родом из детства», а, значит, многие наши индивидуальные «фобии» – страхи, влечения и т.д. рождены тем миром, тем микросоциумом, то есть семьей, школой и всем ближайшим окружением, в котором формировалось наше собственное «Я».

По своему подошел к психологическим проблемам австрийский психоаналитик Адльфред Адлер. Углубляясь в рассмотрение проблемы детерминации индивидуального человеческого поведения, он ввел в оборот и стал широко использовать такие понятия, как **комплекс неполноценности** и **гиперкомпенсация** (сверхкомпенсация). Показательно, что оба этих понятия-концепта, по сути своей подводят нас к проблеме социальности. Ведь даже врожденные физические и иные недостатки, не говоря уже о прочем, самим ребенком воспринимаются в зависимости от того, как к ним относятся окружающие и каким образом в том или ином социуме эти недостатки или слабости могут повлиять на самореализацию личности. Скажем, малый рост порождает комплекс неполноценности отнюдь не сам по себе. Вспомним, что маленькая ножка Золушки в одноименной сказке дана, как ее уникальная особенность, а вовсе не как дефект. А вот на стандартных конкурсах красоты, где требуются другие параметры,

обладательница миниатюрных размеров не нашла бы себе места и потому могла бы закомплексовать.

Да и что такое «большой» или «малый», «слабый» или «сильный»? Знаменитый свифтовский Гулливер был великаном в стране лилипутов и крохой в стране великанов...

То же самое можно было бы сказать и о полноте, если только речь не заходит об избыточных килограммах, которые реально ограничивают подвижность и приносят вред здоровью, определяемый сугубо медицинскими показателями. Хорошо известно, что у многих племен и народов полнота издревле ассоциировалась с благополучием и здоровьем, и ... мужскими достоинствами. А почему бы и нет? Если жена и дети в теле, значит муж – хороший охотник и труженик. А если нет? – Судите сами.

К тому же издревле пышные женские формы ассоциировались с женской способностью к деторождению и поэтому могли восприниматься, как эстетически и сексуально привлекательные. Сообщают, что в турецких селах еще сравнительно недавно (если измерять столетиями) калым, уплачиваемый за невесту, зависел от веса: чем весомее невеста – тем выше цена калыма. А у африканских готтентотов в женщинах ценились непосредственно сами «седалища». Причем такие, что их обладательницы при достижении максимума своих красот, бывало не могли или едва могли из-за своей массивности обычным способом, без наклона, подняться с места. И не комплексовали из-за этого.

Еще один шаг на пути исследования единичного и общего в приложении к собственно человеку попытался сделать широко известный психолог и знаток восточных религий Карл Густав Юнг. Опираясь на понятия «архетипы» и «коллективное бессознательное», он стремился вскрыть те глубинные пружины индивидуального человеческого поведения и, получающих распространение, взглядов на мир, которые имели глубочайшие, по его мнению, исторические корни.

Такого рода поиски не прекратились и поныне. Мы же перейдем к проблеме связи эмоций и стереотипов в человеческом поведении.

Литература.

1. Социология. – Минск: Тетра Системс, 2003.

Эмоции и поведенческие стереотипы в свете культурологии.

Мы хорошо знаем, что проблема человеческого поведения, связанного с эмоциональными реакциями на различные ситуации, проблема не только психологическая, но и социально-историческая и, следовательно, в огромной мере, культурологическая. Так, еще молодой К.Маркс в своих знаменитых «Тезисах о Фейербахе» писал в 1845 г. о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Поэтому-то и, анализируемый Фейербахом «абстрактный индивид ... в действительности принадлежит к определенной общественной форме». (1, Т.1.,с.2-3)

Сегодня, касаясь этого положения, можно было бы говорить об определенном «перехлесте», о невозможности свести множество реальных и разнообразных конкретных индивидов лишь к «совокупности всех общественных отношений», тем более в их упрощенном варианте учебников советских лет, поняв одновременно и уже упоминавшуюся экзистенциалистскую реакцию на жесткий детерминизм, выразившуюся в парадоксально-образном слогане: «Человек – это дырка в бытии», то есть существо, чье поведение не может быть ни жестко детерминировано, ни четко просчитано.

Однако уже размышления Маркса не сводились лишь к обоснованию идей французских просветителей, утверждавших господство фатализма и уподоблявших отдельного человека, шпаге, оказывающейся в руках обстоятельств, что логически не допускало не просто случайности, но и элементарных проявлений свободы воли. Напротив, Маркс, был певцом человеческой активности. Однако активность эта, по Марксу, всегда проявляется в определенных обстоятельствах, неотъемлемой составляющей которых оказываются и традиции: Люди сами творят историю. Но не так, как им вздумается. В обстоятельствах, которые не ими самими созданы. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых.

Здесь, опять-таки, можно было бы спорить о том, уместно ли столь однозначно отзываться о традициях, особенно сегодня, когда стало модным к месту и не к месту упоминать о «возвращении к традициям». Но сама проблема связи реального поведения индивидов, их эмоциональных состояний

с социокультурным фоном очевидна. На нее не раз обращали внимание и отечественные психологи от Л.С.Выгодского до таких, как Л.Н.Леонтьев и многие другие. По словам Л.Н.Леонтьева, суммирующего итоги ряда размышлений и гипотез Л.С.Выготского, «опосредованная структура психических процессов всегда возникает на основе усвоения индивидуальным человеком таких форм поведения, которые первоначально вкладываются как формы поведения непосредственно социального». Таким образом, главный механизм развития психики человека рассматривается, «как механизм усвоения социальных, исторически сложившихся форм и видов деятельности...», когда «усвоенные в их внешней форме процессы далее преобразуются в процессы внутренние, умственные». (2, с.104). При этом, обращаясь к живущему в четырехмерном пространстве-времени человеку, к его сознанию Леонтьев вводит «понятие о пятом *квазиизмерении*, в котором открывается человеку объективный мир. Это – *смысловое поле, система значений*». Для самого Леонтьева данные значения выступают как то, «что лежит за обликом вещей – в познанных объективных связях предметного мира, в различных системах, в которых они только и существуют, только и раскрывают свои свойства. Значения, таким образом, несут в себе мерность. Это мерность *внутрисистемных связей объективного предметного мира, она и есть пятое квазиизмерение его!*» (2, т.2, с.254).

Если пробиться сквозь риторику, соответствующую своему времени, то мы вправе подойти к очень важной мысли – мысли о том, что для индивида, объективными, то есть представленными ему как данность, могут быть и смыслы, вытекающие из традиций, верований, обычаев. Данность же эта носит исторический характер и потому изменчива и культурно обусловлена.

Вот на этой-то культурной обусловленности эмоциональных реакций и поведенческих стереотипов автор выступления и хотел бы сосредоточить свое внимание. Представляется, что при обилии исследований и четкости общих теоретических установок здесь перед культурологами еще необозримое поле исследований. Более того, именно социокультурное разнообразие конкретных исторических детерминант в их преломлении индивидуальной человеческой психикой, пожалуй, являет нам немало лакун, идет ли речь о психологии религии либо, к примеру, качеств, необходимых для полководца. Так, в классических советских исследованиях, таких, как, скажем, работы Д.М.Угриновича очень

четко выявлялись общие проблемы, но еще не ставилась задача рассмотрения и анализа конкретных факторов, непосредственно влияющих на переживания и поступки представителей разных конфессий, к тому же живущих в различных социально-исторических условиях и в разные эпохи. А в интереснейшей и насыщенной идеями и богатым историческим материалом работе крупного советского психолога Б.М.Теплова (3) мы, опять-таки, встречаем попытку выделения неких общих черт талантливых полководцев – от Ганнибала и Цезаря – до Наполеона, Суворова и Кутузова. И это допустимо. Но остается в стороне та же специфика, связанная с особенностями вооружения, стратегии и тактики, а также мировидением и системой ценностей тех, кого ведут в бой. Так, там, где полководец, одновременно и окруженный особым ореолом вождь, царь, непосредственно ведущий в бой, он может демонстрировать свою храбрость, устремляясь в числе первых на врага. В древней Испании, например, как пишут, были племена, воины которых были не вправе пережить гибель вождя. При таких обычаях и, соответственно, установках мотивация была одна: отчаянно защищая вождя напрямую сражались за собственную жизнь и честь. В других случаях отчаянный порыв полководца должен был бы опираться на иные стимулы, а то и вовсе оказаться безрассудным.

Иначе говоря, перед культурологом неизбежно вырастает клубок вопросов о том, какие поведенческие стереотипы, стимулы, мотивации, ограничители действий могли быть использованы и, более того, оказывались действенными в тех или иных социокультурных обстоятельствах, какие «правила игры» и насколько жестко определяли исполнение тех или иных социальных ролей в ту или иную эпоху. Например, касаясь только военной тематики, было бы необычайно интересно сопоставить речи и нюансы поведения полководцев разных времен и народов перед решающими сражениями и в целом во время войн. Вполне понятно, что здесь что-то может быть домыслено, что-то приглажено, что-то просто позаимствовано из иных, ставших «образцовыми» описаний. Но и при всем том такие «детали истории культуры» способны дать аналитику определенную пищу для размышлений о социальных ориентирах и системах ценностей, верований, как регуляторах поведения и своего рода «триггерах» тех или иных состояний и действий, включая и такие, которые могут быть эффективными лишь при определенном состоянии умов.

Повторим вновь, но уже в иной связи уже упоминавшийся эпизод из истории Древнего Рима, который демонстрирует, как пренебрежение умонастроениями своих воинов могло оказаться катастрофическим и для самого разумного полководца. Историки упоминают курьезный случай, когда на борту корабля одного древнего полководца куры почему-то не стали клевать зерно. Это считалось мрачным предзнаменованием. Не желая потакать суевериям полководец повелел выбросить капризных «прорицательниц» за борт. Однако моральный дух войска все равно был подорван, и столкновение с врагом практически без борьбы закончилось поражением для воинов борца с суевериями. (Это случилось во время первой пунической войны с армией римского полководца Публия Клавдия Пульхера.. «Сражения, по сути дела, не произошло: воины, решив, что им все равно ничто не поможет (священные куры предрекли поражение) даже не оказали противнику сопротивление – сдались без боя».(4, сс.85 – 86). При всей относительной достоверности всякой исторической хроники здесь есть, над чем поразмыслить.

Совсем иной пример дает Плутарх, описывая канун битвы при Каннах: «Поначалу даже карфагеняне пришли в смятение, изумленные отвагой командующего (римлян) и размерами войска: ведь они уступали противнику более чем вдвое.

Ганнибал приказал своим вооружаться, а сам в сопровождении нескольких всадников поднялся на невысокий пригорок и стал наблюдать за противником, который уже строился в боевые ряды. Один из его спутников, по имени Гискон, человек равного с ним положения, сказал, что число врагов кажется просто поразительным. «Но есть вещь еще более поразительная, Гискон, и ты ее проглядел», - возразил Ганнибал. «Что же это? – спросил Гискон. «А то, что среди такого множества людей нет ни одного, которого бы звали Гисконом!» Шутка была совершенно неожиданной, все рассмеялись и, спускаясь с холма, пересказывали ее каждому встречному, так что смех все ширился, и даже сам Ганнибал не мог сдержать улыбки. Увидев это, напуганные карфагеняне приободрились, считая, что лишь величайшее презрение к неприятелю позволяет их полководцу так спокойно смеяться и шутить перед лицом опасности». (5, с.235) Как видим, здесь уже неожиданная шутка, а не использование арсенала заранее продуманных средств психологического воздействия производит колоссальный эффект, меняя настрой воинов перед страшным сражением. Но, обратите внимание: такая шутка могла родиться лишь при столкновении

представителей разных культур. Сражавшимся друг с другом Тимуру и Тохтамышу либо разным русским князьям она бы просто не могла придти в голову, так как социокультурная ситуация была иная.

Интересно то, что шутка могла не только поднять боевой дух (вспомним и рожденного пером Твардовского неунываку и балагура Теркина), но и разрядить драматичнейшую обстановку. Историки французских дуэлей упоминают курьезный случай, когда стреляться должны были мужи совершенно разных габаритов: один маленький и щуплый, а другой – очень рослый и полный. Крупный дуэлянт заметил, что условия дуэли неравные, ведь в маленького попасть труднее, чем в большого. Его же противник остроумно предложил: «Давайте, я подойду к вам. На вашем теле начертят контуры моего, и все попадания мимо них будем считать недействительными». Все рассмеялись, и дуэль закончилась примирением, без единого выстрела.

Очерчивая же общие контуры проблемы и целого ряда возможных исследований, уместно выделить определенный ряд моментов сопряженных с взаимным перетеканием индивидуального и надындивидуального. Того, что является следствием жестких, а подчас и крайне жестоких правил поведения в том или ином социуме и того, что оказывается следствием воздействия «суперэго» индивида на его поступки. Какие же психологические детерминанты здесь можно вычлениить в первую очередь?

Прежде всего, это очерчивание – иногда контурное, иногда жесткое того, что нельзя не сделать «На том стою, и не могу иначе!» - как воскликнул в 16-м веке Лютер. Он восклицал так, потому, что верил в Божественное значение своего дела. Точно так же, как века спустя коммунисты верили, что на их стороне законы истории. При таком миропонимании соблюдение обета, клятвы – нечто столь же обязательное для жизни, как еда, питье и само дыхание.

Второе это то, что, напротив, делать ни в коем случае нельзя, что недопустимо уже, как действие. Недопустимое в свою очередь двойится. С одной стороны, это нечто, нарушение чего может быть смертельно опасным. Как, например, утрата девственности у древних иудеев. Во Второзаконии (гл.22) четко сказано: «Если ... не найдется девства у (выданной замуж – Ю.Б.) отроковицы, то отроковицу пусть приведут к дверям дома отца ее, и жители города ее побьют ее камнями до смерти, ибо она сделала срамное дело среди Израиля, блудодействовала в доме отца своего...»

Вполне понятно, что при таких законах, утрата девственности и субъективно воспринималась, как катастрофа.

Как совершенно недопустимое могло и может восприниматься и то, что со стороны кажется условным, скажем батоки или диски в мочках ушей индейцев Аляски еще относительно недавних времен. Как пишет Ю.Е.Березкин, «юноша, прошедший соответствующие обряды... и признанный взрослым, должен быть вначале отмечен, дабы его статус полноправного члена племени ни у кого не вызывал сомнения... Это могли быть выбритые волосы на макушке, шрамы на груди или деревянные вставки в ушах и губах. Почему была выбрана имен такая форма (батоки – авт.), мы вероятно, никогда не узнаем. Но для индейцев, усвоивших этот обычай, она стала обязательной. еще в начале 1980-х годов мужчина без ботоков выглядел в глазах современников так же, как европеец, которому пришлось бы в голову выйти на городскую улицу в нижнем белье». Для него это так же невозможно, как для кого-то даже под дулом пистолета поглощать без рвоты грязные отходы.

Однако там, где отношение к недопустимому ритуализуется и, соответственно, формализуется, оказываются возможными ловкие логические ходы, направленные на успокоение совести и предотвращение убийственного для индивида внутреннего взрыва, сопровождающего человека в ситуациях, когда он спонтанно или как-то иначе преступает грань того, что и, согласно принятым в его среде правилам поведения, и согласно внутренним убеждениям, считается недозволённым. Ряд таких историй мы встречаем уже в античной литературе – в частности, рассказ о греке, которому надо было обязательно попасть на прием к персидскому царю. Согласно персидскому этикету, всякий, оказавшийся перед лицом Царя Царей, должен был отвесить земной поклон. Гордость же свободных эллинов не позволяла им делать этого. И что же? – находчивый грек, войдя в помещение, незаметно для других стянул с пальца кольцо и уронил его на ковер. Тем самым для персов он совершил поклон, а для себя самого – всего лишь поднял оброненное колечко.

В Средние же века рыцарская этика не позволяла отступать даже при виде более многочисленного и сильного противника. Однако при буквальном следовании этому требованию очень многие рыцари могли бы совершенно бесполезно гибнуть. Те же разведчики всегда могут столкнуться с куда большими силами врага. И успокоительный выход был найден: в разведку стали отправляться без оружия, так как невооруженный рыцарь уже имел моральное право на отступление.

И обязательное для свершения и строго запретное было связано множеством логических и эмоциональных «нитей» с постыдным, бесчестным и, наоборот, тем, чем надлежало гордиться. Так, и у спартанцев, и у казаков Тараса Бульбы смерть в бою на глазах товарищей считалась достойной смертью, тем, к чему должен стремиться истинный воин. Викинги же не просто считали гибель в бою достойной воина, но и верили, что погибший с мечом в руке попадет в Валгаллу – своеобразный скандинавский рай с вечно пирующими храбрецами. Естественно, что и эмоциональное отношение к риску, азарту боя и даже безнадежной схватке оказывалось соответствующим. Постыдное, да еще и осуждаемое церковью, могло выглядеть и отталкивающим, а то и прямо недопустимым. В этом отношении небезынтересно вспомнить любовные сцены из российской экранизации «Тараса Бульбы» - фильма не шаблонного и, вряд ли, допускающего однозначные оценки. Поэтому здесь мы коснемся только изображения интима, причем поданного с достаточным тактом. И, тем не менее в любовной сцене обнаженная польская красавица (заметьте, католичка), как и во многих современных эротических фильмах, демонстрируется «оседлавшей» своего «партнера». Для нас, сегодняшних, это заурядная мелочь. Но есть исследования, согласно которым, такого рода «сексуальные позы» строго осуждались христианской церковью тех времен. Так что очень и очень мало вероятно, что такого рода сцена (как бы эффектно она не смотрелась на экране) могла быть эмоционально допустимой в тех обстоятельствах. Андрий-то, поступившийся ради прелестной полячки казацким товариществом еще бы мог пойти на все. Но полячка-то, сближаясь с Андрием, отнюдь не рвала со своим окружением и, следовательно, с его мироощущением. В художественном фильме такого рода вольности, равно как и многие иные, вполне понятны. Но, размышляя об историко-культурной основе эмоций, на это нельзя не обратить внимание.

Нельзя не задуматься и над тем, как разительно способны меняться внутренний мир человека, его эмоциональные реакции в зависимости от социокультурной среды, в которой человек живет, действует, переживает. Мы, столько слышавшие о дуэлях и столько раз видевшие их на киноэкране, фактически почти не задумываемся над тем, что мир человеческих взаимоотношений в эпоху дуэлей необычайно резко отличался от советского мира, скажем, шестидесятых годов двадцатого века и даже нашего современного. В этом мире вес слова,

поступка, жеста, взгляда был совсем иным, чем в мире нашем – они могли привести к дуэли, а, значит, стоять жизни! Причем в среде элиты своего времени. Тот же Пушкин мог пострадать и не раз задолго до своей роковой дуэли с Дантесом. Ведь еще совсем юный он мог подраться на дуэли со своим лицейским товарищем Кюхельбекером и поплатиться за из-за колкие строки, посвященные одной деликатной ситуации: «За ужином объелся я, а Яков запер дверь оплошно. И было очень мне, друзья и кюхельбекерно, и тошно».

Поразительно, но во время Сталина собственное слово, опять-таки, хотя и по иному, могло оказаться опасным - даже смертельно опасным. Но теперь уже из-за витавшей в воздухе угрозы доноса. «Заспинные» сообщения и т.д., конечно же, не являются атрибутом лишь одной какой-то страны и одного конкретного правления. Но именно те условия, та атмосфера вероятного доноса, наиболее рельефно очерчивали проблему и, следовательно, (как ни кощунственно это звучит) дают богатый материал для исследования, для художественного преломления.

Закljučая этот раздел, хотелось бы заметить, что затронутая здесь тема, при всей ее, казалось бы, очевидности, и по сей день таит в себе немало проблем, еще ждущих своего скрупулезного и развернутого рассмотрения.

Литература.

1. К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения. Т.1
2. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в двух томах. Т.1, - М.: Педагогика, 1983.
3. Ум полководца. - М.: Педагогика, 1990. 206 с.
4. Дмитриев Ю. Тринадцать черных кошек. – М., 1988
5. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. Т.1. – М.: Издательство Академии наук, 1961.

Формы общественного сознания: ристалище или оркестр?

Все обозначенное неотделимо от уже упомянутых форм общественного сознания: морали, права, мифологии, религии и, конечно же, от таких феноменов, как политика, наука и

сознание художественное, напрямую связанное с искусством, но далеко не сводимое лишь к нему. Правда, само понятие «формы общественного сознания», в приложении к рассматриваемому кругу проблем, не единственное. Применяются и такие понятия, как «формы духовной культуры», «формы духовного познания» или «духовного освоения мира человеком». К последним, например, московский профессор С.А.Нижников относит философию, религию, искусство... (1, с.34). Здесь можно было бы добавить, что, в отличие от философии, религии, наука и искусство не просто формы общественного познания и формы духовной культуры», но одновременно и синтетические сферы человеческой деятельности, и взаимопроникающие составляющие социальной реальности, в которой собственно материальная сторона играет очень существенную роль. Что может ученый-экспериментатор без финансирования или архитектор, задумавший возведение прекрасного собора без рабочей силы и требуемых материалов? И вообще, что такое сама духовность и духовная культура? Как можно говорить о формах духовной культуры и о духовном, если мы даже не попытались разобраться, что это такое? –

Вопросы резонные. Однако порядок их рассмотрения может быть различным, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, потому, что для практической деятельности и для общения, коммуникации бывает достаточно использования концептов (или смысло-образов), которые определяются не словами, а воспринимаются интуитивно либо разъясняются посредством демонстрации примеров. Как в стихотворении В.Маяковского о Нетте, человеке и пароходе – советском дипкурьере, погибшем в схватке с врагами. Что пишет Маяковский? – «В коммунизм из книжки верят средне. Мало ли что в книжке можно намолоть. А такое оживит внезапно бредни и покажет коммунизма естество и плоть». С тем же самым мы сталкиваемся и при попытках определить мужество или святость. И в первом, и во втором случаях можно пытаться четко определить их словами. И это тоже необходимо, но не всегда уместно. А можно вспомнить эпизод с римлянином Муцием Сцеволой, который, попав в плен, сжег на костре собственную руку, чтобы показать, что никакая боль, никакие муки ему не страшны. Или, говоря о святости и благотворительности в самом высоком смысле этого слова, можно вспомнить мать Терезу. Во-вторых же, совсем не обязательно идти от определения общего. Антропологи полагают, что такие слова, как лес, трава, животное, появлялись уже после слов,

которыми обозначали, конкретные травы, деревья или живых существ. И это не отменяло движения по пути познания мира. Пойдем и мы путем, отмеченным антропологами – от частного к общему, чтобы со временем поразмышлять и о духовности, как таковой. А значит, пока будем отталкиваться от размышлений о том, что называется формами общественного сознания или, несколько иначе и с несколько иными акцентами, формами духовной деятельности.

Каково же их соотношение в реальной жизни человечества? – Вопрос этот, наверно, будет волновать умы до тех пор, пока будет существовать человечество.

Что ж, попробуем и мы прикоснуться к нему вместе с читателем. Начнем со сплава морали и права, к которому так часто добавляется и политика. Специалисты обращают внимание на то, что сфера действия морали шире, нежели сфера действия права. Есть немало таких действий, форм поведения и демонстрации своего облика, которые могут быть осуждены с позиций, основанных на той или иной нравственной и даже нравственно эстетической системе вкусов, взглядов и суждений, хотя в нашем современном обществе множество такого рода оценок напрямую никак не связано с законом. Для иллюстрации этого известного положения вспомним «Крокодила» Корнея Ивановича Чуковского. Того самого, который ходил по городу, говорил по турецки и курил папирсы. Вдруг «какой-то малыш показал ему шиш». Плохо поступил он, очень плохо – «нехороший малыш, невоспитанный».

И сегодня демонстрация комбинации из трех пальцев точно так же, как и в начале двадцатого века, могла бы быть воспринята, как вульгарная. Но за это ни к административной, ни к уголовной ответственности не привлекут. Просто могут сказать: «Ай-я-яй! Как нехорошо!» Та же картина с прическами и одеждой. Если только она, или точнее ее отсутствие не слишком вызывающи. Как, например, у двух студенток одного Костанайского колледжа, которые в одних лишь стрингах прошли по городу. Полиция их мягко придержала, но зато снимки в Интернете вызвали «живую реакцию». Но в наше время такие случаи, скорее, исключение, хотя кто-то и может негодовать и апеллировать к стражам порядка, что было вполне возможно еще несколько десятилетий назад. Курьезный, но показательный пример такого рода дан в книге М.Ходакова, вышедшей в СССР в самом начале семидесятых. В электричку вошла необычно одетая девушка. На ее вельветовых брюках красовался череп со

скрещенными костями, а над ним – от щиколотки и до колена вздымался восклицательный знак. Знак вызова. Вызов был принят. Последовали реплики: «Бессовестная, о девичьей чести не думаешь!» «Парням на шею вешаешься!» «Куда комсомол смотрит!» «В милицию тебя сдать!» (2, с90) Что ж, «по одежке встречают». К тому же это было время, когда облик человека, его одежды связывали с «нравственностью» куда более тесно, чем сейчас. И, тем не менее, до милиции дело не дошло, и все ограничилось сугубо нравственным осуждением, которое в большом городе, далеко не так действенно, как в сельской местности. Более того, мы хорошо знаем, что и внешность бывает обманчива. К примеру, отнюдь не всякая ярко покрашенная молодая женщина в короткой юбке оказывается жрицей любви, как это поначалу казалось иным иностранцам, приехавшим в Питер. Просто и в России, и в Казахстане женщина на улице старается выглядеть привлекательно.

Однако на протяжении долгой истории человечества внешнее очень тесно связывалось с внутренним, эстетическое с нравственно-этическим, а нравственное подкреплялось законом, который увязывался с религиозными требованиями и мог опираться на них. Иными словами, укоренившиеся в обществе запреты-табу иррациональными страхами и нравственными запретами входили в индивида, а само их нарушение, пусть даже невольное или совершенное по неведению могло породить бурю самоубийственных эмоций. Поразительные примеры этого дает антропологическая и психологическая литература. Так, на острове Тонго верили, что, лишенное ритуальной защиты, прикосновение к пище вождя, является таким нарушением табу, которое влечет за собой смерть того, кто это табу нарушил. Рассказывая об этом табу один европеец-путешественник упоминает туземца, который, сам не зная того, доел остатки пищи вождя, после чего узнал о своем чудовищном (для него самого) проступке. «Я хорошо знал этого несчастного... рассказывал европеец, - Это был человек замечательного мужества, покрывший себя славой в межплеменных войнах. Но как только роковая весть дошла до его ушей, у него начались исключительной силы судороги и спазмы в животе, которые не прекращались до самой смерти, последовавшей на закате того же дня». «Однажды, - пишет Фрезер, причиной смерти нескольких людей явилось огниво вождя, которое тот потерял, найдя его, несколько мужчин зажгли с его помощью свои трубки, а, узнав, кому оно принадлежит, умерли от ужаса». (3, с.281)

Что кроется за этими дикими для нас поверьями и убийственными для отдельных индивидов реакциями? – Табуирование личности вождя и всего, что с ней связанное. Чрезмерное и странное для нас, но, вероятно, значимое для определенного порядка в конкретном социуме – племени. Вполне возможно, что и в сугубо психологическом плане мужество воина было обратной стороной той картины мира, которая, оказала жизнеопределяющее влияние и на поведение, и на внутренне состояние погибшего. К тому же, у ряда народов мистический страх был неотделим от страха перед наказаниями, которые станут вершить вполне зримые силы. Известны случаи, когда казни, причем совершенной уже сугубо человеческими руками, подвергались те, кто, нарушая табу, мог ненароком увидеть, как царь принимает пищу. А у Ю.Г.Бромлея и Р.Г.Подольного мы встречаем упоминание трагического случая, происшедшего в девятнадцатом веке на острове Фиджи, где съели миссионера. Причем те, кто уже почти отошел от людоедства. И относились-то к этому миссионеру неплохо. «Но незадачливый англичанин вздумал из чистой любезности причесать своей прической местного вождя. Между тем прикосновение к волосам вождя было табу. Нарушитель табу подлежал смерти и съедению». (4, с.178)

Таким образом, легко почувствовать, как, укоренявшиеся в социуме, те или иные запреты (не будем сейчас касаться их «рациональности» и социальной значимости), могли перерастать в запреты внутренние, в ту черту, очерченную ли, как верили, духами предков, богами ли или иными высшими по человеку существами, и которую не следовало преступать ни при каких обстоятельствах. Здесь магиико-мифологическое могло и сплетаться с нравственным и нравственно-юридическим, то есть тем, что в качестве ответной реакции могло бы породить не просто общественное порицание, а и, сопровождающие его, четко определенные, вполне конкретные санкции, и не совпадать с нравственностью в ее современном понимании.

Возьмем конкретный пример, связанный с отношением к воровству. Это то, что существует и поныне, причем и осуждается (хотя не везде и не всегда), и в принципе должно караться по закону. Казалось бы, табу, как предтечи более осмысливаемых нравственных запретов, должны быть более всего направлены на то, чтобы не могла появиться и сама мысль о прикосновении к чужому, особенно, если это чужое, скажем вещь или пища главы племени – вождя. Но ... вспомним некоторые из волшебных

сказок – своеобразных осколков зеркала магико-мифологического мышления. Что мы встречаем в известной русской сказке «Иван-царевич и серый волк»? Царевичу приходится ехать за добычей, которую он вынужден воровать, и раз за разом умудренный жизнью Серый Волк наставляет его: «Птицу бери, а клетку не тронь», «Коня бери, а уздечки не касайся». То есть, опасным и, соответственно, безнравственным, представлено не воровство, а то, что может оказаться нарушением неких табу, нарушением, которое, подобно неумелому столкновению воришки с современной сигнализацией, способно помешать достижению цели. Однако со временем именно в целых потоках эмоционально-образного и вербально логического преломления внешней реальности в сознании и подсознании людей, потоках, периодически обрамляющихся берегами философских и религиозно-философских учений и. в свою очередь, рождающих определенные эмоции и цепочки логических рассуждений, внимание начинает акцентироваться на том, что мы называем собственно нравственным.

Логику такого перехода очень выпукло и наглядно нам демонстрирует сопоставление Ветхого и Нового Завета и, прежде, всего в тех частях Библии, где речь идет об уже упоминавшемся воздаянии. Воздаяние, как форма платы за конкретные поступки и линию поведения в целом присутствует и тут, и там.

Бог воздает по делам человеческим и в Ветхом Завете, и в Новом Завете. Однако есть и существенное различие. В Ветхом Завете господствуют внешние социальные регуляторы человеческого поведения. Бог здесь, конечно, может карать и отдельные города, вроде Содома и Гоморры, и все человечество, как в истории с Всемирным потопом, но в обиходе именов Божьим карают, прежде всего, люди. Подобные мотивы четко прослеживаются в знаменитых десяти заповедях и дополняющих их этико-правовых нормах поведения Ветхого Завета.

А вот в Новом Завете акценты делаются уже на собственно Божественном воздаянии: «Мне воздаяние, и Я воздам». Поэтому важным регулятором поведения провозглашается уже не страх перед общиной и ее представителями, кои будут карать от имени Господа, а непосредственно страх Божий.

В первом случае, как и повсюду в древних сообществах, допускалась игра формулами слов и формулами поступков, которая при известной находчивости позволила бы обойти обеты и посулы. Как, например, в истории о торговце, который

в момент страшной бури обещал божеству в случае спасения «статую золотую, чашу держащую». Миг спасения настал, и цена показалась великоватой. Поэтому акценты сменились: «Статую, золотую чашу держащую», преподнес безо всякого смущения богу – избавителю находчивый купец. (Аналогичны истории о философе Ксанфе, обещавшем выпить море и герое одной афганской сказки, заявившем жителям одной деревни, что, если его будут хорошо кормить несколько месяцев, то он перенесет гору).

Более того, в первом случае всегда остается шанс на то, что люди, будь то и самые искусные шпионы и прочие, не доглядят.

Новый же Завет при всей своей внешней мягкости такого шанса не оставляет. Божье Око всевидяще. Для Бога нет ничего тайного, что не стало бы явным. Те же настроения звучат и в «Коране», где сказано, что не бывает тайной беседы трех, при которой Аллах не присутствовал бы четвертым.

Таким образом, регулировка поведения из внешней все более превращается во внутреннюю. Не община, тиран и т.д., а сам индивид, руководствуясь своим пониманием Божественной Воли и страхом Божиим, регулирует своей поведение. Так, видимо (но не только поэтому), начинает зарождаться то, что было названо совестью, ибо совесть, муки совести – это уже соизмерение собственных поступков с тем, что может остаться вне поля зрения собственно человеческого суда.

Поэтому в принципе всякие ухищрения, подмены и т.д. здесь оказываются неуместными. Правда, лишь в принципе, а не в жизни, которая, хорошо это или плохо, никогда не умещалась в гранитных берегах принципов.

Надо заметить и то, что было бы упрощением соотносить зарождение самоанализа лишь с Новым Заветом. Проблески такого мы наблюдаем уже в зороастризме и в древнеегипетских картинах суда Осириса...

Но в данном случае это – тема особого исследования Мы же хотели бы здесь обратить внимание на иное – на то, что перенос внимания на внутреннюю регулировку человеческого поведения, видимо, тесно связан с эволюцией религии и потому вне этой эволюции просто не может быть понят.

Со временем этот перенос акцентов привел к появлению колоссального пласта мировой литературы – от сугубо христианской и др., например, «Исповеди» Августина, - до разнообразнейшей светской, включая, возможно, советскую «исповедальную» литературу.

Возьмите хотя бы героев Л.Толстого, Достоевского, Чехова, Куприна и многих иных российских писателей девятнадцатого – начала двадцатого века. Сплошь и рядом – самоанализ, самокопание и муки совести...

Более того, жизнеопределяющей может быть и, казалось бы, совершенно иррациональная неспособность переступить внутреннюю черту даже ради сохранения собственной жизни. Замечательный пример такой невозможности, такой неспособности переступить укорененное в человеке табу являют нам фильм венгерского режиссера Золтана Фабри «Пятая печать», где перед зрителем, словно в капле воды, дается Венгрия времен господства фашизма. Мы видим, как за не должные высказывания группу завсегдаев пивной швыряют в застенки. Их можно было бы « без заморочек» расстрелять. Это и предлагал молодой сторонник режима. Но тот, кто постарше, предложил куда более изощренное действо. Схваченным предоставили выбор: либо расстрел, либо вы демонстрируете солидарность с режимом и отвешиваете пару пощечин привязанному к кресту коммунисту (фильм времен социализма). Тот настолько замучен, что все равно уже ничего не чувствует. Так, что удары становятся лишь чисто символическим действием – актом проявления лояльности. Кто покрепче, яростно сопротивляется такому предложению. А маленький и далеко не идеальный человек, робкий человек боится боли и очень хочет жить. Он подходит к кресту. Поднимает руку... И опускает ее... Даже ценой собственной жизни этот вроде бы совершенно заурядный человек не способен переступить незримую, но при этом неодолимую для него грань между внутренне возможным и невозможным. Возможно, ту грань, которая и делает цивилизацию цивилизацией, а культуру – культурой.

Но, увы, создается впечатление, что и эта величайшая литература, и упомянутые образцы киноискусства (а в чем-то и мы сами???), все более становятся лишь тенью великого прошлого. Человек, анализирующий и рефлексирующий или просто неспособный на Нечто, сегодня все более превращается в человека манипулируемого и манипулирующего. Иными словами происходит своеобразный возврат к первобытности, которая по большому счету никогда и не была преодолена, однако оттеснялась за пределы системы «высших ценностей» ведущих, наиболее активных социумов.

Как это понять? – Все, к сожалению, достаточно просто и даже банально.

Во-первых, уже в массовой культуре тема мести, как переноса акцентов, на внешние по отношению к индивиду источники его проблем, затмевает тему самоанализа и совести.

Во-вторых, при видимом подъеме религий, особенно в странах СНГ (но не Европе), мы наблюдаем скорее подъем ритуальной, а не духовной их грани. В мире же в целом игра с понятием греха и очищением от него столь же распространена, как в Средневековье, унаследовавшем ее от первобытности. Напомним только один забавный, но показательный штришок. Сравнительно недавно грабители одной из латиноамериканских стран оказались в мужском монастыре. Сочтя выручку маловатой, они заставили священника поклясться на Библии, что найденное – это все, чем святые отцы располагают, затем же потребовали отпущения грехов за содеянное и со спокойной совестью удалились вместе с добычей.

Увы, в массовом сознании, в кое входит и сознание многих представителей мафиозных структур самых разных стран, так называемая набожность легко уживается с «преступным бизнесом». Думается, что здесь перед современным исследователем обширное поле для изучения.

В-третьих, наше время – эпоха, которую можно было бы назвать эпохой «смены рас и культур». Белая раса, которая пять столетий назад начала свое триумфальное и зачастую кровавейшее шествие по поверхности земного шара, сегодня в силу чисто демографических причин начинает съеживаться, как бальзаковская шагреньевая кожа. В Европе и той грядут (и уже происходят) колоссальные демографические и, следовательно, социо-культурные перемены.

К сожалению, с другой стороны эти проблемы сопровождаются «глобализацией» в самых уродливых ее формах вроде «чеченской» и иракской войн. В этих условиях рождаются и вырастают миллиарды людей, для которых все более естественным становится перенос внимания на «внешнего» врага. Проблемы, сопряженные с муками совести, с тонкими переживаниями и нюансами психологии затмеваются дымом пожарищ и бесконечных взрывов, все чаще включающих террористов-камикадзе. И, думается, без совершенно новых подходов к комплексным проблемам культуры и социальной психологии мы здесь немногого добьемся. Ибо невозможно постичь проблемы социальных конфликтов современности, включая и современного терроризма, не учитывая возможного соотношения базовых

потребностей личности, выросшей в той или иной социокультурной среде.

Литература.

1. Нижников С.А. Духовное познание в философии Востока и Запада. – М.: Российский университет дружбы народов, 2009.
2. Ходаков М. Как не надо себя вести. – М., 1971.
3. Цит.по: Лебедев В. В чем кроется чародейская сила? – Атеистические чтения. Сборник. – М.: Политиздат, 1988.
4. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Создано человечеством. – М., 1984.

Закон, власть и... нравы.

Итак, мы видим, что и тончайшие движения души связаны, с одной стороны, с магико-мифологическим, а с другой – с религиозно-нравственным восприятием мира и самих себя. Видим и то, что и в истории, и в наше время и то и другое многократно сплетается и сплавляется, собственно разделение носит скорее теоретический характер, как, например, упоминание аш два о, когда говорим о воде, которая потому-то и является водой, что данные в определенных пропорциях кислород и водород представляют нечто единое.

Связаны они, как и сугубо практическая сторона жизни, с тем, что закрепляется в законах. Законы же, в свою очередь, при становлении человеческой цивилизации, насколько нам известно (для того, чтобы утверждать это безусловно, у нас просто недостаточно данных), представлялись, как данные свыше. Добавим: видимо, в самых древнейших цивилизациях, но вот всегда ли? – Об этом еще стоит поразмышлять.

Древнейший из дошедших до наших дней в достаточно полном виде кодекс или «Законы Хаммурапи». Более ранние – шумерский и аккадский были гораздо более фрагментарны. Первый - 38 статей. Второй – 60. Законы Хаммурапи тоже дошли не целиком. Выбитые на базальтовом столбе, они были вместе с этим столбом в качестве трофея увезены эламитами, которые стерли 35 статей. Но 282 раздела законов сохранились. Хаммурапи, как и в куда более поздние времена, подданные летописцы старательно овеивали сверхчеловеческой славой. Как только не именовали его! И «всемиловивейший владыка»,

и «вечный царский плод», и «приносящий благо пастырь», и «накопитель изобилия и богатства», и «гроза четырех сторон света, упрочитель славы Вавилона», и, конечно же, «муж среди царей, воин, перед которым нельзя устоять», «могучий буйвол, поднимающий на рога своих врагов». Из его же собственных уст, согласно сохранившимся текстам, звучали фразы: «Я, Хаммурапи, совершеннейший среди царей», «Слова мои изысканны, нет ничего равного моей мудрости». (1, сс39 -40)

Как видим, скромность и чувство меры, в мире земных владык издревле были не в особой чести. И, тем не менее, судя по старинного изображению, законы, называемые законами Хаммурапи, придумывал не сам величайший из царей. Их передал ему благосклонно бог солнца Шамшун. Так земная власть освящалась силою власти небесной.

Нечто подобное мы видим и в древнеиндийских законах Ману, названный в честь мифического первочеловека, чьим отцом считалось божество небесного света Вивасват, то есть сияющий, чье имя позже стало одним из эпитетов бога солнца Сурьи.

Имя Ману означает «Человек» и образовано от корня «Ман», что значит «мыслить». Лингвисты сравнивают с ним готское «манна», английское «мэн», немецкое «манн»...

Согласно же древнеиндийской мифологии, Ману и прародитель рода человеческого, и одновременно Царь людей. Со временем появились представления о четырнадцати Ману, каждый из которых, порождает и соответствующую эпоху – Манвантару или период Ману, длящийся 30672000 лет.

По мифам, именно первый Ману (своего рода «культурный герой») даровал людям «Манава дхарма шастру», свод, известный во всем мире, как «Законы Ману». В буквальном же переводе его название звучит, как «Наставления Ману в дхарме, то есть Законе». (2, т.1, с.235, т.2, сс.106 – 107)

Законы эти основаны на очень древних нормах, но соединены в единый, четко оформленный кодекс учеными брахманами во втором веке до н.э. – первом веке н.э. Наряду с другими хорошо известными древнеиндийскими источниками в законах дается мифологическая история происхождения варн, а также четко определены права и обязанности, и наказания за проступки представителей разных варн. Есть и требования, общие для тех, кто принадлежит к различным Варнам. Это «ненанесение вреда, правдивость, неприсвоение чужого, чистота и обуздание органов».

Ману, в свой очередь ссылается на указания первотворца – Брахмана. Этой ссылкой Ману подчеркивает, что он (сравните с

ветхозаветным Моисеем) лишь передает людям Божественный Завет Отца. Завет этот – выражение миропорядка, в котором мир людей, неотъемлемая составляющая мира, как такового, и законы человеческие едины с законами мироздания. Потому-то и следует их свято выполнять, учитывая и долг, соотносящийся с долгом представителя конкретной касты и Варны: «касты сместятся – умрет все живое». И чем выше по своему социальному положению человек, тем тяжелее ноша долга-дхармы на его плечах и тем ответственной он за выполнение этого долга. В одной из тамильских (южноиндийских) легенд богиня так наставляет царского сына:

Если сбился с пути человек,
Он жизнь теряет, но только свою.
А если царь или сын царя
С пути справедливого сбился,
Планеты сходят со своих орбит.
Планеты сходят с орбит, и в стране
Начинаются засуха, голод
- и много людей
Теряет жизнь. Тогда сам царь
Теряет жизнь и достоинство все.
Ибо сказано: «Жизнь царя –
Это жизнь его подданных, жизнь людей». (3, с.106).

Заметьте: в мистическом облачении, здесь высказываются мысли, явившиеся следствием многовековых наблюдений за ходом человеческой истории. Возвращаясь же к центральной идее единства земного и надземного миров – законов Мироздания, Бога и устройства собственно человеческой жизни, мы можем вспомнить и европейское средневековье, и слова Данте о том, что «все в мире неизменный образует строй».

Упомянутое и многое из того, что еще можно было бы упомянуть, свидетельствует о том, что законы человеческие и законы Вселенские на протяжении столетий понимались, как такое единство, нарушение которого чревато для людей самыми тяжкими последствиями.

Итак, мы видим, что издревле власть и юрисдикцию стремились освятить авторитетом высших по отношению к человеку сил: «Так надо, потому что так повелевает Бог, его Посланник» и т.п. Надо даже в том случае, если законы и проповедуемые нравственные нормы далеко не во всем соответствуют традиции и сложившемуся укладу жизни. Тем любопытнее взглянуть на то, как еще в Древнем Китае

попытались обосновать введение новых законов не собственно авторитетом, а прецедентом, непосредственными практическими действиями. Знаменитый китайский реформатор Шан Ян, который стал Главным советником в царстве Цинь накануне превращения того, пусть в недолговечную, но империю, настоял на введении таких законов, которые бы нанесли мощнейший удар по старым родовым порядкам. Ведь прежде, чем засеять поле, надо расчистить его от сорняков и заскорузлых пней. Поэтому все границы между родами уничтожались. Взрослые сыновья не должны были жить вместе со своими отцами, если же такое, все-таки, случилось, то приходилось платить подать вдвое большую, чем обычно.

А что же взамен? – Прежние родовые связи должны были уступить рангам – ступеням на служебной лестнице. Ранги, и ничто более, были призваны определять и фасоны одежд, и размеры жилья, и земельных участков, и количество рабов и рабынь, которые могли бы оказаться в распоряжении того или иного чиновника. «Имеющим заслуги оказывать почести, не имеющим заслуг, даже при богатстве, нельзя разрешать роскоши».

Порядок должен был поддерживаться самыми жестокими карами, которых, по замыслу, не мог избежать никто: «Наказание не знает рангов знатности», - утверждал Шан Ян.

Помимо этого, законы Шан Яна вводили круговую поруку. Подданные объединялись по пять и по десять дворов. За преступления одного (Сравните с «Яссой» Чингиз-хана) отвечали все. Возглашалось: «Того, кто не донесет о нарушении закона, рубить пополам». «Скрывающего преступника казнить наравне с перебежчиками к врагу».

Не были забыты и поощрения. Причем особое внимание уделялось военным доблестям и заслугам. Но не только. «Того, кто донесет о преступлении, - гласили законы, - наградить наравне с воином, принесшим голову врага».

Требования указа с новыми законами были столь непривычными, что, после подготовки указа, появились опасения того, что народ не примет его всерьез. И придумали вот что. У южных ворот столицы поставили бревно в три сажени. Это примерно метра четыре с половиной. И объявили. народу же возвестили: «Кто перенесет его через весь город к другим воротам, получит десять золотых». Нашелся такой, кто перенес и на глазах у народа получил обещанную плату, «чтобы было ясно, что его не обманывают. Тогда объявили указ, и он был проведен

в народе». Как видим, здесь никаких ссылок на Высшие силы. Только пример и ... угроза жесточайших и, что очень важно, неотвратимых наказаний.

Однако, как бы ни был красочен приведенный здесь пример, если посмотреть шире, то и в Китае следование Дао – Пути мира, Поднебесной и человека, - это следование Высшему, надындивидуальному. По сути дела о подобном же следовании, но уже иным языком, языком православия, говорит и через тысячи лет патриарх Русской православной церкви Кирилл, размышляя о болях уже нашего нынешнего общества: «Мы живем, - говорит он, - когда впервые за всю историю человечества, включая языческие времена, грех получает законодательное оправдание, когда грех насаждается силой государства или, если не насаждается, то пропагандируется силой государства со ссылками на человеческую свободу. Когда грех становится нормой поведения, общество перестает быть жизнеспособным. Нужно быть очень ограниченным человеком, чтобы поддерживать разрушительные для общества тенденции. Грех разрушает личность человека. Потому, что там где грех, там и смерть, это и в Слове Божьем сказано. А что такое смерть? – Смерть – это распад человеческого бытия, распад жизни.

Меня часто спрашивают, что такое конец света. Конец света – это такое состояние общества, когда зла больше, чем добра. В апостольском послании сказано, что есть нечто, что удерживает от конца света. на самом деле удерживающий – это добро, а, значит, и все институты. которые служат утверждению добра, в том числе и государство, если оно выполняет эту миссию, и Церковь. Потому что, пока добра больше, чем зла, у человека есть жизненный потенциал, у общества, у цивилизации есть жизненный потенциал». (4, с.5)

Здесь кому-то можно с чем-то соглашаться, с чем-то – нет. Можно спорить о том, что понимать под добром. Но для нас в данном случае важно то, что очень четко обрисовываются представления о неразрывности связи жизни человеческой, нравственности и закона. Именно у нас, стремящихся сохранить цивилизацию и созидать новое (ибо только созидание – жизнь) на руинах былой империи, именно у нас, действующих в мире, где концепты «по закону», «по понятиям» и «по совести» столь часто в сознании людей не совпадают друг с другом, крайне важны размышления над единением того, без чего само человеческое существование становится очень хрупким: красоты, совести,

добра и закона. Вполне понятно, что размышления эти могут звучать не только на религиозном, но и на светском языке. Важно то, чтобы они вели к действию, направленному на укрепление жизнеспособности нашего социума.

Литература.

1. Варга Домокош. Древний восток. – Будапешт: Корвина, 1979.
2. Мифы народов мира. – М.: Советская энциклопедия. Т.1, 1980, т.2, 1982.
3. Повесть о заколдованных шакалах. – М.: 1963.
4. Патриарх Кирилл: «Грех разрушает человека». – Костанайские новости, 5 февраля, 2014 г.

Нравы и экономика.

Мы знаем, что общество – сложнейшее подобие организма. Неслучайно человеческое общество называют социальным организмом. В организме же все взаимосвязано, причем иногда самым причудливым и неожиданным образом, озадачивающим не только дилетантов, но, подчас, и опытных специалистов. Вспоминается забавная история с одним из наших коллег. У его маленькой дочки возникла угроза заболевания горла и девочке решили пропарить ножки. Она же вполне резонно спросила: «А почему надо парить ноги? Болят-то не ноги, а горло». Подобного рода детские вопросы встают не раз, когда мы задумываемся над таким переплетением причин и следствий, и целой группы социальных факторов, которое оказывается напрямую связанным с экономикой.

Какие же факторы, хотя бы абрисно, мы можем здесь очертить?

Первая группа факторов – это степень и характер милитаризации общества. Чем больше межплеменная, межэтническая, межконфессиональная и межгосударственная напряженность, тем больше требуется материально-финансовых затрат на поддержание и развитие вооруженных сил. Но это – лишь одна сторона медали. Вторая сторона была особо подчеркнута еще уже упомянутым и широко известным Г.Спенсером. Это влияние милитаризации на все сферы жизни общества, вплоть до воспитания детей и положения обществ.

В современных обществах, как, впрочем, и в тех, что им предшествовали, милитаризация взрослой жизни отражается на

детских играх – «в войнушку» и, соответственно на производстве не только настоящего оружия, но и игрушек. А это уже – бизнес. При этом игрушки становятся все более разнообразными и нередко все более походящими на оружие настоящее. Не случайно в Америке совсем недавно случилась трагедия, когда полицейский застрелил подростка, наставившего на него «не всамделишный» автомат. Настолько этот автомат был внешне похож на настоящий.

Еще сложнее обстоит дело с компьютерными играми. Сегодня они превратились в джинна, выпущенного из бутылки. Психологи многих стран отмечают их влияние на психику детей и подростков и возрастание детско-юношеской агрессивности. Вопрос этот нуждается в дальнейших скрупулезных исследованиях, но то, что он не надуман, на сегодняшний день представляется достаточно очевидным.

Особого рассмотрения требует и вопрос о влиянии большого (кино) и маленького (телеэкрана) на поведение и даже подспудные, неуправляемые эмоциональные реакции. Военные действия, сражения, групповые и одиночные схватки привлекали людей всегда. Знаменитые «суды Божьи» или «суды полем» очень часто были не просто попытками установить правоту одной из состязающихся сторон, но и зрелищем для посторонних. Зрелищем, в определенной мере подобным, рыцарским турнирам.

В Древнем же Риме кровавые зрелища, включавшие, как схватки зверей, публичное растерзание людей животными, так и бои гладиаторов, стало неотъемлемой частью жизни Вечного города, чернь которого требовала, прежде всего, «Хлеба и зрелищ». Само слово «**гладиатор**» производно от другого латинского слова «*гладиус*» меч, хотя, как хорошо известно, вооружены гладиаторы были не только мечами. Когда-то гладиаторские бои, как это показано в фильме С.Кубрика «Спартак», были связаны с существовавшим еще у этрусков культом мертвых. По обычаю, пленные на смерть бились на могилах знати. Затем этот обычай превратился в зрелище и место действия было перенесено на арены цирков, где сражения людей дополнялись истреблением зверей. Только при Помпее на кровавых зрелищах была перебита почти тысяча львов, леопардов и пантер, а при Августе на арене цирка в 26 играх пало 3500 тысячи диких зверей – примерно 150 за один жестокий спектакль. Но и это не предел. При торжествах, устроенных Титом по случаю открытия Флавиева амфитеатра, убили 9 тысяч зверей.

А в дни четырехмесячных празднеств 107 года в честь дакских побед императора Траяна убили 11 тысяч зверей.

Столь же широким потоком лилась и человеческая кровь. Уже Цезарь в 65 г. до н.э. устроил игры, на которых дралась 320 пар гладиаторов. 19 тысяч гладиаторов дралось на восьми зрелищах, устроенных Августом. А при Траяне, получившем звание Оптимус Принцепс то есть Наилучший Император (обратите внимание и на этот перевод слова «*принцепс*») со 106 по 114 на играх бились 23 тысячи гладиаторов.

Для подготовки этих бойцов существовали специальные гладиаторские школы. Появилась и особая профессия – тех, кто занимался приобретением, перепродажей и тренировкой гладиаторов, то есть в первую очередь учителей и начальников. Называли их ланисты.

Схватки были кровавыми и поэтому, выходявшие на арену гладиаторы, поворачивались к ложе императора, восклицая: «Аве, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!»

Однако не все схватки заканчивались обязательным смертоубийством. Гладиаторы, особенно хорошие, стоили слишком дорого для того, чтобы публика могла всякий раз требовать смерти побежденного. Как видим, нравы нравами, а и финансовая сторона тоже имела значение. Но двинемся дальше – к тем временам. которые ближе к нашим дням.

Описаниями жестких битв и поединков заполнены эпос, народные сказки и самые разнообразные произведения уже авторской составляющей художественной литературы. Но кино со своими принципиально новыми возможностями эмоционального воздействия на человека оказалось подлинно революционным и, как стали отмечать специалисты, породило волны подражаний. Множество людей стало не только слушать и напевать песенки из кинофильмов, повторять, становившиеся крылатыми фразы. киногероев, но и следовать тому, что становилось модным и, соответственно. давало толчок производству тех или иных товаров массового потребления. Были и отмечены подражания конкретным действиям и попытки воспроизвести в реальной жизни ситуации, которые первоначально появились на экране. Так, известно упоминание о том, что в популярном в свое время советском фильме «Мы из Кронштадта» красноармеец, пользуясь медлительностью чудовищно огромного танка, заскочил на его броню и выстрелами в бойницы перестрелял экипаж. Позже, уже в годы Гражданской

войны в Испании, этот прием пытались использовать некоторые республиканцы. Были подмечены и курьезы. Так, в одном из очень известных фильмов герой ненароком наезжал на девушку велосипедом. Потом помогал ей встать, так что все, в конце концов, завершалось не просто знакомством, а и заключением семейного союза. Через год после выхода фильма на экраны была зафиксирована примерно тысяча попыток такого рода знакомства, сто из которых закончились тем, что потребовалась медицинская помощь – то есть явно тем, что совсем не планировали имитаторы действий актеров.

Но еще большие дискуссии вызывает не столько сам экран, сколько рост технических возможностей, как художественного кино, так и документальных съемок. Схватки, моменты убийства сегодня могут демонстрироваться с максимальной подробностью и точностью, что способно оказывать такое воздействие на психику, которого не испытывали даже очень многие зрители и особенно зрительницы в Колизее. Ведь они в массе своей видели схватки и кровь с того расстояния, которое стирают объектив и экран.

Однако упомянутое – лишь грань проблемы. Хотя грань очень значимая. Ведь насилие, демонстрируемое определенным образом на экране, становится неотъемлемой частью не просто современной культуры, а и бизнеса. Когда же говорят деньги, то, здравомыслие молчит. То есть здесь налицо экономические интересы, интересы частные, групповые, которые начинают доминировать над многими другими интересами и насущными потребностями, как социума, так и множества отдельных его индивидов.

Каковы же другие грани проблемы? Не претендуя и здесь на всеохватность, отметим лишь некоторые.

Вторая – это традиции и мода. Как полусерьезно подметили в одной популярной казахстанской газете, ухудшение экономической ситуации ведет к укорачиванию юбок и, наоборот, росту привлекательности официанток. Почему? – Не просто оттого, что материя стоит дороже. Более короткие юбки – одна из дополнительных попыток привлечь посетителя с отощавшим кошельком, вынужденного в силу этого быть более привередливым. Мода же, вообще, как было в свое время остроумно подмечено, - это «налог бедняков на роскошь богачей».

Статусно знаковая природа предметов быта, включая украшения, головные уборы, одежду и обувь. Так, еще считанные десятилетия назад притчей стали малиново-красные пиджаки

новых русских, для которых предметом престижа становилось не столько более добротное и уместное, сколько более дорогое. Появился даже анекдот, в котором один новый русский говорит, что купил галстук за двести баксов. А другой ему отвечает: «Ну и лопухнулся же ты! Я за углом купил такой же за 500!» (Приводится в свободном пересказе).

Третий фактор – это переплетение нравов и так называемой «теневой экономики» (1, с.9). Один из многочисленных примеров, но любопытнейший пример такого рода, в частности, прозвучал 13 февраля в утренней передаче на российском канале «Россия.24». Как подсчитали, в 2013 году в России выпили на 10 миллионов литров виски больше, чем было завезено в страну. И явно не из-за дешевизны. Из-за статуса. Хотя, как можно легко понять, многое из купленного никакого отношения к подлинному виски не имело. В две тысячи же девятом году в каждом российском магазине рядом с дорогими крепкими напитками можно было спокойно увидеть водку за 54 р. Хотя хорошо известно, что уже при тех ценах водка за 50- 60 р. не могла быть качественной.

Четвертый фактор, напрямую связанный с третьим – это коррупция. От поборов на дорогах до многого и много иного, включая «откаты», «взятки» и т.д., и т.п. Но проблемы коррупции столь сложны и многолики, столь многогранны, что они требуют особого скрупулезного исследования, основанного на сопоставительных данных самых разных стран мира и умозаключениях экспертов. Поэтому здесь мы только упоминаем эти проблемы, в которых слиты воедино болевые зоны нравственности и экономики.

Пятый фактор – степень распространения воровства. Звучит как-то не солидно и не очень научно. Однако в определенные, особенно кризисные периоды существования социумов этот фактор начинает играть немаловажную роль. Так, в годы Гражданской войны крупный русский писатель и гуманист В.Г.Короленко с болью писал наркому просвещения А.В.Луначарскому о том, что падение нравов оказывает непосредственное влияние на ведение хозяйства. Люди, сажавшие картофель подле своих домов из-за угрозы воровства вынуждены были преждевременно выкапывать клубни-маломерки. В результате в один из страшнейших периодов своей истории страна теряла существенную часть урожая. Нечто подобное и уже безо всякой Гражданской войны стало происходить в девяностые годы в ряде мест Казахстана в местах расположения дачных участков. Случаи воровства бывали и прежде, в этот период

они стали приобретать массовый характер. Шланги, садовые инструменты, урожай – все оказывалось под угрозой. Например, на одном из дачных участков были выкрадены алюминиевые детали холодильника, после чего тот, естественно, пришел в негодность. С другого - вывезли целый домик. В этих условиях даже при постоянно растущей дороговизне продуктов многие дачи оказывались заброшенными. Опять перед нами наглядная иллюстрация того, как социально-экономический кризис влечет за собой кризис нравственный, а тот, в свою очередь, усугубляет ситуацию в экономике.

Еще более пагубным оказался эффект беспрепятственного приема металлолома от частных лиц. Стали воровать и сдавать крышки от люков, электропровода. Налицо и экономический ущерб, и угроза здоровью и жизни людей. Причем были известны случаи, когда при краже проводов гибли и сами их похитители.

Шестое – это социально-материальное расслоение и его отражение в системе ценностей и приоритетов. Об угрожающих масштабах социального расслоения в ряде стран СНГ, причем с приведением конкретных цифр, писалось много. Мы же здесь хотели бы лишь обратить внимание на те исследования, согласно которым такого рода расслоение начинает обретать и пространственные, и, соответственно, ценностные, черты. Согласно докладу Института социологии РАН, в современной России, богатые и относительно зажиточные все более дистанцируются от бедных: за последние десятилетия у таковых все меньше бедных родственников или знакомых, а сама бедность у «небедных» рождает уже меньше сочувственных эмоций и ее восприятие все более отдаляется от того, что мы видели в традиционных русских сказках, где именно бедные – носители базовых человеческих достоинств (4,с.с.106 -151).

Отдельной главы могло бы потребовать даже поверхностное рассмотрение финансово-экономической и информационной подоплеки «направленного хаоса».

Вполне понятно, что на протяжении тысяч лет человеческой истории народное недовольство неоднократно выливалось не только в заранее подготовленные выступления, но и стихийные восстания и бунты, толчком для которых мог стать даже мелкий, по нашим меркам, повод. Известно, например, что, согласно русским летописям, «антитатарское» восстание в Твери 1327 года началось, казалось бы, со случайного происшествия. Как писалось, во время приезда баскаков для сбора дани (явление не слишком частое, потому что функцию сбора дани чаще

выполняли сами русские князья) некому «татарину» понравился конь одного тверича. И, не долго думая, он потянул уздечку к себе. Русский же мужичок выломал доску из забора, пришиб ею незадачливого «экспроприатора» и... вместо того, чтобы после совершения убийства бежать куда глаза глядят, кинулся на базарную площадь: «Мол, что это творится, грабят среди белого дня!». Возможно, так оно и было. Или почти так. А, может, и как-то иначе. Детали уже не проверишь. Но бесспорно одно: народ был раздражен чужаками. Поэтому ударили в набат. Перебили почти всех сборщиков дани. Заодно же досталось и приютившей этих сборщиков собственной знати.

Нечто подобное считается причиной мощнейшего восстания сипаев в колонизовавшейся британцами Индии девятнадцатого века, когда, по некоторым данным, слух о том, что патроны будет велено смазывать неприемлемым для мусульман свиным салом, вызвал в местных вооруженных частях серьезные волнения.

Обратите внимание: такого рода стихийные восстания возникают тогда, когда искры раздражения попадают в сухой порох недовольства. Но что еще очень важно, так это то, что эффект взорвавшейся бомбы могут вызвать, как реальные действия, незнание местных традиций или пренебрежение ими, так и слухи о том, что подобные действия имели место. Иными словами, и стихийные выступления могли и могут намеренно и вполне продумано провоцироваться. Вспомним слова американского социолога Джорджа Мида: «Если ситуация определяется, как реальная, то она реальна по своим последствиям». (2, с.26) Либо настроения масс могут искусственно подогреваться. И финансово поддерживаться, одно из новейших свидетельств чему украинский Майдан. Обеспечение однодневного питания лишь одного его участника, по данным, прозвучавшим в СМИ, требовало сорока долларов. Люди же только на киевском Майдане уже к февралю 2014 года находились свыше двух месяцев, и содержание этой значительной, оторванной от непосредственной трудовой деятельности человеческой массы, естественно требовало и требует очень внушительных средств.

Вполне понятно, что, как ситуация на Украине, так и многие аналогичные взрывоопасные ситуации на протяжении всей человеческой истории редко оставались делом сугубо внутренним. Хотя в средствах массовой информации и появились статьи о том, что Майдан 2013 – 2014 годов – это своего рода «восстание миллиардеров», опасаящихся возможной

деприватизации в тех или иных формах, однако заметная финансовая подпитка конфликта идет и из-за рубежей, казалось бы, суверенного государства.

Как уже было упомянуто, чужеземные «вливания», направленные то на поддержку одной из сторон того или иного внутреннего конфликта, то для поддержания пламени внутренней борьбы, явление не новое. Историки замечают, что, когда после успешного для греков завершения Греко-персидских войн разгорелась долгая и изнурительная война между Афинами и Спартой, Персия искусно поддерживала пламя этой борьбы, оказывая финансовую поддержку то тем, то другим.

Небезынтересным было бы и особое рассмотрение финансовой, а со временем и материально-технической поддержки представителями различных держав, сначала революции 1905 – 1907 годов, а затем и революций семнадцатого года и последовавшей за ними Гражданской войны. Но такое рассмотрение, если только оно претендует на научность, не может сводиться лишь к повторяющимся в российских СМИ душещепательных разговорах о японских или немецких деньгах для революционеров вообще и большевиков, в частности, либо лишь к повторению часто упоминавшихся в советское время цифр о «закордонной» помощи Колчаку. (Сравните с тем, что уже говорилось о такого рода помощи, но в ином контексте). При даже самом предварительном анализе подобных ситуаций очень важны попытки целостного панорамного рассмотрения логики развития событий.

В контексте обсуждаемого одной из важнейших оказывается и более глобальная проблема – проблема соотношения стихийности и рассчитанности в человеческой истории в целом и экономических кризисах, девальвации, инфляции и всем, что с этим связано. Причем очень важно обратить внимание не только на собственно научные грани проблемы, но и на то, как в тот или иной период жизнедеятельности социумов она видится народным массам либо тем или иным слоям населения. Насколько здесь работает, имеющее хождение в СМИ, то, что называют «управляемым хаосом»? Что стихийно, как смена времен года или сход лавин в горах, а что не вполне стихийно и насколько? И как все это соотносится с доверием к СМИ и тем или иным персоналиям, напрямую связанным с экономической жизнью?

Вполне понятно, что при распаде или коренной трансформации одних социальных систем и появлении новых меняются и гласные, а также негласные, официально

не обязательно декларируемые системы ценностей. Многие из ныне живущих на постсоветском пространстве стали свидетелями, участниками и жертвами такого рода процессов, самым памятным из которых явилась приватизация, которая, согласно данным социологов, в глазах большинства россиян воспринимается, как нелегитимная. Иными словами, то, что формально не подпало под действие закона, и, вроде бы, правомерно, в узко юридическом смысле слова, выглядит и не законным, и не вполне нравственным в глазах очень и очень многих. Поэтому-то приватизацию девяностых в России нередко называют «приватизацией».

Серьезные вопросы и неуверенность в надежности банковской системы вызывают и волны девальвации. Ведь при распаде Советского Союза обесценились вклады десятков миллионов людей. По существу, была осуществлена экспроприация, возможно, в целом ряде отношений несравненно более масштабная, чем большевистская. Через недолгое время в России последовал дефолт, опять-таки, ударивший по очень многим. Очередным ударом стала девальвация начала 2014 г. И Российский рубль, и казахстанская тенге резко упали, что, вопреки усилиям руководства или, по крайней мере, попыткам совершать такие усилия, привело к скачку цен, которые и без того постепенно росли. Так, флешка, которая стоила около тысячи тенге сразу поднялась в цене до 1200. По словам же Галины Петренко, в Костанае, в первый день после падения курса тенге, «пока санкции (сверху) не подоспели, большая часть точек на Складской (оптовый рынок) оказалась закрыта, а те, кто торговал, «с ходу на калькуляторе к любой выставленной цене» добавлял 20 процентов.

Так что же тут любопытного и труднообъяснимого? – Растерянность не только народа, но и иных экспертов. Известный казахстанский экономист Олжас Худайбергенов, ставший в январе 2014 г. советником председателя нацбанка, написал на своей страничке в «Фэйсбуке»: «Если девальвация случилась, что она случилось неожиданно и для меня»... Показательная ситуация: и у Кайрата Келимбетова, который о случившемся узнал в ночь на 11 февраля...». Итак, даже такие люди, судя по их словам, столкнулись с неожиданностью. И такое – не в первый раз. «Еще в январе 2009 г. глава Нацбанка РК Анвар Найденов отвергал возможность девальвации тенге», но «она случилась (уже) 1 февраля. «1 января 2014 г уже Кайрат Келимбетов, что оснований для девальвации тенге нет. Но после обвала уточняет,

что проработка новой валютной политики велась... полгода. За кого же нас держат?» - восклицает автор статьи, добавляя при этом, что известный в Казахстане П.Своик утверждает, что в своих публикациях еще за неделю до происшедшего предупреждал, что «Нацбанк будет опускать тенге до 185 за доллар, но полагал, что это будет делаться постепенно, а не скачкообразно. По мнению Своика, эта мера в условиях мирового «долларового кризиса», при котором идет атака на валюты всех «развивающихся экономик», может облегчить положение Казахстана лишь на пять-шесть месяцев. (З, сс.1,8)

Но, казалось бы, причем здесь нравственность? Очень даже причем. Ведь сами собою встают вопросы о том, кто и почему проигрывает в подобных ситуациях и есть ли те, кто выигрывает, а, если выигрывает, то за счет чего? С другой стороны, кому доверять? Если некто, не имея должной подготовки, берется за хирургическую операцию, то это уже безнравственно. Если же сознательно врет, то безнравственно и это. Возможны и поиски иных ответов...

Уместно добавить, что сегодня очень важны и попытки взглянуть свежим, «не замыленным» взглядом на многообразные связи материально-технических и «нематериальных» аспектов культуры. Целые десятилетия советских людей убеждали в справедливости марксистского положения о том, что «революция – праздник трудящихся масс», а по своей исторической роли «революции – локомотивы истории». Но в то же время и в советские годы, и сегодня хорошо известны катастрофические следствия Гражданской войны – разруха, эпидемии, голод, катастрофическое падение уровня жизни тех, кому удавалось просто физически выжить. Встает законный вопрос: чего бы могли достигнуть страна, а затем и возникшие на ее месте государства, если бы не та, а затем и иные последовавшие за ней трагедии, если бы не колоссальное истощение материальных ресурсов войнами? Ведь еще в начале двадцатого века давались прогнозы, согласно которым русских, лет через сто должно быть 600 миллионов. Нынешнее же население РФ в четыре с лишним раза меньше, а число собственно русских еще менее значительно. И даже, если взять суммарное население всех постсоветских государств, то и оно будет гораздо меньшим того, что прогнозировалось. Да и по уровню жизни постсоветские государства отстают от Европы.

Все это так. Но, с другой стороны, можно ли безоговорочно утверждать, что подрыв материальных основ и истребительные

войны уже сами по себе ставят неодолимые преграды на пути развития экономики? Вспомним: и Германия и Япония понесли в ходе второй мировой войны огромнейшие человеческие и материальные потери. Англо-американская бомбардировочная авиация разрушала целые немецкие города, не говоря уже об инфраструктуре и заводах. Американские бомбы не только уничтожили Хиросиму и Нагасаки, но и испепелили Токио, в пламени которого, по некоторым данным, погибло пятьсот тысяч человек. Истребительную гражданскую войну и культурную революцию пережил Китай. Тяжелейшую войну пятидесятых годов прошлого века, войну, в которой элементы гражданской войны сочтались с крупнейшим международным конфликтом, пережила Корея. Разрушения были чудовищны. Но прошли считанные десятилетия – и Германия (сначала ФРГ), и Корея, и Япония достигли высочайшего подъема. Япония же на довольно заметный срок стала после США второй экономикой мира. Поэтому вопрос о соотношении материального и «нематериального» остается непростым и поныне, и, наверное, каждая новая эпоха, наряду с еще не ясно видимыми нами закономерностями, будет выявлять и новые грани этого вопроса. И одна из этих граней – проблема сплетения экономики, ценностей, моделей поведения и человеческого здоровья.

Литература.

1. Уже в 80-е годы прошлого века появилось и такие понятия, как «неформальная экономика» и «неформальный экономический сектор». Анализ современного состояния этой проблемы, представленный, например, в работе С.Ю. Барсукова, показывает, что сегодня неформальная экономика обнаруживает свое присутствие не только в странах бывшего третьего мира или второго мира, «являясь равноправной составляющей их экономического развития», но и в классических рыночных экономиках Запада, таких, как США или Германия». Что же касается современной России, то выводы цитируемого автора (2004 г.), пессимистичны: «... несмотря на явные признаки индустриальной деградации последнего десятилетия, вряд ли можно отрицать ее (России) высокий промышленный потенциал и научно-технические возможности... Нисходящая индустриальная несостоятельность страны еще не перешла границы, за которой начинается отсчет индустриальной несостоятельности. Вместе с тем масштабы неформальной экономики в России таковы,

что теневизация даже перешагнула границы материального, поглотив социально-культурные нормы и поведенческие ориентации во всех сферах российского общества. Произошел переход от теневой экономики к теневому обществу, материально-технические основания которого по-прежнему защищены результатом индустриального рынка прошлых десятилетий. Таким образом, эмпирические факты противоречат версии исключительной ответственности экономической неразвитости, стагнации и индустриальной несостоятельности в развитии неформальной экономики». (Дано по: В.Г.Федотова, В.А.Колпаков, Н.Н.Федотова. Какая модернизация и какой капитализм нужны России? – Вопросы философии, 2013, №10). Здесь есть, над чем поразмыслить. Интересно было бы сопоставить подобные исследования с суждениями зарубежных авторов о так называемой мафии, которая у ряда из них трактуется не только, как определенного типа преступная организация, но и как система отношений, пронизывающих социум.

2. Цит. по: Борцов Ю.С. Социология. Учебное пособие. – Ростов на Дону: Феникс, 2002.
3. Петренко Г. «Практика большого скачка». «Это, как глотнуть стакан водки». – Наша газета, 13 февраля 2014 г.
4. О том, как материальное оказывается связанным с духовным, говорят и такие выводы: «Важными отличительными чертами образа жизни бедных являются особенности досугового поведения. На фоне относительно благополучной ситуации в сфере досуга в обществе в целом досуг российских бедных отличается скудным содержанием и отсутствием видимого разнообразия. С течением времени эта ситуация только усугубляется... Можно говорить о том, что скудость досуга становится неотъемлемой чертой... образа жизни (бедных) При этом бедные не придают большого значения ограниченности своей досуговой активности. Происходит сужение их жизненного кругозора, ослабляется интерес к разнообразию, эмоциям и впечатлениям, саморазвитию...». При сохранении таких тенденций, следует ожидать «их дальнейшей социальной деградации». А ведь речь идет о миллионах! (Г.Аитова. Бедность и неравенство в современной России. 10 лет спустя. – Альтернативы: теоретический общественно-политический журнал. – Москва., 2013, №4.

Ценности, модели поведения, экономика и медицина.

Перед нами целый клубок взаимопереплетающихся феноменов, явлений, которые, в свою очередь связаны с человеческим здоровьем и продолжительностью жизни. Каким же образом все упомянутое и то, что пока еще не упомянуто, сопряжено с проблемами здоровья?

Ответ или взаимодополняющие друг друга ответы отнюдь не однозначны, хотя, казалось бы, если мы начинаем рассуждать о приоритете человеческих ценностей, о правах личности, то и приоритетная ценность здоровья становится чем-то само собой разумеющимся. Но может ли «здоровый образ жизни» быть самоцелью?

И многоликая человеческая история, и современность свидетельствуют, что единого, раз и навсегда данного ответа здесь нет и в принципе быть не может. Здоровье, связанные с ним, красота и физическая сила ценились в самых разных культурах. Но, если красота еще и могла восприниматься, как самооценность, то и здоровье, и сила, как правило, играли «служебную роль». Что это значит? – Это значит то, что и здоровье, и сила, да и сама жизнь были, а во многих случаях и сегодня остаются тем капиталом, которым можно и должно расплачиваться за достижение каких-то иных целей.

Во время войн и солдаты, и офицеры не щадят своего здоровья ни в походах, ни в окопах, ни при преодолении тех или иных преград. Это и естественно для войн и типично. Отдельные же исторические эпизоды высвечивают такого рода типичность особенно ярко. Так, при катастрофе под Березиной, где, сраженные выстрелами русских, мертвые французские кавалеристы стояли друг к другу в речной воде так плотно, словно деревья в лесу, саперы, жертвуя собой, наводили переправу, двигаясь в холодной воде. Император спасся. А они, саперы почти все погибли от переохлаждения.

Потрясающий по своей необычности памятник является напоминанием уже о другой трагедии – трагедии русских солдат. Это памятник на Шипке, на вершине, к которой ведут сотни ступеней. Даже летом поднимающихся пробирает ледяной ветер. А каково же было зимой! Об этом и напоминает памятник в виде русского солдата, заносимого снегом на своем боевом посту. Именно здесь русские устояли в отчаянных схватках с турками. Но, если в боях погибло примерно три тысячи русских, то после успешного отражения вражеских атак, уже зимой от холода погибло десять тысяч человек.

Трагичнейшей оказалась участь и 330 тысяч германских, а рядом с ними и иных солдат, окруженных советскими частями под Сталинградом. По данным Видера, немецкого разведчика при штабе Паулуса из 90 тысяч попавших в советский плен выжили лишь считанные тысячи. Пленные были настолько ослаблены холодом и болезнями, что, бывало, от них заражались и гибли и советские медсестры. Правда, такие потери были характерны, прежде всего, для рядовых вермахта.

Собственно же боевые потери во всех войнах включали и продолжают в себя включать и множество раненых и инвалидов. И, опять-таки, здоровье военнослужащих хотя и очень значимо, однако не может быть приоритетным. Солдат должен быть настолько здоров, чтобы быть способным выполнять, поставленные перед ним задачи.

То же самое мы видим, когда дело доходит до созидательной деятельности и того, что еще недавно называлось «трудовыми свершениями». В романе Н.Островского «Как закалялась сталь» строители дороги, которая должна спасти большой город от замерзания и, следовательно, помочь сохранить жизни тысяч и тысяч людей, сами своего здоровья не щадят. И такой взгляд на себя, страну и мир казался естественным: «Жила бы страна родная, и нету других забот».

Здоровье не было самоцелью и для христианских святых, старцев и т.д. Святой Франциск даже говаривал, что к собственному телу, надо относиться, как к ослу: похуже кормить, почаше бить.

Но, безусловно, и для социумов, и для самих их членов, для индивидов здоровье было и остается, хотя зачастую и служебной, но одной из важнейших ценностей. Даже руководители и наиболее опытные и грамотные генералы понимают, что здоровье и жизни подчиненных это – тот капитал, который может принести им «дивиденды», если тратить его разумно, и там, где только возможно, обходиться наименьшими потерями.

Но что же влияет на здоровье, которое мы каждый день желаем друг другу в приветствии?

Основные факторы хорошо известны. Если не касаться военных конфликтов, межэтнических и межконфессиональных столкновений, то мы будем вынуждены выделить в первую очередь проблемы питания, обеспечения питьевой водой и проблемы экологии. Это те проблемы, которые не решаются индивидуально и лишь посредством того, что обычно именуется «правильным воспитанием».

Вторая группа проблем – это проблемы финансирования, обеспечения материальной базы медицины, заработка медицинских работников, и соотношения сил, затрачиваемых на профессиональную подготовку с тем самым материальным положением медицинских работников, о котором мы упомянули. Плюс проблемы стоимости медицинского обслуживания для населения.

Со всем этим связана третья, сложнейшая группа - это вопросы медицинской этики и, примыкающие к ним, вопросы философского характера, многие из которых являются принципиально новыми. Это, прежде всего, вопросы аборт, пересадки органов, эвтаназии, клонирования, суррогатного материнства.

Четвертая группа проблем – это проблемы, связанные с национальными и иными традициями, религиозными убеждениями и всем тем, что, являясь надындивидуальным, способно оказать очень важное, а то и решающее влияние на здоровье индивидов. Например, посты. Насколько и в каких формах они могут быть полезны для здоровья, относительно нейтральны или, может быть, вредны? Еще более одиозны примеры с отказом от переливания крови по религиозным соображениям...

Пятая группа проблем – это, закладываемые с детства индивидуальные особенности, привычки, вкусовые предпочтения, а затем и такие пристрастия, как пристрастия, к алкоголю, табаку, наркотикам.

Шестая – модели «здорового образа жизни», их варианты и соотношение со спортом.

Мы еще попробуем остановиться подробнее на некоторых из упомянутых проблем. Пока же обратим внимание на интереснейший момент, подмеченный социологами: на обратную связь здоровья, длительности жизни и ... состояния финансов и экономики. В опубликованной в российском аналитическом деловом еженедельнике статье Владимира Попова «Планы коротки», статье, предваряемой высказыванием Фрэнсиса Бэкона «Долгая жизнь лучше короткой во всех отношениях, в том числе и для добродетели», мы встречаем размышления именно на эту тему. «Высокая смертность, - злейший враг российской экономики. - Утверждает автор статьи, - Это не метафорическое утверждение, а научный факт. Экономия на пенсионных выплатах и расходах на здравоохранение, Россия теряет людей с экономически эффективной жизненной ориентацией...»

(Уместно напомнить, что статья появилась в 2006 г., когда в России была зафиксирована самая низкая в Европе ожидаемая продолжительность жизни мужчин (58,8 лет). Относительно продолжительности жизни женщин, на это время позади России были только Турция и Молдова. Смертность же в 1,5 раз превышала рождаемость).

И это проблема мировая, а не только российская. казахстанская или какой-либо отдельно взятой страны. Но в первую очередь она затрагивает страны с определенными проблемами развития. «»Пытаясь найти связь между хронической экономической отсталостью африканских стран и различными независимыми переменными (от национальных расходов на здравоохранения и образование до степени религиозности населения), экономисты десятилетиями не могли объяснить ни одной из них значительную часть, около одного процента роста ВВП. Ученые назвали это загадочное явление «африканским остатком». Разъясв демографию на составляющие, стэнфордские экономисты Питер Лоренце, Джон Мак Милдан и Ромеин Вацярг обнаружили, что лучше всего «африканский остаток» объясняется взрослой смертностью. именно взрослой. а не общей и не детской...» Они «отметили, что взрослая смертность бьет по ВВП сильнее, чем можно объяснить безвозвратной потерей человеческого капитала. Больше всего страдают инвестиции. исследователи объясняют это сужением горизонта планирования... В обществе с высокой смертностью человеку непонятно, зачем делать сбережения.. Отсюда отказ от долгосрочных инвестиций и воплощение принципа «живи одним днем» в самом примитивном смысле. Житель «вымирающей страны» не делает накоплений и пренебрегает образованием, одним этим ухудшая экономическую ситуацию».

«Смертность как бы подстегивает сама себя, создавая положительную обратную связь. «Ловушка взрослой смертности побуждает взрослых людей стремиться к достижению краткосрочных целей, пренебрегая долгосрочными издержками общества и, наоборот, разрушает стимулы к долгосрочному планированию», резюмируют авторы. «Ловушка бедности» - это та же ловушка, в которую попасть тем легче, чем короче жизненные горизонты у взрослого населения страны». Касаясь ситуации в РФ, Вацарг замечает: «Другие детерминанты роста в России не столь плохи, чтобы развитие страны пошло по нисходящей. Но высокая смертность в России существенно тормозит экономический рост».

При этом, вполне понятно, что взрослое население любой страны неоднородно. Акцентируя на этом внимание, директор Центра антропологии Востока Андрей Коротаев подчеркивает двусторонний характер связи «узкого жизненного горизонта и ранней смертности»: «В России, - пишет он, - смертность среди лиц с высшим образованием находится на уровне западноевропейских показателей для всего населения, а основной вклад в российскую смертность, дают люди со средним и неполным средним образованием». (1, сс.70 -71) И, это – только ли российский феномен?

Казалось бы, какая здесь может быть связь? Разве дипломы способны заменять лекарства и эликсир молодости? – Дело, конечно же, не в дипломах, а в том, что, углубляя свое образование, человек ставит достаточно долгосрочные цели и соответственно, координирует с ними свой образ жизни. Конечно, и тут все далеко не линейно. Современная, так называемая «рыночная экономика» очень жестка, она буквально высасывает силы тех, кто стремится интенсивно работать, и уже один только этот феномен требует серьезнейших исследований. Но для нас в данном контексте важно обратить внимание на взаимосвязь установок, задач и целей с возможной и прогнозируемой длительностью жизни.

Но здесь мы уже напрямую выходим в области философии, социальной психологии и... философии истории. Дело в том, что в разных социумах и в различных составляющих этих социумов длительность жизни имеет разную значимость. В социумах «отсталых» и там, где достаточно жестко ограничены природные и иные ресурсы старики, больные, инвалиды могут восприниматься, как обуза, что, например, с замечательной художественной силой передано в японском литературном, а затем и кино произведении о горе Нараяма, на которую относили умирать стариков и старух, доживших до определенного возраста. На долгую жизнь во многих культурах и субкультурах не были «запрограммированы» и войны либо их определенные группы. Жизнь не бесконечна, поэтому гибель в сражении в расцвете сил достойнее смерти от старости. Известен рассказ о персидском царе, который, глядя на выстроившихся для смотра бравых молодцев, заплакал - ведь пройдут считанные десятилетия и этих красавцев не станет и безо всяких сражений.

Отсюда и соответствующие системы ценностей, при которых гибель в бою – то, что способно придать смысл всей жизни. Об этом свидетельствуют многие истории спартанцев. Напомним

лишь слова матери, которая, услышав, что в битве пали все пятеро ее сыновей, лаконично ответила: «Я и родила их для Спарть». У викингов же существовало верование, согласно которому, попасть в рай – Вальгаллу может лишь тот, кто умирает с мечом в руке. Это, к примеру, красноречиво объясняет эпизод из известного и, конечно же, полусказочного фильма «Викинги», когда пленный вождь норманнов, брошенный англичанами в яму с волками, кричит, чтобы ему бросили меч. Он боится не самой смерти, а смерти беспомощной жертвы, но не война.

Знаменательно, что еще в девятнадцатом веке среди военных было в ходу выражение: «Тот гусар - дерьмо, который дожил до тридцати лет». Но упомянутое – отдельная, хотя и очень увлекательная и актуальная тема. Мы же вернемся к более детальному знакомству, того, что упомянули в этом разделе.

Литература.

1. Попов М. Планы коротки. Почему пенсионеры – не обуза, а благо для экономики. – Аналитический деловой еженедельник «Ведомости». Smart money. -25.05, 2006.

Экология в системе ценностей и приоритетов.

Экологические проблемы не одно десятилетие будоражат умы ученых и широкой общественности. С ними, как уже заметили, напрямую связаны проблемы обеспечения чистой питьевой водой и «экологически чистыми» продуктами питания. По своей сути основные экологические проблемы являются платой за прогресс, который, в обществе, раздираемом социальными противоречиями, по словам К.Маркса, сказанным еще в девятнадцатом веке, уподобляется языческому идолу, не желающему пить нектар, иначе, как из черепов убитых. (1, с.530) Но в двадцатом веке их острота стала особенно чувствительной.

Здесь – один из центральных вопросов – вопрос загрязнения окружающей среды, с которым напрямую связано и все упомянутое. Так, в последней четверти двадцатого века 2 млрд. людей были лишены доступа к источникам чистой воды. Уже в начале семидесятых годов от болезней из-за загрязнения питьевой воды ежегодно умирало пять миллионов новорожденных. А по данным ВОЗ за 1984 год масштабы этой трагедии втрое

больше. В это время лишь в развивающихся странах от болезней, связанных с нехваткой чистой воды, ежегодно умирало 15 млн. детей в возрасте до 5 лет – чуть ли не население большей части современного Казахстана. Поиски же новых источников энергии, доступной по ценам и из политических соображений, породили, как это часто бывает, и новые проблемы, о которых немало пишут и говорят в связи с началом европейских разработок сланцевого газа. Согласно ряду данных, качество воды в местах разработок резко ухудшается. Во всяком случае, здесь есть еще над чем думать ученым.

Отмечены и серьезные загрязнения воздуха. За последние сто лет содержание CO_2 в атмосфере повысилось на 25%. В ряде регионов чистый воздух становится дефицитом и складывается ситуация, которую в гротескной форме описал А.Вознесенский, иронически заметивший, что вскоре человек «листву в целлофан обернет и как из персональной коровы будет доить кислород».

Наиболее ощутимы отмеченные проблемы в урбанизированных районах. В крупных городах в сравнении с окружающим их миром гораздо больше зимних туманов, продолжительность дневного освещения меньше на 30 минут, а температура воздуха на 0,5 – 1,5 градусов выше. Источником туманов в таких городах, как Сан-Франциско, Вашингтон, Нью-Йорк на 90% являются выхлопные газы. С немалым числом таких проблем столкнулась и Япония, являющаяся одной из ведущих экономик мира.

Непростая, а, подчас, и драматическая ситуация складывается в ряде казахстанских городов. При этом, что вполне объяснимо, особое внимание СМИ приковано к бывшей столице страны Алматы, где, по словам Александра Мыскина, загрязнение воздуха ужасает. «Диоксид азота выше нормы в 9,4 раза. Этот газ «разукрашивает воздух Алматы. Ему дана вторая категория опасности по международным стандартам. при высоких концентрациях он имеет бурый цвет и удушливый запах. Диоксид азота действует, как острый раздражитель. «У нас участились случаи острых бронхитов, а любые простуды при таком воздухе протекают сложнее», - говорит врач Светлана Ашыкбаева.

Также Алматинский воздух отравлен оксидом углерода – превышение нормы – в 4,2 раза. Это тот самый угарный газ. Он не имеет цвета и запаха, очень токсичен. При хронических отравлениях появляется головная боль, бессонница, ухудшается внимание и память. Подобные симптомы у себя могут обнаружить почти все алматинцы...» (2, с.12)

Представляется, что ряд экологических проблем «местного значения» (и только ли местного?) связан не только с противоречивым характером научно-технического прогресса, но и с изъянами в конкретной деятельности людей в условиях рыночных отношений, когда во главу угла ставятся неоднократно упоминавшиеся деньги. Так, в экологически относительно благополучном Костанае, где, хотя и возрастает число автомобилей, однако резко уменьшилось число «грязных» предприятий (например, в городе давно уже нет завода искусственного волокна с устойчивым запахом аммиака в его окрестностях), жители являются свидетелями, мягко говоря, странного отношения к тому, что называется озеленением города. В Центральном сквере уничтожен кустарник, дававший немало пищи для птиц. Интенсивно вырубаются или сначала подрезаются, а затем уже вырубаются тополя, клены, карагачи – наиболее жизнестойкие деревья в условиях нашего климата и взамен (там, где эта замена планируется) высаживаются, причем очень часто не в соответствии с требованиями) деревья, нуждающиеся в большем уходе. В результате затраты на озеленение ощутимы, тогда как плоды его во многих местах гораздо менее заметны. В том же Центральном сквере есть немало мест, где с завидным упорством из года в год высаживаются деревья, гибнущие, казалось бы, лишь для того, чтобы уступить место новым, далеко не дешевым саженцам.

Но, все-таки, несравненно большую остроту проблеме загрязнения придают специфические, а, откровеннее говоря, уродливые формы глобализации. Положение граждан многих стран Третьего мира (то есть развивающихся стран) оказывается поистине драматичным. В складывающемся к началу третьего тысячелетия международном разделении труда, целые районы превращаются в своего рода сточные канавы, в места, где размещаются наиболее вредные для здоровья виды производства. С другой же стороны, в эти же самые страны сбываются ядовитые, но приносящие огромные барыши те плоды химической промышленности, которые не нашли бы соответствующего спроса в более развитых странах. Это в лучших случаях. В худших же мир сотрясают катастрофы. Возможно, самая масштабная промышленная катастрофа - из тех, что не связаны с радиацией, - это катастрофа декабря 1984 г. в индийском городе Бхопале. Ее назвали «химической Хиросимой». И не случайно. Здесь 3 декабря, по вине американской компании «Юнион карбайт» произошла авария, повлекшая за собой утечку

ядовитого газа. Авария эта за короткий срок унесла жизни 2,5 тысяч людей. Через пять лет после события число жертв достигло уже 3525. И эти цифры не полны. Достаточно заметить, что в 1987 г. говорилось о 200 тысячах пострадавших, 10 тысяч из которых стали полными инвалидами, а в 1989 г. называлось уже 500 тысяч пострадавших. У массы горожан оказались пораженными нервная система, органы дыхания, глаза, печень, почки. Кроме целого ряда хронических отмечены также генетические поражения. (3, с.5)

Серьезные волнения вызвали и драматические события на атомных станциях – сначала в украинском Чернобыле, а спустя несколько десятилетий и в японской Фукусиме. Если в первом случае причиной катастрофы называют человеческий фактор, то во втором – цунами. Но и на примере Японии человечество стало свидетелем не только грозного действия природных сил, а и просчетов специалистов. Ведь станция, как выяснилось, была построена в небезопасной зоне. Таким образом, экологи вынуждены учитывать не только «обычные» виды загрязнения окружающей среды, но и возможности катастроф.

Еще сложнее проблемы сохранения биоценозов и отдельных видов живых существ, многие из которых за последние столетия исчезли, вымирают или находятся на грани исчезновения, о чем, в частности, еще в советские годы читатель мог с болью прочесть в таких изданиях, как книга И.Акимушкина «Трагедия диких животных», и многих, многих иных. Сегодня же, эта грань экологической трагедии видится еще более масштабной. По словам современных исследователей, «мы наблюдаем шестое массовое вымирание за 4,2 млрд. лет известной нам истории жизни на планете. Современное массовое вымирание видов примерно в 1000 раз превышает предполагаемую «естественную скорость» вымирания, которая составляет 1 вид на каждый миллион, или от 10 до 100 вымерших видов в год» (с.12).

На сегодняшний день экологическим проблемам посвящены многочисленнейшие исследования, и полученные данные вполне доступны. Но хотелось бы обратить внимание на то, что все эти проблемы имеют не только (принципиально важную) научно-техническую, но и мировоззренчески-ценностную составляющую, что отмечают наиболее вдумчивые западные исследователи, убежденные в том, что лишь смена ориентиров, уход от ценностей общества потребления способен помочь человечеству должным образом решать и экологические проблемы, ибо слишком уж много не рациональных затрат

природных ресурсов, и слишком много вредных выбросов и т.д. сопряжены с установкой на бесконечное потребление, включая и те товары, которые буквально навязываются покупателю. Не удивительно, что комплексу этих проблем оказалась посвящена и книга известного представителя римского клуба А. Печчен «Человеческие качества», где серьезнейшее внимание уделяется именно ценностно-мировоззренческим аспектам проблемы.

К сожалению, на подходы к решению сложнейших комплексов энергетических и экологических проблем серьезнейшее влияние оказывают идеологические веяния и геополитические интересы, тогда как вопросы о захоронении ядерных отходов, строительстве АЭС или ракетодромов должны, прежде всего, решаться группами специалистов, а не так называемым «общественным мнением», формирующимся в массовом сознании под воздействием СМИ, которые могут не только информировать, развлекать и т.д., но и лоббировать интересы тех или иных влиятельных финансовых, экономических и политических сил.

Литература.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1.
2. Мыскин А. Тотальное задымление. – Караван, 14 февраля 2014 г.
3. Байков В. Боль Бхопала. – Правда, 1989, 5 декабря.
4. Тобиас М.Ч., Моррисон Дж.Г. Фактор ахимсы: анализ экологического ненасилия в Китае и его последствия в условиях глобальных парадигматических сдвигов. – Век глобализации. – 2013, №2.

Сколько стоит здоровье?

Это тема отдельных исследований. Мы же лишь поверхностно коснемся двух ее сторон, неотделимых друг от друга, как две стороны медали. Первая: как ценится труд медика, и вторая, во что может обходиться лечение для пациента?

Первая сторона такова, что сегодня, к примеру, в России, после шести лет учебы квалифицированный врач на январь 2014 г. получал 8 тысяч рублей. Зарплата медсестры- 6,5 тысяч. По словам же одного из участников ток-шоу «Здоровье» (15 февраля 2014 г) главврача одной из Санкт-петербургских больниц Б.Тайца, врачи его больницы получили возможность зарабатывать втрое больше –

25 тысяч в месяц. Но это с учетом дежурств и иных официальных подработок. По сути дела, перед нами образец колоссального перенапряжения работников высокой квалификации. Нечто подобное мы встречаем и у работников системы образования, программистов..., т.е. у людей с многолетней специализированной подготовкой. Не приведет ли все это в самой ближайшей перспективе вопреки обнадеживающим пока еще данным об относительно продолжительной жизни людей образованных, к быстрому износу именно тех, чья профессиональная подготовка требует особых усилий и особенно длительного времени? И это не говоря уже о том, как сверхинтенсивность может отражаться и на качестве жизни определенных индивидов, и на качестве самого труда?

Когда раздумываешь об этом, вспоминается один режиссер с гордостью вешавший миру о тех, кто целиком отдает себя работе, да и о себе самом, как он любую свободную минуту. даже время езды в автомобиле отдавал активной деятельности: общению по мобильной связи и т.д. Этот бравурный гимн кипучей деятельности. в свою очередь, напомнил хорошо известную историю, когда один крупный ученый, видя лаборанта, допоздна задерживающегося на работе, отнюдь не выказал восторга. «А когда же вы думаете?» - спросил он своего подчиненного,

Как видим, перед нами целый клубок вопросов, далеко выходящих за пределы собственно медицины.

С другой стороны, медицина становится все более и более дорогой и для государства, и для пациентов. Не умаляя жизненно необходимого, напряженнейшего труда медиков, нельзя обойти проблему стоимости лекарств, тех или иных платных медицинских услуг и соотношения цены и целесообразности. А еще и доступности обследования и лечения. Доступности, которая, как оказывается, напрямую связана с тем, что мы упомянули. Воспроизведем фрагмент из газетной статьи, автор которой грустно замечает: «Чтобы лечиться в Астане амбулаторно, надо быть очень здоровым человеком»: «У врача прием, допустим, с 8.00 до 13.00. Под дверь внушительная толпа больных. И все пришли с раннего утра. Хорошо, если доктору удается принять всех. Не успел – «приходите завтра».

Ему в частную клинику спешить нужно. Собственно, туда он и вам посоветует подойти. Не секрет, что многие врачи в поликлиниках практикуют по два, а то и три совмещения с работой в платных центрах. И кто их за это осудит? С их-то зарплатой».

К тому же, по словам Акима Имангали Тасмагамбетова в столице не хватает 1 200 врачей. (1, с.6) Вполне понятно, что возможна и иная организация работы поликлиник, без очередей. Но проблема квалификации врачей и их зарплаток остается. Равно, как и проблема оплаты медицинских услуг, особенно для той части населения, которая не обладает достаточными для этого доходами. Сегодня ее пытаются решить и опираясь на поддержку государства, и прибегая к сбору средств на дорогостоящее лечение конкретных детей и т.д., но сама проблема еще очень остра.

Литература.

1. Буравцева Н. Чем «больны» поликлиники? – Караван, 14 февраля 2014 г.

Этика, философия и медицина.

Есть еще одна составляющая того клубка проблем, к которому мы вместе с Вами пытаемся прикоснуться – это проблемы связи этики, философии и медицины. Вопросы медицинской этики человечество ощущало издревле. Одна только знаменитая клятва Гиппократова существует уже свыше двух тысяч лет. Об этике врачей и медицинского персонала в целом постоянно говорят и пишут и сегодня, когда в условиях так называемых рыночных отношений и медицина, и образование стали в немалой мере коммерциализироваться. Производство и продажа лекарств, «бадов» и т.п., становятся одними из доходнейших видов деятельности во всем мире. При этом, с одной стороны, дешевые лекарства нередко заменяются их более дорогими аналогами,

Наглядно эта проблема высветилась уже в 1961г., когда стали сказываться последствия талидомида, считавшегося поначалу исключительно безвредным для беременных, препарат улучшал их сон, но, как оказалось, его применение вело к резкому недоразвитию конечностей плода и массовому рождению уродов. «Более двадцати тысяч детей-калек» - такова лишь официально озвученная сторона доходов западногерманской фирмы, выпускавшей талидомид. (1, с.12)

И это лекарство оказалось не единственным, применение которого становилось далеко не безопасным. Не случайно в

США даже появилась книга с предостерегающим названием «Лекарства, которые не лечат». В упомянутой книге дано описание более 600 медицинских препаратов своего времени, которые оказывали пагубное воздействие на организм.

Правда, уже не одно десятилетие лекарства мало эффективные, а то и небезопасные для здоровья «сплавляются» из так называемых развитых стран в другие, с мене жестким контролем качества или же просто в силу лоббирования. Тем самым страны «третьего мира», к которым в данном отношении нередко относятся и страны на постсоветском пространстве, стали превращаться в своего рода «фармацевтический полигон» и место сбыта не слишком качественного, зато доходного товара. Мы знаем, что при этом, даже если лекарства сами по себе относительно безопасны, врачи могут быть связанными с аптеками и тем самым материально заинтересованными в более широком распространении определенных лекарственных препаратов. Но и при этом, как мы видим, вопросы медицинской этики выходят за пределы деятельности лишь медицинских работников, как таковых, а начинают все более касаться деятельности целых кампаний. И об этом тоже немало говорится.

Меньше говорится об этике пациентов и их родственников. И это понятно. Проблема пока не так остра. Но, видимо, и она может появиться, - как обратная сторона растущего недоверия к авторитету медика и правовых структур, вкупе с попытками самим и, подчас, очень грубо и нелепо утверждать по своему понятию справедливость. Печальный пример последнего - завершившийся в РФ в феврале 2014 г. судебный процесс над группой граждан, забивших до смерти врача акушера в отместку за неправильное, на взгляд одного из них, принятие родов. Казалось бы, перед нами странные капризы реальности. А, по сути, и ученик, поднимающий на учителя руку, и родственник пациента, готовый убить врача – это первые шаги к Майдану с его дымящими шинами, лавинами камней, а затем и выстрелами. И это особая боль современного общества, дичающего под убаюкивающие песенки о гуманизме.

Но есть и иная сторона, требующая не просто серьезных размышлений, но, возможно, и целой революции в представлениях о человеке и мире и о том, что для выживания существа, достойного слова «человек», допустимо, а что - нет. Эти проблемы в огромной мере порождены немислимыми еще совсем недавно возможностями современной науки, которая

колоссально опережает устоявшиеся представления о должном и не должном, благом и вредоносном, а то и прямо пагубном.

Это проблемы аборт, эвтаназии, суррогатного материнства, пересадки органов, клонирования – и все те уже существующие и маячащие на горизонте, которые уводят нас к вечным, но встающим совершенно по новому, вопросам жизни и смерти, добра и зла. То есть вопросам философским и при этом, вступающим в нашу повседневность.

Уже дискуссии вокруг аборт замыкаются на вопросах о том, когда мы должны говорить о появлении нового живого существа в женском теле и когда это существо может быть названо человеком. Ведь, если плод достигает той стадии развития (а кто-то скажет, что эта стадия наступает с момента или почти с момента зачатия), то, следовательно, всякий аборт – убийство.

Однако и здесь не все так просто. Вторая сторона вопроса в том, какую и каким образом поставить преграду аборт? Запрещающим законом? – Но это уже проходили. Например, в предвоенном Советском Союзе, когда попытались предпринять подобную попытку, резко возросло число женских смертей из-за совершения опасных для жизни нелегальных аборт. Иными словами, простого решения даже один этот, отдельно взятый вопрос, не имеет. Возможно, здесь остается только воздействие на убеждения, на внутренний мир человека в целом. Но и одной пропаганды, которая была бы направлена против широкого распространения аборт мало. Ведь аборт – это всего лишь следствия зарождения жизни, которые для родителей не желанны. В огромной мере они – следствия не просто неосторожности, но и того образа жизни, который обуславливает нежеланность детей - будь то побочные следствия беспорядочных связей либо установки семейных пар. Фактически мы и здесь выходим на проблему ценностей и экономических возможностей. Одни не хотят иметь столько-то детей либо детей вообще из-за определенных установок, рожденных самой духовной атмосферой социума, а другие не могут себе этого позволить, невольно напоминая нам о Мальтусе. В свое время нас приучали к штампам о человеконенавистнической природе взглядов этого английского священника, жившего в восемнадцатом веке. Мальтус, полагал, что количество необходимых для человечества продуктов питания по мере исторического развития возрастает в арифметической прогрессии, а число самих людей растет в геометрической прогрессии, в силу чего голод – неизбежный

спутник человечества. Поэтому Бог войнами и стихийными бедствиями по своему регулирует число людей, избавляя Землю от переизбытка человеческих особей. Можно сказать, что здесь перед нами своеобразное преломление теодицеи или лейбницевского богооправдания, согласно которому кажущаяся неразумность мироустройства – следствие того, что люди со своими мелкими интересами не способны охватить умственным взором мир в целом. Если бы это было сделано, то, что видится безусловным злом, стало бы выглядеть совсем иначе.

Пройдут столетия и уже советский поэт Андрей Вознесенский, пародируя идеи природной гармонии, шутивно напишет:

Все согласовано в природе.
Луна. Корова. Лук пырей.
Народовольцы производят
Естественный отбор царей.

Однако сам Мальтус не остановился на упрощенно видимом оправдании мировой гармонии. В ходе своих размышлений он пришел к выводу, что люди могут помочь Богу и не с помощью войн, а своей сознательной жизнью регулировать рост народонаселения. Тот, кто в силах прокормить семью с соответствующим числом детей, вправе жениться. Остальным же придется подождать, пока твердо встанут на ноги. К чему плодить нищету? – Выглядит логичным. Но любая логичность имеет свои пределы. В известном американском фильме «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» показан танцевальный марафон, победителям которого обещан солидный куш. В марафоне участвует и молодая пара, которая из-за низкого достатка не может позволить себе иметь желанного ребенка. И пара эта пронзает зрителя своей болью и безвыходностью своего положения. Однако в целом образованные слои коренного населения Западной Европы в немалой мере пошли именно по пути, упомянутом Мальтусом: браки здесь заключаются достаточно поздно, и тридцати – тридцати пятилетняя незамужняя мисс отнюдь не считается старой девой.

Немало копьев сломано и вокруг эвтаназии – так называемой легкой смерти, когда измученному страданиями больному медики помогают уйти из жизни. Споры здесь разгораются яростные. Одни противники эвтаназии выступают принципиально против всего, что может быть названо убийством. Другие обращают внимание на то, что, например, в условиях России, эвтаназия, как и смертная казнь, может стать предлогом для убийства просто в

силу недобросовестности следователей и судей (если речь идет о казни) либо медиков (когда речь идет об эвтаназии. Тем более, что известны случаи, когда люди, считавшиеся неизлечимыми, выздоравливали.

Заметьте, споры, помимо прочего, связаны и с пониманием гуманности: что считать более или даже истинно гуманным – прекращение страданий или максимально возможное продление индивидуального существования, подчас, даже уже не человека, как такового (если речь идет о многолетней коме), а живого организма?

Однако у этих споров есть еще экономическая и сугубо человеческая сторона, связанная с силами, возможностями и состоянием тех, кто в силу обстоятельств ухаживает за теми, кто прикован к постели.

Начнем с того, что выделяют эвтаназию активную и пассивную. К активной относят введение таких препаратов, которые с согласия больного безболезненно прекращают его жизнь, а вместе с ней и становящиеся невыносимыми страдания. Но здесь неожиданно вырастает почему-то обходимая во многих дискуссиях проблема: а что такое согласие больного на эвтаназию в сугубо психологическом плане? Конечно, боли могут быть крайне мучительными. Но разве не мучительно и не жестоко требовать от человека, чтобы он сам подписал себе приговор? – Ведь одно дело смертельная инъекция, которая делается под видом обычного укола, и совсем другое, когда человек будет знать, что его лишат жизни, причем примерно (?) в такое-то время.

Тут невольно вспоминается застрявшая в памяти еще со школьных лет баллада о белой шали. В этой балладе мать обещала, приговоренному к казни сыну, сыну похлопотать за него, а затем дать ему знак. Если удастся добиться помилования, пусть даже необычного, в самый последний миг, то она выйдет на балкон, что вблизи эшафота, покрыв себя белой шалью. Если же нет – оденет черную. Помилования добиться не удалось. Но мать вышла на балкон в белой шали. Чтобы избавить его от ожидания неминуемой страшной гибели на эшафоте. И это было тем проявлением материнской любви и гуманизма, на которое мать была способна в сложившейся трагической ситуации...

Но двинемся дальше по очень нелегкому пути размышлений. так тесно сплетенных с болями человеческой жизни. Пассивная эвтаназия связана с отказом поддерживать физиологическое существование, когда это считается бесполезным или

бессмысленным. Здесь тоже есть и над чем думать, и что считать. Так, например, насколько было оправдано многолетнее поддержание существования находящегося в коме известного израильского лидера? И насколько оправданы вообще такого рода очень дорогостоящие действия? Не тратятся ли в таких случаях средства, которые можно было бы направить на лечение и спасение тех, кого еще можно было бы спасти?

И тут у нас нет одного ответа. То, что может позволить себе Израиль, не всякой стране по силам. К тому же очень многое зависит от системы поддержания жизни. Когда вся тяжесть ложится на родных и близких – это очень нелегкое бремя. Когда же поддержание жизни в руках и родственников и медперсонала, не только специально подготовленного, но хорошо оплачиваемого и имеющего возможности отдыха и восстановления сил, тогда ситуация оказывается иной. На практике же, увы, пассивная эвтаназия используется очень широко. Ведь даже в достойных больницах безнадежно больных и престарелых стараются, по мере возможности, выписывать домой, независимо от того, насколько можно было бы продлить их существование, останься те в лечебных заведениях. К сожалению, такова наша реальность. И здесь нет ни судей, ни подсудимых.

В последнее время бурные споры вызывает и суррогатное материнство. Русская православная церковь выступает категорически против. Мнения представителей светских кругов разделились. Поднимается вопрос, можно ли считать суррогатное материнство разновидностью торговли женским телом? Однако феномен существует, и с ним связывают имена известнейших фигур шоу-бизнеса. И, тем не менее, остаются очень конкретные вопросы, связанные с будущим детей, появившихся на свет таким образом. Генетика генетикой, но на сегодняшний день уже достаточно известно о том влиянии, которое оказывает на будущее ребенка его внутриутробное развитие. Насколько такого рода факторы периода вынашивания плода могут сочетаться с его генетическими данными? Что тут в какой-то мере предсказуемо, а что пока еще очень трудно представимо, и какие неожиданности здесь могут подстергать человечество?

Миную вопрос о клонировании, поскольку пока здесь речь идет, прежде всего, о животных, коснемся лишь сложнейших этико-медицинских вопросов, связанных с пересадкой человеческих органов. Чисто технически современная медицина здесь способна творить чудеса. Однако, дарующие спасение органы должны изыматься своевременно и в то же время в

идеале лишь в тех случаях, когда либо того, у кого их изымают уже не вернуть к жизни, либо, когда кто-то близкий жертвует что-то для дорогого ему человека. Но в первом случае встает вопрос об определении четких границ жизни и смерти – тех границ, которые не позволили бы превратить спасительное для одних изъятие органов в убийство тех, кто оказался невольным донором. Появились даже, дополненные фантазией размышления о возможности похищения людей и, прежде всего, детей для того, чтобы использовать их в качестве объектов торговли человеческими органами. Здесь уже собственно медицина буквально «упирается» в проблемы морали, нравственного состояния общества, в котором деньги оказываются высшей ценностью и всемогущей силой.

Литература.

- 1 Михайлов Н. Бизнес на здоровье людей. – Здоровье, 1984, №2.

Посеешь привычку, пожнешь ... судьбу?

Особый комплекс проблем - это проблемы, сопряженные с индивидуальными пристрастиями и болезненными привычками, которые способны угрожать здоровью самого социума, когда начинают становиться массовыми. Коснемся только наиболее значимых и обсуждаемых – это чрезмерное пристрастие к алкоголю, табаку, наркомания и игромания – явление не новое, но обретшее новые формы с появлением «безруких бандитов» или игровых автоматов. И это при том, что с древнейших времен люди подметили опасность такого феномена, как пьянство. Спартанцы, знаменитые не только своей воинской доблестью, но и емкими, лаконичными высказываниями, придумали даже очень эффективный для их социума способ воспитания молодежи. Периодически они поили до скотского состояния илотов и демонстрировали их подрастающему поколению с намеком: «Неужели же и Вы хотите быть похожими на рабов?». На вопрос же о том, почему спартанцы мало пьют, один из них, по Плутарху, остроумно отвечал: «Мы хотим, чтобы не другие думали за нас, а мы за них».

У ряда народов принятые правила поведения особенно предохраняли от «пьяного зачатия». Так в Спарте и Карфагене супругам в день свадьбы запрещалось пить вино. Подобные обычаи существовали и других народов.

Но, несмотря на все это, пьянство оказалось одним из опаснейших бичей человечества. Сегодня, при нынешней технике, скоростных автомобилях и т.п., оно оказывается еще более пагубным, унося и жизни многих совершенно случайных людей, превращаясь в своего рода смертельную рулетку на дорогах и даже тротуарах, когда пьяные водители способны убить и изувечить и тех, кто, ничего не ожидая, может оказаться на злосчастной автобусной остановке.

Однако уже не случайные, а вполне предсказуемые жертвы появляются тогда, когда речь заходит о потомстве. Известный в советские годы писатель-публицист З.Балаян среди множества других упоминает трагическую историю мастера, с которым за его труд благодарно расплачивались коньяком. Плата оказалась роковой, и этот мастер – золотые руки стал отцом четырех слабоумных детей. Когда он узнал подлинную причину своего горя, то, не выдержав, покончил с собой. (1, сс.364 – 371) Подобная связь между пьянством родителей и здоровьем потомства, прослежена специалистами разных стран. Так, во Франции изучили приют для идиотов, в котором за 1880 -1895 годы побывала тысяча детей. У 471-го из них пьяницей был отец, у 84-х – мать, у 65 – оба родителя. (2, с.2). По расчетам же академика Ф.Г.Углова, только в СССР в 80-х годах прошлого века «из-за алкоголя ежегодно рождалось 110 – 120 тысяч дефективных детей». (3, с.148)

Даже там, где по воле счастливого случая семьи алкоголиков поначалу избегают пьяного зачатия, все сокрушающий яд необузданного питья дает о себе знать. По наблюдениям французского специалиста Морреля, охватившим жизнь четырех поколений, страдавших от алкоголизма, «в первом поколении (наблюдалась) нравственная испорченность, алкогольные излишества. во втором – пьянство в полном смысле слова; представители третьего поколения страдали ипохондрией, были склонны к убийству, самоубийству. в четвертом – тупость, идиотизм, бесплодие...» Перед глазами словно проходят кадры фантастического фильма ужасов: лицо, на котором миг за мигом все выпуклее проступают черты убийцы, маньяка, идиота- все возрастающая плата за духовное падение.

И проблема тут не только в масштабах явления, а и в ином. Сегодня, когда СМИ активно призывают брать на воспитание детей, брошенных своими родителями, насущным оказывается вопрос о том, кем были эти родители, какова может быть наследственность тех, кто взят на воспитание, и как возможные

негативные следствия образа жизни тех, кто бросил своих детей смогут проявиться у тех, кто обретает новых родителей и новую семью? Вполне понятно, что семейные детские дома и усыновление детей могут и должны приносить благие плоды. Но, чем масштабнее будут эти феномены, тем более серьезного внимания к себе будет требовать и обозначенная здесь проблема.

Вполне понятно, что отсутствие не просто трезвого образа жизни, но и того, что называют «культурой питья», сказывается и на здоровье самих пьющих, и это не только подрыв здоровья чрезмерными дозами алкоголя, но и пьяные драки, травмы и увечья. Один из грустных примеров подобного – участь костанайского поэта, потерявшего из-за пристрастия к зеленому змию почти богатырское от природы здоровье, ибо, перебрав, мог заснуть, где попало.

Но тут очень важно не просто демонстрировать цифры и отдельные примеры, а вести то, что можно было бы назвать «разумной политикой в отношении алкоголя», потому что одними запретами, жесткими ограничениями проблема не может быть решена. Уже современные исследователи, такие, как россиянин А.Коротаев, отмечают связь высокой смертности не просто с алкоголем, а именно с крепкими напитками. В частности, «аномально высокую смертность взрослых мужчин в Шотландии ученые объясняют пристрастием к виски». (4, с.71)

Остановившись более подробно на пристрастии к алкоголю, мы лишь заметим, что еще более страшным бичом последних десятилетий становится наркомания. Да и очередные ограничения для курильщиков не беспочвенны, ибо «пассивные курильщики» и, прежде всего, члены семей страдают от пристрастий тех, кто готов курить, где угодно и с кем угодно рядом.

Литература.

1. Балаян З. Расплата. – М.: Советский писатель, 1986.
2. Балаян З. Завтра будет поздно. – Комсомольская правда, 27 января, 1983 г.
3. Углов Ф.Г. Наш современник. – 1967, №7.
4. Попов М. Планы коротки. Почему пенсионеры – не обуза, а благо для экономики. – Аналитический деловой еженедельник «Ведомости». Smart money. -25.05, 2006

Каков он, «здоровый образ жизни»?

Казалось бы, ответ очевиден: здоровый – это такой образ жизни, когда человек, лишенный вредных привычек, старается избегать стрессов и ведущих к ним конфликтных ситуаций. Но, если отказ от «вредных привычек» – дело достижимое и вполне подвластное развитой воле целеустремленного индивида, то очень многие иные составляющие здорового образа жизни от отдельного человека мало зависят. Конечно, можно пытаться следовать расхожему правилу: «Плюнь на все и береги здоровье» либо пытаться «отключаться» в ситуациях, когда от тебя самого мало что, а то и совершенно ничего не зависит: во время стояния в автомобильных пробках, ожидания на автобусной остановке или на аэровокзале при задержке рейса и т.д., и т.п. И эти попытки, особенно с привлечением мирового опыта, могут быть не бесполезны. Но подобная тактика не всеохватна. Если вы – не буддийский монах, если вы – в гуще жизни, то ни внешне, ни внутренне вы не можете абсолютно отстраниться от нее.

Поэтому здоровый и одновременно деятельный образ жизни подразумевает способность овладевать собственными желаниями, страстями, сражаться с неумением вовремя остановиться и т.д., и т.п. Иными словами, здоровый образ жизни – это образ жизни, органичный для индивида. Естественный, как дыхание. Во вторых, это такой образ жизни, при котором здоровье (как ни парадоксально!) играет, как уже упоминалось, служебную роль. Речь здесь не идет о самопожертвовании матери или бойца, типа героя Николая Островского (хотя и без таких людей ни один социум не способен выжить, особенно в периоды тяжелых испытаний). Речь идет о внутреннем стержне и цели, которая, не будучи направленной на самого себя, косвенно помогает сохранять силы и саму жизнь в самых критических ситуациях. Рассказывая о трагической истории блокады Ленинграда, Даниил Гранин заметил, что бывало всякое, но, по его наблюдениям (а ведь он не только сам пережил блокаду, но и стал одним из авторов, собиравшейся по крупицам «Блокадной книги»), чаще выживали те, кто заботился о других. Такая забота оказывалась стержнем, придававшим смысл человеческому существованию в самых нечеловеческих условиях. Этот внутренний стержень мог и может немало значить и тогда, когда человек остается один на один с давящей его надчеловеческой силой. Известно, что ряд тех, кто прошел казематы и ссылки во времена царизма, несмотря на выпавшие на долю таких людей

испытания, жил довольно долго. Точно так же, долго жили и некоторые из тех, кто прошел лагеря времен «культы личности». Одним из них стал уникальный человек, преподаватель Костанайского пединститута, Марк Абрамович Мейлахс, проживший почти 94 года. Представляется крайне важным то, что, пройдя через земной ад, он сохранил внутренний свет, не озлобился, а, наоборот, излучал добро и, может быть, несколько по донкихотски, сражался за это добро словом преподавателя и лектора. И чем было бы человечество без таких вот Дон Кихотов?, которые не ради чина, не ради галочки сражаются за добро?

Итак, мы видим, что здоровый образ жизни – это образ жизни, наполненный внутренним смыслом и постоянной деятельностью, будь это работа над собой или создание, возвращение чего-то вне себя. Это такой образ жизни, когда, подобно старику из притчевой истории, человек сажает яблоню, плоды которой будут есть другие.

Очень значимой представляется и внутренняя готовность к испытаниям, которая неотделима от «многоканальной связи» с миром. Что здесь имеется ввиду? – То, что, при всей необходимости следовать правилам осторожности и благоразумия, избегать наиболее опасных для здоровья и самой жизни ситуаций, никто не застрахован ни от болезней, ни от травм. И тут очень важно, чтобы у отдельно взятого человека были не только те, кто способен поддержать его, но и внутренние резервы, позволяющие переключаться с одного вида деятельности (ставшего, порою временно недоступным), на другой или другие.

Личные наблюдения за теми, кто стал жертвой дорожных происшествий, травм или вынужден был переносить серьезные операции по иным причинам – то есть нередко оказывался прикованным к постели, побудили авторов задуматься над тем, как переносят такого рода ситуации люди умственного, физического труда и спортсмены. Наблюдения не всеохватны. Они лишь предлагают пищу для собственных сопоставлений и размышлений. Но что же бросилось в глаза? – То, что в такого рода драматических ситуациях легче адаптируются не физически самые крепкие, а люди активного, творчески насыщенного умственного труда. Почему? – Можно предположить, что, как в камере, так и в больничной палате, легче тому, у кого не просто более богат внутренний мир, но и сама его деятельность в значительнейшей мере является деятельностью внутренней – мыслительно-духовной. Когда же танцовщица, спортсмен или сантехник, слесарь попадают в палату, они оказываются целиком

оторванными не только от привычной среды, но и от тех видов деятельности, которыми жили. Так, если писатель, ученый, сценарист и т.д. способен и в больничной палате либо творить, либо жить тем запасом, которым одарило его творчество, то спортсмену гораздо тяжелее. Битвы с травмами ведутся во имя восстановления. Если же полное восстановление невозможно, то не только внутреннее наполнение, но и цель исчезает. Надо круто менять жизненные ориентиры, что очень и очень нелегко.

Поэтому-то, когда рассуждают о философии, художественной культуре, художественной литературе, как о всем том, что в наше сугубо меркантильное время, вроде бы, вторично, и не имеет особого практического значения, то, пожалуй, серьезно ошибаются. Такого рода рассуждения и споры напоминают забавную шутку, связанную с выражением «Зачем телеге пятое колесо?», - миниатюру, появившуюся в свое время в журнале «Юность». В миниатюре, вспомнившая это расхожее выражение, телега преспокойно отправилась в путь. Пока дорога была гладкой, все было прекрасно. Но на первом же ухабе одно из колес сломалось. А пятого-то – запасного не было. Вывод: «прописные истины, как вы хороши! До первого ухаба».

Не так ли философия и художественная культура, а для очень-очень многих и воспринятая сердцем, но не сводимая к ритуалам религия? Пока все гладко, они могут восприниматься, как декор, как украшение жизни. Но в периоды испытаний становятся составляющими сплава тех духовных стержней, которые помогают эти испытания переносить.

Здоровье общества, здоровье тела и дух.

Хорошо известно старое выражение: «В здоровом теле – здоровый дух». Но уже десятилетия назад было замечено, что у фашистов и наци тела здоровые, а вот дух их, с точки зрения «обычных» человеческих ценностей, здоровым никак не назовешь. Да и в наши дни не все «качки» и «крутые» - обладатели «здорового духа». И это вполне понятно, хотя дискуссионными могут быть сами представления о «здоровом духе» и «обычных человеческих», а тем паче «общечеловеческих» ценностях. Но мы здесь хотим лишь вкратце остановиться на ином – на деформации самих представлений о здоровье и красоте, деформации, связанной, как с крайними тенденциями

в моде, так и, с жиждящемся на этой моде бизнесом. Спекулируя (тут уж никуда не деться от этого слова—штампа) на реальной проблеме избыточного веса, многие СМИ в качестве эталонов фактически предлагают очень узкий диапазон признаков особой привлекательности – признаков-трафаретов, которые, то вместе с соответствующими куклами, то с конкурсами красоты стали проникать и в массовое сознание.

С одной стороны это начало приводит к тому, что частью населения полнота стала восприниматься, как порок, безотносительно от того, насколько она связана со здоровьем и телосложением, с другой - достаточно широкое распространение стали приобретать операции по коррекции внешности, включающие «исправление» лица, формы груди и т.п. Мода затронула и мужчин.

В первом случае, некоторые из них даже в объявлениях о знакомствах (причем опубликованных на русском языке. на языке народа, где красавиц «в теле» всегда было немало) стали указывать: Мне 35 лет. 184 см. образование среднее специальное, в браке не состоял, без вредных привычек, имею неблагоустроенную жилплощадь. Ищу женщину до 28 лет, не склонную к полноте...» «... «житель иркутской области, 49 лет, среднего роста со средним образованием. Хотел бы познакомиться с женщиной до 50 лет, не склонной к полноте, любящей домашний уют, возможно с ребенком...»

Что уж тогда говорить о женщинах? Для многих из них, выражаясь языком поэта, стремление к похудению стало поистине «пламенной страстью». В переводе на сухой язык статистики, прозвучавшем на страницах журнала «Мир женщины», на рубеже тысячелетий похудеть хотело 42% мужчин и 72% женщин. Кое-где эта страсть стала перерастать в своеобразную эпидемию.. Согласно опросам английского ученого Эндрю Хилла из г. Лидса, девочки младшего школьного возраста – и те озабочены избытком собственной полноты: «... около двухсот восьмилетних английских девчонок, - отмечал он, - хотят сбросить «лишний вес»... Такая же картина отмечена им и среди девятилетних школьниц, в то время, как ребята этого возраста заявили, что хотели бы быть пошире». (1, с.56)

О том, к каким болезненным последствиям это может привести, наглядно свидетельствует множество примеров появления серьезной болезни, связанной с навязчивой приверженностью к похудению. Болезнью очень серьезной, той, при которой появляются девушки- тени, доводящие себя

до того, что оказываются не просто чрезмерно худыми, но и не способными нормально питаться. О будущем материнстве в их случаях и рассуждать не приходится. А это уже не просто личная, но и социальная проблема. Зримый пример подобной худобы, которая стала обсуждаться и в электронных СМИ, мы можем увидеть в одном из целого ряда возможных описаний: «Передо мной, - пишет И.Тюрина, - сидел скелет, обтянутый кожей (31 кг при 165 см роста). Выпиравшие ключицы, лопатки, согнутая крючком спина. Макияж не мог скрыть бледности кожи. Подкрашенная узница концлагеря...» (2, с.26)

Пока еще менее тревожное внимание исследователей и обществу привлекает стремление подкорректировать собственную внешность. В принципе в этом стремлении нет ничего порочного. Не так уж много людей, которые были бы абсолютно довольны собственной внешностью, и если можно сделать нечто, что, как кажется, обладателю тех или иных зримых недостатков, повлияет на его судьбу, то почему бы это не сделать? Но и тут вступает в игру ее величество мода, за которой стоят деньги и, подчас, немалые. И, соответственно, вкусы, эталоны, которые навязываются. К примеру, хотя повсюду хорошо, красочно и популярно говорится о равенстве представителей самых разных народов, иные представительницы прекрасного пола из юго-восточной Азии, предпочитают с помощью медицинского вмешательства менять свою внешность так, чтобы она более сблизилась с европейской – вплоть до увеличения бюста и подсаживания волос на лобке.

Приходиться добавить, что, когда такого рода бизнес на «красоте» ставится на потоке, то, как и во всяком «омассовлении» появляются и издержки – операции, которые дорого обходятся пациентам не только в денежном смысле, но и в смысле здоровья. По словам московского косметолога-дерматолога Игоря Ставрова, эффектов, даваемых «уколами красоты», можно достигать и не травмируя кожу. К тому же «недавно один солидный европейский журнал опубликовал настораживающие сведения: от ботокса и диспорта в Европе пострадали 1 700 человек, из них 57 заболели ботулизмом, 24 умерли...» По мнению косметолога, причина в поддельном сырье из Ирана и Китая... Не исключены подделки и при витаминных укольчиках в кожу лица». Они опасны и здесь «Об этой процедуре, - говорит специалист, - нужно знать следующее. если вам предлагают такие укольчики за 15 – 20 тысяч тенге и обещают сногшибательный эффект, то вас обманывают: такая программа стоит не меньше 40 тысяч тенге за

одну процедуру. А для хорошего результата их надо сделать три» (3, с.20)

Как видим, и здесь мода и материальная заинтересованность не всегда совместимы с заботами о реальном здоровье. А ведь это – лишь несколько примеров, иллюстрирующих проблему, которая гораздо шире, чем здесь представлена.

Литература.

1. Приговор кукле Синди. – Караван, 27 сентября 1996 г.
2. Тюрина И. Смертельная мода. Караван, №34. 1997.
3. Баронова Г. Красота – желательно без жертв. – Караван 21 февраля (№7) 2014).

Духовность, безопасность и... экономика.

В начале января весь мир облетело сообщение о чудовищном происшествии в столице России. Случилось это в одной из московских школ. Ученик старшего класса, круглый отличник, получив четверку по географии, взяв ружье отца, вошел в школу. Безоружный по сути охранник был бессилен. Он сумел лишь нажать тревожную кнопку, чтобы вызвать полицию, а тем временем ученик вошел в класс и двумя пулями поразил насмерть педагога, посмеявшегося поставить ему «не ту оценку». Когда же подоспела полиция, он, стреляя сквозь двери, убил одного из полицейских и тяжело ранил другого. Двадцать же учеников, по сообщению СМИ, стали заложниками, пока подоспевший отец не уговорил сына сдаться.

Шок ... Впервые в России произошло то, чем до этого была печально знаменита Америка. Естественно, сразу же зазвучали вопросы, что же делать, чтобы подобное не могло повториться или же риски были сведены, хотя бы до минимума. Трагическое событие породило очередную шумную дискуссию и в известной телепередаче «Пусть говорят» с Андреем Малаховым. (1, с.10)

Проблема личной безопасности и в самом деле в ряде стран встает последние десятилетия все острее. А если присовокупить к киллерству, фактам насилия, подобным, случившемуся в школе, еще и трагедию Беслана, взрывы, конца 2013 г. в Волгограде и др., то острота ее начнет обретать сюрреалистическую, чуть ли не апокалипсическую наглядность. И дискуссии, связанные со стремлением в поисках выхода

глубже осмыслить проблему, вполне понятны. И вот тут-то представляются показательными некоторые, крайне значимые акценты, сделанные уже в популярной передаче. Шумели о запрете на оружие, о юридических ограничениях. психолог, что-то мудрено и книжно тараторила о снятии страхов... Это, с одной стороны. А с другой? - Очень много (так и бывает ли мало, если это – ток-шоу?) было сказано о собственно охране. Зазвучали голоса о том, что школьные охранники должны быть не мужичками, подрабатывающими к пенсии, а представителями МВД. Вспыхнуло, но, правда, было тут же погашено предложение о введении у входов рамок с металлоискателями.

Но, увы, если нет рамок в головах, никакие рамки и металлоискатели сами по себе кардинально не решат проблему. Более того, подобно тому, как одной из причин краха СССР называют то, что он не выдержал все более дорожающей гонки вооружений, и современное общество может не выдержать гонки за уже внутренней безопасностью граждан. Вдумаемся только, насколько более дорогостоящей в сравнении с жизнью еще недавних десятилетий стала обычная жизнь в России и Казахстане! Дорогостоящей именно в плане средств, тратящихся на то, что связывается с обеспечением безопасности. Будь то учебное заведение, пункт обмена валюты или многое, многое иное – обязательно охрана, а зачастую и турникеты (кое где и электронная система пропусков), видеокамеры. Уже одно только это с каждым годом дорожает. А реально ли при входе в каждую школу, в каждую поликлинику, больницу и т.д., и т.п. посадить хорошо подготовленного, да еще и неусыпно бдительного милиционера? – Ведь, когда дело доходит до оружия, особенно огнестрельного, то, как правило, выигрывает тот, кто первым направляет его на другого. К тому же, тот, у кого оружие и преступный замысел, вполне может, улучив подходящий с его точки зрения момент, использовать это оружие и за пределами охраняемого объекта. А к каждому столбу полицейского и спецназовца не приставишь

Иными словами, лишь постоянным увеличением затрат на безопасность всеобщей безопасности не обеспечишь. И вот тут-то мы выходим на вопросы духовной жизни социума, организации самой системы образования и индивидуально групповых тренингов на тех же уроках ОБЖ – ибо знать теоретически и уметь, порой «на автомате» и полуавтомате среагировать на нечто – это совершенно разные вещи. Вспомним, как в романе «Война и мир» Льва Николаевича Толстого, знакомого с войной

не понаслышке, в битве под Аустерлицем, столкнувшийся с французом Коля Ростов, вместо того, чтобы выстрелить, бросил во врага пистолет и побежал. Разве его не учили стрелять? – Учить-то учили, да боевого опыта не было – отсюда и неожиданная для него самого реакция. Не случайно, уже в наше время, тех, кто проходит спецподготовку, погружают в экстрим», к примеру, обкатывают танками. Потому, что одно дело теоретически знать, что, оказавшись между гусеницами этого чудовищного монстра, можно остаться живым и невредимым, а, когда тот проедет, еще и бросить сзади гранату, другое – пройти соответствующий тренинг. В том числе, и психологический. И, возможно, надо учить не только прятаться, вовремя убежать, но при возможности (которую уже саму по себе угадать непросто), и нейтрализовать потенциального преступника. Может быть, тут крайне важно, было бы уже специалистам, рассмотреть траекторию движения будущего убийцы. Ведь и в этом, и в некоторых подобных случаях, потенциальный преступник оказывается движущимся по отношению к кому-то боком или даже спиной. Другой вопрос, что в пределах учебного заведения, помещения, заполненного людьми, даже случайный выстрел во время схватки может оказаться крайне опасным для окружающих. Поэтому здесь речь идет не столько о конкретных рекомендациях (их вправе давать лишь специалисты), сколько о развитии навыков, позволяющих реже теряться при самых неожиданных ситуациях. Но это частный, хотя и жизненно важный вопрос.

А что же не частное? – Это та атмосфера, тот мир ценностей и ориентиров, в который погружаются современные «развитые» социумы. С одной стороны – постоянная ломка табу и всех тех нельзя, которые вырастают в подсознание, а с другой – инфантильность, рождаемая все более дробящимися функциями, отдельных членов общества. когда, к примеру, в российской деревне могут искренне возмущаться тем, что власти ничего не делают для сдерживания «бродячих собак», поедающих кур у домохозяек. Здесь очень важно проанализировать не просто настроения, но и объективные основы того, что далеко не сводится лишь к собственно инфантильности.

И, конечно же, принципиально то, что творится с образованием и в каком положении оказывается учитель. Разве выстрелы в московской школе – первый случай, когда в той же России ученик поднимает руку на учителя? Разве не было покушения, но только с ножом? Разве не обошли всю Россию

кадры издевательств над старой учительницей физкультуры? И только ли это? Так что трагически ново здесь лишь огнестрельное оружие в школьных стенах.

Мы уже касались проблем образования. Но попробуем еще раз коснуться их, именно в свете этих драм и трагедий. Опять-таки, образно говоря, у них, как и у черного ворона Эдгара По, два мрачных крыла. Первое – это положение учителя. Второе – ситуация с воспитательной работой. Мы хорошо знаем, проблемы с оплатой учительского труда, и эти проблемы, так или иначе, попытаются решать, и в России, и у нас в Казахстане. Но гораздо страшнее узко материальных проблемы проблемы организационного характера. Современный учитель все более погружается в бездны электронно-бумажной работы, когда на человеческое общение с учениками остается все меньше и меньше сил. Загруженный имитационными видами деятельности, которые включают множество работ по оформлению отчетов, а «где-то» и электронные дневники» и т.д., и т.п., такой учитель становится внутренне все менее и менее свободным. Но какой воспитатель из затурканного человека, постоянно выматываемого бесконечными проверками того, что слишком уж часто имеет очень мало отношения к реальному обучению? И подумал ли кто, что те самые «электронные дневники», которые при современном знакомстве молодежи с компьютерами, могут стать тем фактором давления на психику, который сможет усугубить восприятие нежелательной отметки?

С другой стороны, уже ученики поглощаются погоней за баллами, за внешним и, опять-таки, что можно хорошо проследить уже по студентам, в массовом порядке утрачивают реальные критерии оценки того, что они делают. Все это вместе взятое чревато серьезнейшими угрозами для жизни любого социума.

Литература.

1. Вполне сознавая, что речь идет лишь о газетной версии происшедшего, тем не менее, в качестве примера воспроизведем здесь отрывок из статьи Риммы Ахмировой «Стрелок-отличник», опубликованной в «Собеседнике» за 12- 18 февраля 2014 г. По словам автора, подросток, Сергей Гордеев, хотел совершить самоубийство, а стал убийцей. «Мальчик объясняет свой поступок очень странно, хотел донести до одноклассников свои взгляды, мысли, жизненные ценности, - рассказал ... государственный защитник... Он и

на допросе говорил больше не о погибших, не о содеянном, а о смысле жизни, смерти, Боге, жизни после смерти. Он не плакал. Честно понимал и сознавал, что он сделал. Он рассуждает очень логично, но уж очень нестандартно. Видно, что развитый мальчик, но странный. Он, например, попросил суд отпустить его к родителям, хотя понимает, что убил двух человек. Сразу после задержания говорил, что не хочет жить и изначально планировал себя убить, но ему не дали это сделать. Потом в суде от этих слов отказался. Учитель географии, по словам Гордеева, стал случайной жертвой, так как хотел отобрать оружие. То же самое и полицейский».

Очень показательны и довольно типичны, данные в статье ссылки на Интернет. В Интернете, - отмечает автор, - уже появилось несколько сайтов, названных именем Гордеева, где школьники и взрослые пытаются разгадать, как такой отличник стал убийцей. Если полистать контакты самого Сергея Гордеева, то нетрудно увидеть интересы его товарищей: компьютерные игры-стрелялки, увлечение нацистской символикой и гомофобские настроения...

Можно ли было предотвратить то, что произошло в 165-й школе? В Москве уже начали перетрясать службу школьных психологов, подсчитав, что один специалист может уделить школьнику только 20 минут в год... А оружие и стрельба для современных подростков не являются чем-то запретным и невозможным – по статистике к 18 годам ребенок видит на экране телевизора и компьютера уже до нескольких тысяч убийств. Это картинка на грани обыденности, к которой мозг ребенка уже привыкает.

Эта история – чистая психиатрия,- считает семейный психолог Борис Новодержкин. – Вполне возможно, что никаких признаков до этого не было, а все произошло внезапно: проснулся, взял ружье и пошел в школу. Тем более, что суицидальные настроения и темы уже распространились в подростковой среде. Этот случай вряд ли можно было заранее спрогнозировать – скорее всего – это внезапная вспышка болезни. Но можно предотвратить другие, от которых, как мы видим, совсем не застрахованы российские школы».

Образование и воспитание – душа духовности?

Так мы вплотную подошли к проблемам образования, которые, наверное, с невиданной прежде остротой встали именно в наше время, что обуславливается как объективными особенностями самой «информационной цивилизации», так и целым комплексом субъективных факторов, которые, в тоже время, действуют по отношению и к воспитателю, и воспитываемому, как сугубо внешняя и зачастую давящая сила.

Однако отложим пока совместный разговор о проблемах современного образования и воспитания, так как они не отделимы от проблем именно современной духовной и материальной культуры в целом, а коснемся лишь историко-философской их грани.

Вся же история человечества, как и то, что мы знаем о мире животных, свидетельствует о том, что воспитание, обучение, образование являются стержнями, позволяющими сохранять и укреплять род, этнос, социум. Это – формы передачи индивидуального и социального опыта, то, без чего не было бы ни человечества, ни отдельных народов. Уже хищники учат своих детенышей охотиться. Медведица же может шлепком показать медвежонку, где опасность, а взрослый олень наклоненными рогами разогнать сцепившихся драчунов-оленят. В целом же воспитывает и обучает то, что многократно исследовалось и уже упоминалось – сама жизнедеятельность взрослых и заложенная в малышах с рождения тяга к подражанию, повторению, пусть неумелому и очень своеобразному, того, что делают взрослые. Поглядите на нынешних крох, которые видят, что родители проводят время у компьютера или с кем-то говорят по скайпу – и вы увидите, как агукающие ползунки целеустремленно, по пластунски, устремляются к ноутбукам и, достигнув цели, жмут и жмут на клавиатуру, так, словно они заняты самым серьезным на свете делом.

Вполне понятно, что в воспитании, обучении издревле огромную роль стали играть семья, а также род, племя и заменяющие их социальные институты. Поскольку же специальных учебных заведений поначалу не было, то задачи обучения целиком осуществлялись представителями рода. Таким образом, закреплялось профессионально социальное расслоение общества. Одни из поколения в поколение осваивали искусство пряж и ткачей, другие гончаров, третьи – оружейников со всеми секретами того или иного мастерства.

С появлением же цивилизации, письменности и фиксируемых с ее помощью текстов – материальных носителей сгустков информационно духовной культуры – появилась и потребность в особых учебных заведениях, где обучением бы занимались специально подготовленные люди. Поскольку древнейшие из известных на сегодня цивилизаций – это цивилизации Двуречья и Египта, постольку попробуем именно на их примере рассмотреть отдельные стороны образования людей далекого прошлого.

В древнем Египте государственные образования стали появляться примерно пять тысяч лет назад. Создание государств-номов, а затем и единого государства требовало учета. Поддержание же жизни – строительства ирригационных сооружений, которое, в соответствии с религиозными верованиями дополнялось масштабнейшим строительством пирамид, грандиозных храмов и иных сооружений, создание которых было бы невозможно без овладения значительными знаниями и умениями. Поэтому образование в Египте очень ценилось.

Основой образования было умение читать и писать. Как известно, египтяне использовали не буквы, а, возникшие на основе схематизированных рисунков, **иероглифы**. Правда, само это слово не древнеегипетского, а греческого происхождения и происходит от греческого слова *хиерос* – священный. Сам факт того, что какие-то черточки и завитки несут знания, казался столь изумительным, что письменность стала пониматься, как «слово Бога».

Иероглифов было много – более семисот. И все их надо было запомнить. Поэтому учеба в целом длилась довольно долго – 12 лет. Высшая ступень обучения называлась Дом Жизни. Кроме грамоты изучали математику, медицину, астрономию и астрологию. Астрологов называли зрячими, ведь они могли предсказывать время разливов Нила и, как верили, ход исторических событий. Учили и языки других народов, например, вавилонский.

Глубокими были и медицинские знания египтян, ведь мумифицирование тел, предназначенных для вечности, позволяло скрупулезно изучать анатомию. Поэтому-то, как пишут сегодня, «древние египтяне были первоклассными хирургами». Об этом, в частности, свидетельствует кладбище, обнаруженное археологами в районе пирамид в Гизе, где найдено двадцать могил простолюдинов, живших 4600 лет назад. «Специалисты

считают, что это захоронение строителей пирамид. Изучение одного из скелетов говорит о проведении самой древней из известных в мире операции ампутации. Лишившись ноги, древний египтянин прожил еще четырнадцать лет... Другой... перенес сложную хирургическую операцию головного мозга». (1, с.31)

Материальными носителями информации были камни и свитки папируса – предшественники современных книг. Любопытно, что само слово «папирус», как и «иероглиф» греческого происхождения и происходит оно от «папиур», что в переводе означает «речной, нильский». Так называлось болотное растение, из стеблей которого делали склеивающиеся полоски. Так получались свитки. Самый длинный, известный современной науке свиток – 40,5 м. На нем записаны дары, принесенные различным храмом фараоном Рамзесом III. Интересно, что название бумаги на ряде европейских языков восходит к слову папирус. Отсюда же такие слова, как «папироса» и «пресс-папье». (2, сс. 72 – 76)

Но древнейшая письменность, видимо, все-таки, возникла не в Египте, а в Двуречье. Принято считать, что произошло это на рубеже четвертого – третьего тысячелетий до н.э. Родилась она из все упрощающихся рисунков – пиктограмм и 4,5 тысяч лет назад насчитывала 600 знаков, многие из которых имели несколько значений.. Просуществовала эта письменность около трех тысяч лет почти до начала нашей эры. Называлась же она, как хорошо известно, клинописью, потому что писали на глиняных табличках, знаки на которых выдавливались палочками и походили на клинышки.

Большое развитие получили в Двуречье математика, астрономия. Была распространена астрология. Это звучит банально и сухогато. Но все ли знают, почему при господстве десятиричной системы, тем не менее, в часе не сто, а шестьдесят минут, а в круге 360 градусов?- Потому, что так было в Двуречье, где цифру шесть считали счастливой, счастливыми считались также включавшие шестерку цифры 12 и 36. Календарь здесь был солнечно-лунным, а начало новых суток начинали отсчитывать с наступлением темноты. Развивалась в Двуречье и медицина. Источники сообщают, что при Хаммурапи уже умели бронзовым ножом снимать катаракту с глаза.

Как видим, обучение, образование значили уже в древнейшие времена очень много и для индивида, и для общества. Правда, хотя мы и относим образование к сфере духовной деятельности,

сами мотивы, стимулы получения образования, как и в наши дни, далеко не всегда были сугубо идеальными. Узкий практицизм, который мы нередко корим, отнюдь не исключительная черта нашего времени. В дошедшем до нас древнеегипетском наставлении отца сыну сопоставляется множество профессий, тяжелых, вредных для здоровья и изнуряющих дух, тогда как профессия писца – это и профессия, освобождающая от тяжелого труда, и дающая при этом немало привилегий. В данном отношении необычайно интересен древнеегипетский текст времен Среднего царства, вошедший в историю, как поучение Хети... своему сыну Хепи Автор «Поучения» восклицает: «О, если бы я мог заставить тебя полюбить книги больше, чем свою мать, если бы я мог показать красоты их перед тобой». Как видим, вступление дышит поэзией. Однако мотивация сугубо прагматична. Деятельность писца значима именно своей практической ценностью - должност писца «лучше всех должностей»... Когда он (писец) еще ребенок, уже приветствуют его. Посылают его для исполнения, и не возвращается он, чтоб надеть передник».

А что другие занятия? – Совсем не то. «Не видывал я, вразумляет отец своего сына,- скульптора посланником или ювелира посланником, но я видел медника за работой у топок его печи. Его пальцы были, как кожа крокодила, и он пахнул хуже, чем рыба икра».

Каждый ремесленник, работающий резцом, устает больше, чем землелашец. Поле его – дерево, оружие его – металл. Ночью, когда свободен он, он работает больше, чем могут сделать его руки...

Каменотес ищет работу по всякому твердому камню. Когда же он кончает, руки его падают, и он утомлен...

Брадобрей бреет до вечера... Он бродит с улицы на улицу, чтобы найти кого побрить. Он напрягает свои руки, чтобы пополнить свой желудок, подобно пчелам, поедающим свои труды...»

А строитель? – «Он постоянно болен, так как предоставлен ветрам, строит он с трудом», привязанный к верхушкам колонн... «все одежды его – лохмотья... Хлеб отдает он домой, избиты, избиты его дети».

У земледельца одежда вечная. Высок голос его... Устает он... и спокойно ему так, как спокойно кому-нибудь подо львом. Болеет он постоянно. И едва он возвращается домой вечером. ему вновь надо идти.

Ткач – внутри дома, хуже ему, чем женщине. Ноги его на желудке его. Не дышит он воздухом. Если за день не выработает он достаточно ткань, он связан. как лотос в болоте. Дает он хлеб привратнику, чтобы мог он видеть свет...

У красильщика пальцы издают зловоние, как от дохлой рыбы... руки его не останавливаются.

Сандальщику совсем плохо, он всегда нищенствует. Ему так же спокойно, как спокойно кому-либо среди дохлых рыб. Жует он кожу.

Прачечник стирает на берегу рядом с крокодилом... Не спокойное это занятие... Говорят ему, если ты опоздаешь принести, будут избиты твои губы».

А рыбак? – «... достается ему хуже, чем во всякой другой должности. Смотри, разве не работает он на реке попеременно с крокодилами...»

Перед нами явно не Маяковский, по которому «все работы хороши – выбирай на вкус!». «Трудовое воспитание» в более позднем смысле этого слова совсем не входило в планы автора поучения. Задача его иная: продемонстрировать минусы самых разных видов деятельности для того, чтобы ярче оттенить значимость образования: «Смотри, нет должности, где бы не было начальника, кроме должности писца, ибо он сам начальник». (3, с.с.55 – 56) Прошли тысячи лет. Сменились многие профессии. А мотивация заботливого папаши звучит паразитально современно.

Но египтянами прославлялось не только это. Труд писца, как писал древнеегипетский автор – путь в тысячелетия, практически в вечность:

«Мудрые писцы...

Их имена сохранились навеки.

Они ушли, завершив свое время.

Позабыты все их близкие.

Они не строили себе пирамид...

Не оставили после себя наследников,

Детей, сохранивших их имена.

Но они оставили свое наследство в писаниях,

В поучениях, сделанных ими...»

Книги значимей пирамид.

«Стань писцом, заключи это в своем сердце,

Чтобы имя твое стало таким же...

Написанное в книге возводит дома и пирамиды
в сердцах тех,
Кто повторяет имена писцов,
Чтобы на устах была истина» (4, сс.89 – 91).

Правда учеба бывала очень нелегкой, а то и мучительной, о чем красноречиво говорит уже табличка, считающаяся написанной учеником шумерийской школы, именованной «домом табличек» ; (5 сс.10 – 11), в котором воспитатель красноречиво именовался «человеком с хлыстом».

Но, как бы то ни было, грамотность и знания, включая и знания священных текстов, магических формул и т.д., чрезвычайно ценились, и вполне естественно, что, как всякая ценность, подлежали строгой охране.

Так Марк Твен в своей книге «По Экватору» обращает внимание на то, что согласно «Законам Ману» в Древней Индии чтение и слушание текстов священных книг было привилегией лишь представителей трех высших варн. Если шудра осмеливался слушать «Веды», его уши надлежало залить кипящим маслом.

Жестокость древнеиндийских законов и жесткая реакция ветхозаветного Бога на действия Адама и Евы, сорвавших по наущению змея-искусителя запретный плод с древа Познания, будут вполне понятны, если мы вспомним, что в раннеклассовых обществах (и далеко не только в них) зачатки научных знаний, так же, как секреты мастерства при овладении теми или иными ремеслами либо изучение определенных приемов владения оружием, были «собственностью» очень ограниченных групп людей. ведь знания или же претензии на обладание знаниями давали такую власть, которая может быть соизмерима только с властью, даруемой силой оружия. По словам мексиканского ученого Альберта Руса, «за исключением медицины, все науки майя, монополизированные правящим классом, служили, в конечном счете, орудием господства этих классов над темным и необразованным народом. Все научные знания, записанные в иероглифических текстах, могли быть истолкованы лишь образованными специалистами-жрецами. Жрецы «знали» все, что случалось раньше и что должно было случиться.

Знание календарной системы и умение пользоваться ею, предоставляло жреческому классу неограниченную власть. Они могли сеять и надежду и страх. Подчинение народа было поистине абсолютным». (6, с.162)

Такую власть имело жречество и во многих странах Древнего мира, и в ряде регионов Земного шара в куда более поздние времена. Что же касается, непосредственно древности, то исключение, пожалуй, составлял ряд античных социумов и Древний Китай, где уже в начале второго тысячелетия до н.э. «наблюдениями неба» занимались не жрецы, а «специалисты-астрономы» - своего рода чиновники, находившиеся на государственной службе. Их обязанностями было наблюдение необычных небесных явлений и соответствующие расчеты положений тех светил, которые, как верили, влияли на судьбы правителей и царств, вверенным им самим небом. Особым пиететом пользовалась астрология, сплавленная с элементами астрономических знаний. По словам блестящего автора научно-популярных работ английского журналиста Н.Колдера, «знать точное расположение небесных тел в момент зачатия принца, было совершенно необходимо для определения его будущего жребия». (7, с.23).

Правда, в определенных отношениях статус китайских ученых чинов был не так высок, как статус жрецов. И это понятно: чиновник есть чиновник и потому его особа менее сакрализована, чем особа жреца. В случае халатного отношения к своим обязанностям такого рода госслужащие могли подвергнуться самым суровым наказаниям, курьезный пример чего мы встречаем в одной из древнекитайских книг. Речь шла о затмении солнца, которое проморгали два ответственных специалиста: «Астрономы Хи и Хо, - сообщает китайский летописец, - Они предались непомерному пьянству, забыли всякую добродетель, забросили свою должность и оказались ниже своего высокого звания. Они впервые нарушили годовое вычисление небесных светил, и в последний месяц осени, в первый день месяца, Солнце и Луна, вопреки ожиданиям, встретились в созвездии «Фанг». Слепым поведал о том барабан, бережливые люди были исполнены смятением, простой народ бежал. Хе и Хо, занимая свои должности не слышали и не знали ничего». (8, с.28)

Конечно, такой проступок был непростителен. Еще непростительней в глазах государства была любая попытка приподнять завесу тайны с хранилища знаний, которые должны быть целиком в распоряжении правящих элит. Поэтому-то в древнем Китае астрономические и астрологические знания были так же засекречены, как новейшие виды современного оружия. По императорскому указу 840 года, астрономам запрещалось

общаться «с чиновниками и простолюдинами», которым даже за занятия математикой без благосклонного решения свыше полагалась смертная казнь. (7, с.20)

Секретность же и дух таинственности создавали мистический ореол вокруг крупиц подлинных знаний, скрывая от глаз непосвященных истинные механизмы их получения. Поэтому-то, с точки зрения простолюдинов и даже многих представителей знати традиционных обществ, всякая наука была оккультной, тайной или, иначе говоря, являла собой подобие заповедной сокровищницы пещеры, чьи магические двери открывались лишь по магическому слову мудреца-чародея. Показательно, что уже в современном мире в ряде стран Африки необразованной частью населения наука воспринимается, как «магия белого человека».

Вполне понятно, что такой герметический, замкнуто-кастовый характер науки, превращаемой к тому же в вид деятельности жреца или чиновника, подчас не только ограничивал полет живой человеческой мысли, но и крайне затруднял отделение истины от суеверий. Наряду с иными причинами это вело к тому, что зарождавшаяся наука представляла собой амальгаму, смесь науки и мифа, многолетних наблюдений, точных расчетов и мистического мироощущения. И такого рода сплав, но еще более усложненный – удел не только прошлого, а, в определенной мере и настоящего, если принимать в расчет образы науки и паранауки в СМИ и современном массовом сознании.

Однако в целом, научно-техническая деятельность становилась и продолжает становиться все более значимой сферой духовной деятельности, причем именно в том буквальном понимании знаний, как силы, когда эти знания обеспечивают совершенно неоспоримые и хорошо просчитываемые преимущества при всяком противостоянии. Подобное, сугубо прикладное применение знаний, как важнейшей составляющей военной мощи было уже известно древности. Определенные виды боевых порядков, метательные и осадные орудия, навыки в сфере инженерно-технической деятельности всегда приносили ощутимую пользу. Но особенно ощутимой эта польза стала в эпоху Возрождения и Новое Время. Огнестрельное оружие способствовало и серьезнейшим изменениям в расстановке фигур на шахматной доске устоявшейся социальной иерархии. Теперь уже закованному в латы рыцарю мог противостоять не другой рыцарь или хорошо натренированный, как у англичан, лучник, а

заурядный стрелок из мушкета. Поначалу это так шокировало и возмущало, что пленным ружейщикам в Западной Европе кое-где отрубали руки: как это они смели таким нерыцарским способом сражаться на поле боя? Еще большим стал эффект от пушек. Вспомним, что еще Наполеон заметил: «Пушка убила феодализм, - и, не удержавшись, тут же язвительно добавил, намекая на современный ему бюрократизм- А чернила убьют нынешний государственный строй».

Огромную роль военно-технических знаний, которые становились сильнее и боевого опыта, а, нередко, и мужества, продемонстрировал уже девятнадцатый век. Один из наглядных образцов такого рода демонстрации – Крымская война, во время которой русский парусный флот не мог противостоять паровому флоту противника, а менее современные и менее дальнобойные ружья русских солдат превращали их в удобные мишени еще до сближения с противником. Изобретенные же несколько позже пулеметы, помогли, как считают специалисты, колонизаторам-европейцам проникнуть в глубь покоряемой Африки. Двадцатый же век уже в буквальном смысле стал войной не только армий, но и умов. Это хорошо известно; и о такого рода войне, а точнее, войнах написано очень много. Но, исходя из рассматриваемой нами проблемы, возникает очень непростой и «неудобный» вопрос: науку мы относим к сфере духовной деятельности, однако, что же это за духовная деятельность, если она, словно открытый сосуд Пандоры, чревата чудовищными бедствиями? Так, может быть, говоря о науке, было бы уместнее обходить понятия «духовного» и «духовности»? Но, с другой стороны, а всякая ли религиозная и псевдорелигиозная деятельность несет с собой благо? Разве история не знает, уже не раз упоминавшихся и здесь, жесточайших религиозных войн, костров инквизиции и т.д., и т.п.? Однако и не всякие обычаи, не всякие моральные нормы и эстетические эталоны работают на благо и индивидов, и общества. Точно так же и искусство способно нести в себе не только созидательную силу, но и мощь разрушения. И, тем не менее, все это относят к духовности.

А образование? Казалось бы (который уже раз!), что уж без образования-то мы ни о духовности, ни о культуре говорить не вправе. Не даром еще Цицерон полагал, что культура – это обработка человеческой души с помощью философии – то есть посредством совершенно определенного обучения. А в исламе можно встретить утверждение о том, что чернила ученого значимее крови мученика. Важнейшее положение, чрезвычайно

важное и для наших дней. Ведь готовность пролить свою, да и чужую кровь без должного образования и понимания социальной сути добра и зла может превратиться и в готовность совершать преступление. При всем этом чрезвычайно значимы, как характер образования, так и его качество, его уровень. Хорошо знакомый с революционной жизнью России и вдобавок проанализировавший рост числа выпускников американских колледжей в последней четверти девятнадцатого – первой четверти двадцатого веков Питирим Сорокин пришел к парадоксальному, но заставляющему задуматься выводу: «... увеличивая скорость производства выпускников университетов, облегчая процесс окончания университета, воспевая большое значение университетского образования, но обращая при этом мало внимания на нравственное образование, будучи неспособными обеспечить выпускников подходящими местами, наши университеты готовят из выпускников неудовлетворенные социальные элементы (людей, проклиняющих существующий режим, прямо или косвенно способствующих его свержению), готовые в критических условиях стать лидерами любого радикального или революционного движения... «Салонные специалисты», «красные» и «радикальные» элементы пополняются главным образом за счет этой и подобных ей групп. Чтобы приостановить возможные последствия относительного «перепроизводства» элиты или, вернее сказать, псевдоэлиты, необходимо найти для нее соответствующее место, или сделать требования, необходимые для учебы в колледжах, более строгими, или усилить действие любого другого социального «фильтра». Вместо общественной пользы дальнейшее увеличение бакалавров гуманитарных наук, магистров, докторов философии принесет только вред. Этот вывод может прозвучать парадоксальным, но, тем не менее, дело обстоит именно так». (9, с.419) Сегодня можно спорить или отчасти соглашаться с тем, что сказано, можно отмечать уязвимые места в сорокинском видении профессиональных «социальных фильтров», но для нас здесь существенно, в первую очередь, то, что Сорокин, по существу, очень остро ставит проблему соотношения нравственного и узко профессионального образования, уровня образования, его востребованности и состояния общества. Таким образом, мы видим, что, хотя образование, равно, как и все упомянутое, относится к духовной сфере деятельности, однако и оно само по себе, особенно в отдельных, фрагментаризированных его формах еще не ведет к повышению уровня духовности в обществе.

Так что же такое эта самая духовность, которая, словно океан речные воды, вбирает в себя все то, о чем мы размышляли? Не является ли она скорее модным словечком, а не научным понятием, чем-то вроде фигового листа, которым мудрено говорящие прикрывают ограниченность своего понимания сути дела? – Что ж, попробуем, не претендуя ни на открытие Америк, ни на исчерпывающий ответ, прикоснуться всерьез к определению духовности.

Литература.

1. Древние египтяне были первоклассными хирургами. – Азия и Африка сегодня, 1999, №7.
2. Древний Восток. – М.: Гос. учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РФ, 1961.
3. Цит. по: Хрестоматия по истории Древнего мира. – М.: Просвещение, 1975.
4. Лирика Древнего Египта. – М.: Художественная литература, 1991.
5. Варга Домокош. Древний восток. – Будапешт: Корвина, 1979
6. Рус А. Народ майя. – М.: Мысль, 1986.
7. Колдер Н. Комета надвигается. – М.: 1964.
8. Цит.по: Гурев Г.А. Системы мира: от древнейших времен до наших дней. – М., 1950.
9. Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.

О проблеме определения духовности.

Есть понятия, которые постоянно в ходу и тем не менее остаются расплывчато-смутными. К таковым относятся и такие важнейшие понятия, как **духовность**, **«духовное просвещение»**. Какое-то время при всей своей расхожести они были у нас в стране вообще за пределами внимания эталонной академической философии. Не будем касаться отдельных изысканий но ни в пятитомной «Философской энциклопедии», ни в «Философском энциклопедическом словаре» (Первое издание. – М., 1983) этих понятий нет. Может показаться невероятным, но в «Философском энциклопедическом словаре» отсутствует слово «душа».

Почему? – Не потому ли, что веками **духовное** прямо связывалось с религиозным. Вспомним хотя бы такие понятия,

как духовенство, духовные учебные заведения, духовные песнопения, духовная музыка.

А в «Русском философском словаре» в статье П.В.Калитина «Духовное просвещение», это понятие еще более сужается: «Духовное просвещение – совокупный процесс внутренней и внешней деятельности людей, нацеленных на утверждение в жизни христианских начал». И далее добавляется: это двуединый процесс «просветления буквой и духом «Св. писания»¹.

Даже расширив этот подход и охватив другие вероисповедания, мы пока еще все равно остаемся в пределах собственно религии. Но в таком случае вправе ли мы говорить о духовности и ее возрождении в светском государстве? И как тогда оценивать то, что называют собственно «религиозным возрождением»?

Сознавая сложность и деликатность проблемы, российские авторы стремятся подчеркнуть, что такое возрождение должно означать не погружение в мир прежних верований, а уважительное к ним отношение. По словам доктора философских наук В.Н.Расторгуева «Религиозное возрождение – продуктивный путь преодоления разрушительных культов (культов вещей, идей, вождей) в массовом сознании и восстановлении иерархии ценностей в сознании человека. При этом важно учесть, что речь идет не об обязательном обращении в веру, а о необходимости уважительного и бережного отношения к вере предков – основе основ преемственности поколений и социального мира»².

Рассуждения интересные, но и они оставляют немало вопросов. Так, к **какой** вере и **каких** предков следует относиться уважительно и бережно?

Ведь нашими предками были некогда и язычники, и христиане, либо мусульмане, а у кого-то и не только они. Каким должен быть критерий выбора той веры, к которой следует относиться уважительно и бережно? И как научиться уважать, не обращаясь в веру? Как-никак, а еще знаменитый князь Владимир не слишком-то уважительно отнесся к Перуну и его изображениям. А уж культ-то Перуна был бесспорно верой его предков. Остается неясным, и какую иерархию ценностей надо восстанавливать. Ведь социумов, где такая иерархия отсутствовала бы, просто нет.

Да и у нас самих положение ни чуть не проще, чем у древнего князя. Разве наши предки не верили в то, что солнце вращается вокруг Земли и что следует плевать через левое плечо?

А чьи-то предки с не менее искренней верой сжигали на кострах еретиков и ведьм. И та старушка, что со своей

«святой простотой» подкладывала хворост в костер Яна Гуса, тоже, вероятно, была, как и тысячи ей подобных, чьей-то прабабушкой...

Мы отнюдь не за то, чтобы очередной раз бичевать то или иное «проклятое прошлое», да еще заглушая при этом свистом бича звуки сегодняшнего дня. Мы лишь спрашиваем: какое конкретное содержание несут в себе призывы уважительно и бережно относиться к вере предков?

Ощущая трудность и многоаспектность подобных вопросов, ряд современных культурологов стремится расширить понятие духовности за пределы узко понимаемой религиозности. (В обиходной же речи, искусствоведении и т.д. мы с таким расширением встречаемся уже давно.) Так К. М. Хоруженко, автор энциклопедического словаря «Культурология», пишет: «Духовность – термин, употребляемый в гуманитарных областях знания. Д. – важнейший фактор развития цивилизации, открытия новых форм общественной жизни, соответствующих изменившимся условиям существования; преобладание в качестве духовных, нравственных, интеллектуальных качеств (ценностей) над материальными запросами, Складывается обычно в результате влияния материальной и духовной культуры»³.

Обойдем пока частокол вопросов, который порождает и это определение, и последуем далее. Так, близкую по сути, но более конкретную характеристику духовности можно встретить и в коллективной работе казахстанских авторов «Нравственно-духовное просвещение»: «ДУХОВНОСТЬ, говорится здесь, - это важнейшая вдохновенно-чувственная сторона жизни человека и человечества, это особый образ мышления и жизнедеятельности людей, основанный прежде всего на приоритете нематериальных жизненных ценностей и на участии человека в развитии таких сфер жизни, как различные виды искусства, литература, поэзия, религия, философия и т.д.»⁴

И здесь детали порождают вопросы. Всякая ли философия и всякое ли искусство свидетельствуют о духовности? Как, к примеру, тут быть с философией и искусством Третьего Рейха?

Но при этом прослеживается общее с предыдущим определением – мысль о примате нематериальных жизненных ценностей. Мысль, рожденная еще в глубокой древности и отчеканенная в Нагорной проповеди Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе ...»,

ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». (Матф. 6: 19-21.)

В культурах самых разных народов мы встречаем неоднократное варьирование и развитие той же самой мысли. Например, великий мусульманский философ-мистик Газали писал в XI веке, что добиться вечного блаженства способен лишь тот, «кто отказывается от почестей и богатств, кто избегает мирских треволнений и связей»⁵.

Но он же излагает и любопытную суфийскую притчу о хозяине, позабывшем накормить гостя, но зато предложившем усладить слух пришедшего игрою на лютне, На вопрос хозяина, какие звуки гость хотел бы услышать, тот ответил: «Шипение жаркого.»⁶

Не о том ли и русские поговорки: «Голодное брюхо к речам глухо» и «Соловья баснями не кормят»?

Вот эти-то «земные» потребности, извечная необходимость их удовлетворения и создают напряжение, следствием которого оказывается целый спектр подходов к природе и уровням духовности.

Первый, самый крайний, подход заключен в преодолении и даже отрицании, забвении материального во имя духовного – к отказу от почестей и богатств, вплоть до проповеди крайнего аскетизма, когда тяготеющий к духовности призывает, подобно Франциску Ассизскому, относиться к собственному телу, как к ослу – похуже кормить и почаще бить т.е. испытывать. Этот путь противопоставления духовного материальному, путь «ухода от мира» - крайняя реакция на постоянно вырастающую перед каждым конкретным человеком «гордиеву» проблему сплетения в реальной жизни «мирского» с его «соблазнами» и тяготения к духовному. Реакция, при которой запутанный узел стремлений разрубается мечом аскетизма и пренебрежения к материальному: «не собирайте себе сокровищ на земле», ибо нельзя служить двум господам – «Богу и богатству» (Матф. 6: 24). «... удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». (Лука 18: 25).

При буквалистском и наиболее крайнем понимании такого рода духовности многие искусства либо их конкретные формы и развлечения – «игрища» - сурово порицаются, как, например, в средневековых проповедях, клеймивших пляски: «О злое многовертимое плясание», которое «отлучает человека от Бога и во дно адово влечет.»⁷, так и в хомейнистском Иране или Афганистане при правлении талибов. И такой крайний ответ -

не просто следствие безрассудств тех или иных мракобесов, а явление гораздо более сложное.

Возможность второго подхода или второго варианта мы находим в той же Библии: «Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». (Матф. 4: 4 ; Лука 4: 4) еще ранее эта чеканная фраза звучала во Второзаконии (8 :4), где говорилось, что сорок лет Бог испытывал Свой народ в пустыне, дабы показать ему, что «не хлебом единым живет человек».

Как видим, при этом, втором подходе, духовное не противостоит материальному, а дополняет его, обогащает.

Этот, второй подход, как бы подготавливает к третьему, когда духовное – «небесное» - не просто дополняет материальное., а озаряет его, наполняет, как воздух легкие, наделяя тем самым подлинной жизнью. Более того, именно духовная полнота способна оградить человека от изнуряющих страхов за жизнь, ибо владеющему «хлебом духовным» незачем будет тревожиться о хлебе насущном: «Итак не заботьтесь и не говорите, что нам есть? Или что пить? Или во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде всего Царствия Божия и правды Его **и это все приложится**». (Матф. 6: 31- 34)

При желании можно было бы заметить, что рассуждения начинаются с птиц, которые и не сеют, и не пахут, а имеют оперенье и пищу, но глубинная суть не в этом, а в том, что материальное благополучие и спокойствие при таком подходе к духовности признается возможным лишь тогда, когда оно зиждется на высших целях и пронизано духовным светом. Здесь – ключик к «канонизирующей» труд протестантской этике, собственно трудовым и торговым успехам ряда ответвлений старообрядчества, жизнестойкости духоборов и многих иных. Так, образно говоря, определенный уровень духовности оказывается горючим, без которого любая машина (в данном контексте – социальная) превращается в бесполезную груду металла и бездействующих хитроумных соединений.

Но если мы не хотим ограничиться прекрасноречивой риторикой, то просто обязаны от рассуждений о духовности перейти к размышлениям о духе в свете истории мировой культуры.

В «Философской энциклопедии» отмечается, что понятие «дух» может использоваться в самых различных смыслах – от физиологического – «испустить дух» - до морального «боевой

дух». Но при этом в соответствии с веяниями своего времени говорится: «Дух – совокупность и средоточие всех функций сознания, возникающих как отражение действительности, но сконцентрированных в единой индивидуальности для воздействия на нее и в конце концов для переделывания»⁸.

Однако совершенно очевидно, что при своем зарождении и развитии понятие «дух» имело совсем иную эмоционально-смысловую окраску. Уже в «Библейской энциклопедии» мы встречаем упоминание целой гаммы значений слова «дух». Это и ветер – веяние воздуха, а иногда и «жизненное дыхание, как начало низшей животной жизни». Иногда этим словом называют, бесплотных духов, иногда – «души человеческие», иногда – существо Божие, духовную природу Божию», и, наконец, - различные дарования, служения и действия от Духа Божьего»⁹. В более современной литературе о духе, в частности, говорится следующее: «С помощью этого слова» в Библии «описывается преимущественно жизненность существования. В ВЗ Дух прежде всего ... выступает, как оживляющее дуновение, как ветер и дыхание. Подобно ветру в природе Д. в человеке может действовать с различной степенью интенсивности, он также может изменять человека. В этом контексте нищестие Д. становится прочной гарантией для мессианского царства мира во времена благополучия, В поэтическом обороте речи и в переносном смысле Д. – это также небесные и демонические существа, даже злой, лживый или нечистый дух...» При этом показательно, что в Новом Завете Дух и душа ни в коей мере не отождествляются.¹⁰

Интересно, что ветер в Библии, как и в мировой поэзии в целом, оказывается средоточием самых различных, порой противоположных настроений. Так он может быть не только осязаемым дыханием жизни, наполняющим человека чувством сопричастности миру и Богу, но и выражением мимолетности существующего. Знаменитое ветхозаветное, египетское, «Все – суета сует и томление духа», по мнению библеиста М.И.Рижского, в буквальном переводе должно звучать: «Все тщетно, все напрасно», так же, как и погоня за ветром – «ловля ветра.»¹¹ (сравните с вьетнамской поэтической классикой: «Человеческий век – словно молнии блеск: вот есть, вот уже и нет» и есенинским: «Жизнь моя – иль ты приснилась мне?») и есенинским: «Жизнь моя – иль ты приснилась мне?»)

В контексте же истории мировой философии библейский Дух, как дыхание ветра (но уточним: ветра Божественного) сопоставим с греческим «пневма» - « движущийся воздух»,

«дыхание, как носитель жизни» и с латинским «**спиритус**» - «веяние», «дыхание». ¹²

Так мы подходим к самому главному – к ощущению Духа как того, что наделяет жизнью сущее, делает его единым и гармоничным. Отсюда – таким образом понимаемый Дух становится основой и непременным условием существования мира и всего живого. Такая вечная основа изменяющегося мира вещей и зримых явлений присутствует практически во всех развитых философских системах древности (пожалуй, в своеобразной форме даже в тех, которые мы довольно упрощенно привыкли именовать «материалистическими») и непосредственно – в религиозно-философских картинах мира. Эмоциональная, логическая и социальная окраска этих картин может быть различной, но поиски Единого, Законообразующего и Всеохватывающего просматриваются везде – будь то индийский Брахман, китайское Дао, Гераклитов Огонь или апейрон Анаксимандра. Ибо и античный материализм, как не раз отмечали исследователи, точнее было бы назвать **гилозоизмом**, согласно которому и огонь, и воздух, и вода... - формы всеобъемлющей жизни либо даже ее глубинные основы.

Поэтому душа возвышенная и светлая – это та, что, очищаясь от грязи, тьмы неведения и т.д. открывает себя Высшему Свету. Поэтому о людях, обладающих такими душами, последователи зороастризма – маздаизма говорили и говорят: просветленные, а о иных – темные. Выражения эти в обиходе поныне. Да и словосочетание «министерство просвещения» говорит само за себя.

Существеннейшим же здесь оказывается то, что, согласно этой традиции, индивидуальные нравственные и интеллектуальные качества, равно как и личная восприимчивость Прекрасного, ставятся в зависимость от степени соприкосновения индивида или группы (вплоть до полного слияния) с Единым. Иными словами, чем больше человек открывает себя Единому, тем гармоничней и осмысленней его жизнь в целом. Кстати и слово религия, и один из смыслов слова йога означают связь, стремление к единению личного я, социума с Духовной основой мира.

Таким образом, духовное, оказываясь в буквальном смысле слова производным от Духа, выступает как некое интегрирующее начало. Но, если Дух объединяет, то духи, наоборот, разъединяют, ибо обслуживают, удовлетворяют при определенных условиях отдельные, частные интересы индивидов,

кланов, социальных и иных групп, социумов... Поэтому-то, по Библии, поклонение «золотому тельцу» - страшное зло. Ведь, привязывая к временному, частному, оно отделяет и удаляет от Вечного и Единого, а, значит, в конечном счете, ведет к вражде, усобицам и несчетным бедствиям.

Но с другой стороны, разве не дышат огнем вызывающе-страстные слова Христа в Нагорной проповеди? Вспомните: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее, И враги человеку домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня...» (Матф. 10:35 -37)

Толковать эти слова пытались по-разному, в том числе и так, как в Белом Братстве, где требовали в буквальном смысле слова рвать со своими родителями. Но по большому счету и здесь можно увидеть готовность к битве за Целое против всего, что его расчленяет. Ибо даже любовь к самым близким и родным людям может оказаться тем, что порой отделяет человека от мира, если хотите - от Бога, воплощающего здесь в себе высшую степень целостности.

Интересно, что и в буддизме любовь ко всему сущему, т.е. к Целому выделяется, как высшая форма любви в сравнении с любовью к близким. Нередко сужающей мир индивида и лишаящей его беспристрастности и справедливости, а, говоря современным языком, - объективности.

На практическом уровне духовное и в самом широком его смысле означает то, что не убывает при его распространении. Учитель, отдавая свои знания, не теряет, а обретает в своих учениках. Поэт, композитор и всякий творец тем более удовлетворен, чем большему числу людей близки его творения. Не отсюда ли отчасти и восточное: «Что ты спрятал, то пропало, что ты отдал, то твое»?

Материальное же, в отличие от духовного, в огромной мере предметно, а потому тяготеет к разделению, к раздроблению. Ведь вещь, отданная другому, уже перестает быть вашей вещью.

Поэтому можно было бы сказать, что в определенном отношении вся история мировой человеческой мысли – это история поисков гармонизации, либо каких-то особых вариантов взаимосвязи, соподчинения интегративных и дезинтегративных начал человеческого бытия. История драматичная, полная парадоксов, кровавых драм и коллизий, не

позволяющих нам рисовать тяготение к духовности лишь как некую идиллию. Даже в теории Единое Начало может допускать и многоцветье, и тем самым стать онтологическим обоснованием плюрализма, но может и начисто отметить разнообразие позиций, Ибо, если основа мира одна, то и Истина одна, и Путь один, а значит всякое уклонение от него – непростительная ересь. Как скажем, творение С. Рушди, каковой, даже с точки зрения мусульманина-интеллекта, - «преступник, которому нет прощения».¹³

Особых размышлений требует и то, что относят к «духовным практикам» целого ряда религиозных направлений и прежде всего харизматических движений. Поэтому-то дальнейший анализ проблем духовности требует объединенных и устойчивых усилий специалистов в самых различных областях науки. И имеет он колоссальное практическое значение, потому что только такой анализ поможет постоянно отделять модное, конъюнктурное, а то и опасное для здоровья и т.д., от глубинного и необходимого для реальной интеграции современного человечества.

Очень важно и проследить практическую связь связь духовных ориентиров и архетипов, что мы и попробуем сделать в следующем разделе.

Литература

1. Указ. соч., с.146.
2. Духовные основы мирового сообщества и международных отношений. Учебное пособие. М: МГИМО, 2001, с.15 -16.
3. Указ. соч., с.140.
4. Турсунов Б.Ж. и др. Нравственно-духовное просвещение. – Алматы: «Фараби-фонд», 1995, с.9.
5. Суфии. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001, с.46.
6. Суфии... с.32.
7. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. –М., 1866, с.344.
8. Указ. Соч. Т. 2 – М.: Советская энциклопедия, 1962, с. 82. / Автор статьи А. Лосев/
9. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. – М., 1981, с. 294 – 295.
10. Большой путеводитель по Библии – М.: Республика, 1993, с. 134.
11. Рижский М.И. Библейские вольнодумцы. Иов. Екклесиаст. –М.: Республика, 1992, с.1-2.

12. Краткая философская энциклопедия. – М.: Прогресс, 1-94, с.136–137.
13. Джемаль Г. - Журавский А. Коран: «Пред Богом и Восток, и Запад...» - Литературная газета. 14. 11..90.,с.12. В «словаре» вообще нет понятия «дух»...

Архетипы и духовные ориентиры в контексте диалога культур.

Архетипы и духовные ориентиры являются важнейшими составляющими практически всех известных нам культур, причем не просто составляющими, а стержневыми основами как индивидуального, группового и коллективного человеческого поведения, так и целого ряда форм его описания и стереотипизации.

Соотношение этих понятий не линейно. В определенных отношениях, понимаем ли мы архетипы в духе Филона Александрийского, как прообразы, идеи, либо, в духе К.-Г. Юнга, как изначальные психические структуры, проявляющие себя в коллективном бессознательном, символах, мифологии, архетипы могут рассматриваться, как базис духовных ориентиров, хотя их функции таким ориентированием отнюдь не ограничиваются. В ином же контексте, понятие «духовные ориентиры» оказывается заметно более широким и охватывающих круг явлений, далеко не ограничивающихся архетипической основой. Архетипы же, равно, как и устойчивые сюжеты, коллизии, разнообразные художественные и религиозные образы, становятся своеобразными формами внешнего проявления духовных ориентиров.

Последние же, в свою очередь, тесно связаны с конечными, предельными целями осмысленного человеческого бытия и многовековыми поисками таких путей, способов продления этого существования – как в привычной телесной ипостаси, так и за гранями обычного существования человеческого тела. При всем обилии мифо-поэтических историй и образов и тех или иных религиозных систем, можно выделить несколько основных, инвариантных версий достижения такого рода целей.

Первая представляет поиски продления обычной телесной жизни и преобразования ее в жизнь вечную. Это – цель

древнейшего из известных нам художественно-философского произведения, главным героем которого становится царь Гильгамеш, который «на две трети бог, на одну треть - человек». Ту же направленность поисков мы можем встретить у даосов. Не случайно, достигший немалых лет, Чингиз-хан призвал к себе настоятеля даосского монастыря – Чан Чуня. Ведь считалось, что именно даосы владеют секретами продления человеческой жизни. Того же рода мечты мы встречаем и в сказках разных народов мира.

Как очень значимый вариант этой версии, обретающий со временем все большую самостоятельность – это стремление увековечить себя в потомстве, особенно в наследниках мужского пола, просматривающееся, как в «Библии», древнеиндийском эпосе, так и в сказаниях и сказках самых разных народов мира.

Третий, обретающий все более самостоятельное значение вариант первой версии заключается в предпочтении целого: рода, племени, народа, отчизны, дела... своему отдельно-индивидуальному – своего рода растворение малого и преходящего в большем и вечном либо относительно вечном. («Умираю, но знаю: наше солнце взойдет. Шел парнишке в ту пору восемнадцатый год». «Нас много. Всех не перевешаете»). Причем возможна и сугубо религиозно-мистическая интерпретация данной версии, где может наблюдаться и полный отход от телесности в ее обычном понимании.

Вторая, более сложная версия, базируется на идее реинкарнации, что отнюдь не всегда воспринимается, как благо, а зачастую, скорее, наоборот. Недаром и в ведической, и в буддийской религиозной философии, и мокша, и нирвана, усматриваются, как желанные возможности добиться высвобождения из круговорота телесных трансформаций, погружающего человека в полный страданий мир. Но для нас здесь важно то, что отдельное человеческое существование при таком взгляде, оказывается лишь частичкой таких процессов, при которых значимость отдельных человеческих поступков и поведения в целом может быть определена за пределами той отдельной жизни, в которой те или иные поступки совершаются.

Третья версия базируется на идее воздаяния, осуществляемого за пределами земного мира, причем такого воздаяния, которое предполагает лишь одну попытку – одну-единственную жизнь, которую сразу приходится писать набело, хотя в ходе самой этой жизни человек в идеале способен кардинально меняться, сохраняя тем самым шанс на достижение

вечного блаженства даже после совершения весьма и весьма неблаговидных поступков.

Четвертая версия – это стремление перекинуть мостки из брэнного и хрупкого телесного мира в надтелесную вечность посредством сохранения собственного имени. В этом контексте жажда славы оказывается лишь одной из форм бесконечно варьирующихся поисков вывода собственного бытия за временные рамки существования тела.

Где-то, в очень далекой древности у этого стремления просматриваются и религиозно-магические грани. (1) Показательно, что у этой грани была и «обратная сторона»-утаивание имени, божества ли, иного ли существа, такого, как Лилит либо Гном-Тихогром, чья сила была неразрывно связана с потаенностью их имени.

Но основное культурно-историческое направление развертывания этого инварианта – в стремлении увековечить либо не посрамить свое имя и умереть с честью, ибо, говоря словами русского князя Святослава «мертвые сраму не имут». Тут уже доблестная смерть – то, к чему стремится воин на поле боя либо боец за истину. Пасть же доблестной смертью можно лишь, действуя до последних мгновений жизни в строгом соответствии с тем или иным кодексом чести. Так, в одной из спартанских эпитафий четко сказано:

Мертвым внесли на щите Фрасибула в родную Питану.

Семь от аргивских мечей ран получил он в бою.

Все на груди были раны. ...

То есть Фрасибул, говоря уже словами русского поэта «встретил смерть лицом к лицу, как в битве следует бойцу».

Тому же, кто предпочтет тихий уют полной приключениям и риска жизни, ждать нечего. Как прозвучало уже в России в начале беременного революциями двадцатого века; «А вы на земле проживете, как черви слепые живут. Ни сказок о вас не расскажут. Ни песен о вас не споют».

Но какие сказки, какие истории должны быть рассказаны и какие песни спеты?

Вопрос, оказывается, очень непростой; и ответ на него требует рассмотрения целого веера различного рода, подчас очень далеких друг от друга, а то и кардинально противоположных ориентиров и эталонов, опирающихся на архетипы или устойчивые системы сюжетов и образов. Коснемся лишь нескольких из них.

Один из самых древних эталонов – это образ могущественного, всепобеждающего и сурового владыки,

похваляющегося не только своими воинскими достижениями, но и жестокостью учиненных им расправ, красочные и жуткие примеры чего оставляют тексты ассирийских владык: «В течение моего похода я принял от... правителя Х. тяжелые дары. А воинов Х., сильного врага я поразил оружием, ни одного из них я не оставил (в живых). Их тела я привязал к кольям и окружил ими окрестности города»(2) Или: «Я отрезал им бороды и тем обесчестил, я отрубил их руки, словно зрелые плоды огурцов» (3) «Те, кто пытаюсь спасти свою жизнь, бежали на середину моря, не избежали моих сетей. Быстроногих, решивших забраться высоко в горы, я выловил, как птиц, и отрубил им руки... Тех, кто жил у моря, по моему указу переселили в горы, тех, кто жил в горах – к морю...» (4)

В сороковые годы прошлого столетия этот образ был оживлен и размножен в Третьем рейхе, оставившем Нюрнбергу множество фотосвидетельств самых диких зверств, запечатленных палачами. Поразительно, но с крахом нацизма этот образ не канул в небытие и возродился в множестве ликов уже на постсоветском пространстве.

Здесь крайне важно то, что речь идет не просто о дикостях и зверствах, которыми так называемое цивилизованное общество Нового Времени переставало гордиться. Зверства могли совершаться и совершались, но на уровне эталона переставали быть предметом гордости. Более того, становились чем-то постыдным и, по мере возможности, утаивались. Так, когда Маяковский, вопрошая: «делать бы жизнь с кого?», тут же, «не задумываясь», отвечал: «с товарища Дзержинского», он имел ввиду не палача, а стража дела Революции «с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» и т.д., и т.п.

Однако Интернет и мобильная связь сделали возможным зримое оживление древнего образа Истязателя и Палача. Причина тут, конечно, не в самой технике, а в тех изменениях «в сердце», которые мы пока еще не можем осмыслить.

Второй Эталон – образ Бойца, способного сокрушать любого врага и преодолеть любые преграды. Часто этот боец своего рода супермен и полубог с нечеловеческой мощью. Не даром само слово «герой» изначально обозначало сына бога и земной женщины, каковым, например, считался Геракл. В другой же своей ипостаси Победитель отнюдь не возвышается над врагом, а, напротив, уступает ему внешне, как Давид Голиафу. Показательно, что в мировой культуре этот образ варьируется и в самых разнообразных вариантах повторяется многократно.

Как в казахском эпосе, так в русских былинах и т.д. Особенно интересным здесь представляется сопоставление библейской истории о поединке Давида и Голиафа с рассказом русской «начальной летописи» о Кожемяке, одолевшем гиганта-печенега. При этом замечательной особенностью русского эпоса в его сравнении с эпосом казахским, западноевропейским и, к примеру, с индийской «Рамаяной» оказывается внешняя «обыкновенность» героя, не отличающегося (если брать именно былины, а не сказки) ни родовитостью, ни особой статью. Тот же самый Илья Муромец описывает себя в одной из былин, как человека «роста среднего», в плечах неширокого.

Образ же недруга в мифопоэтических картинах мира самых разных народов очень часто представлен гигантским и даже чудовищным. Эти его особенности на сегодняшний день достаточно изучены. Но широко известна одна группа образов противника, которая, как представляется, еще требует и развернутого нового анализа, и новых подходов. Это – недруг в женском обличи. Недруг, который может быть и чудовищным, как древнее божество Двуречья Тиамат, поражаемая, словно более поздний дракон, копьем – копьем бога Мардука, и «бабки-ежки», колдуньи-ведьмы..., и девы и женщины воительницы – от амазонок до многих иных. Вырванные из контекста мировой культуры, эти архетипические по своей природе образы начинают играть подчас странную и, более того, не безобидную роль. Наглядный пример дает нам широко известная и не раз издававшаяся в России книга Аджи «Полянь половецкого поля», где, ищущий познаний о прошлом читатель может прочесть: «Даже былины признают, что не все сразу у русских получалось. Добрыню Никитича, например, били и «поляницы» - кипчакские женщины. Встретил он как-то в чистом поле всадницу – и на нее с боем, русские любили нападать на беззащитные степные станы. Но не тут-то было. Поляница с презрением сдернула с седла русского богатыря и сунула его в кожаный мешок, притороченный к седлу, типичный прием степняков при встрече со слабым противником. Что делать, народный эпос не поддается цензуре, гуляет из поколения в поколение, сохраняя подробности былого». (5)

Оставим в стороне разговор о собственно текстах былин, равно как и об очень «нетолерантном» отношении к русским. Обратим внимание лишь на то, что перед нами, обретшее крикливо-«кислотную» идеологическую окраску, полнейшее непонимание духа и логики эпоса. Его правда – не правда милицейского протокола; и восстанавливать «подробности» конкретных событий

и процессов, то же, что пытаться постигнуть развертывание греко-персидских войн по описанию схваток Геракла с Лернейской Гидрой или Немейским львом. Ведь речь идет о кочующем по векам и странам образе женщины воительницы – образе, который встречается и в мусульманской литературе. Но только здесь уже, в эротически окрашенных описаниях схваток, мы видим успех тех, кто противостоит мусульманам.(6)

Но вернемся к эталонам собственно героев. Третий образец здесь – Обреченный на гибель Герой. Это и Ахиллес, и гибнущие под Фермопилами спартанцы, уверенные в том, что их славная гибель в неравном бою войдет в века... и Тарас Бульба, верящий в силу казацкого братства и царя, который сокрушит убивающих его недругов.

Сам подвиг в таких моделях героической жизни оказывается началом пути в бессмертие, думает об этом герой или нет. Когда же герой, все-таки, думает об этом, то такие мысли оказываются программирующими поведение. Как у Бруно, убежденного в том, «что смерть в одном столетии дарует жизнь во всех следующих веках». (7)

Но Бруно уже не герой-воитель, а герой-мученик (как бы кто не оценивал сами его убеждения). Так мы переходим к еще одному архетипическому образу – Героя-мученика, нашедшему свое воплощение во множестве образов мучеников-христиан и, прежде всего, в образе Иисуса Христа. Иными словами, в мифопоэтической логике Обреченный на гибель Герой оказывается своеобразным мостиком, подводящим нас к образу Героя-мученика, резко контрастирующего с образом древнего языческого Победителя, упивающегося своей мощью и жестокостью, память о которой тот с простодушной уверенностью в своем праве сильного стремиться увековечить.

Однако, очерчивая эту, естественно, несколько упрощенную схему, мы не вправе здесь остановиться. Мировая культура подарила нам еще один тип Героя, крайне востребованный в нашу эпоху эрозии фундаментальнейших ценностей и идеалов. Это Милосердный Победитель. Замечательные примеры такого рода дает нам, в частности, жизнеописание Мухаммеда. Не будем вдаваться в споры о достоверности тех или иных конкретных эпизодов. Куда значимее их нравственная направленность, их место, как эталонов человеческого поведения, альтернативных бушующему ныне над нашей планетой неязыческому культу жесткости. Приведем лишь один из наиболее ярких примеров, получивших хождение в популярной мусульманской литературе.

В мусульманской традиции сохранился рассказ о том, как однажды некий злоумышленник решил убить Пророка. Человек этот уже готов был нанести смертельный удар, как вдруг Пророк проснулся. «Человек воздел свой меч и сказал: «Кто теперь может спасти тебя?»»

«Аллах», - очень спокойно произнес Святой Пророк.

Меч упал из рук злодея, когда он услышал эти уверенные слова. Святой Пророк поднял меч, и злодей оказался в его власти. Стороны теперь поменялись местами.

«Кто может спасти тебя теперь?» - спросил Пророк...

«Никто», - ответил в ужасе злодей...

Услышав шум, сотоварищи Пророка подошли к месту происшествия и увидели происходящее. Святой Пророк объяснил им, что случилось.

Затем Святой Пророк спросил злодея: «Какой участи ты заслуживаешь, по твоему мнению?»

«Будь милосерден!» - ответил пленник.

Святой Пророк сказал: «Хорошо, ты свободен».

Автор книги «Свет Аллаха», с фрагментом из которой вы только что ознакомились, задает вопрос: «Как отразилось великодушие Пророка на его судьбе и судьбе племени?»

Сам же он отвечает: Когда этот человек возвратился в свое племя, он рассказал о случившемся и сказал, что Мухаммед... - «это человек, чье милосердие и всепрощение не имеют границ. Это побудило его и его племя принять Ислам».

Немало примеров акцентированного внимания Пророка к милосердию и терпению мы встречаем и в самых разных хадисах. Это, конечно же, не значит, что мы должны идеализировать ислам. Но сосредоточение на такого рода моделях поведения представляется и теоретически, и практически очень значимым.

Особого рассмотрения заслуживают антимодели поведения, которые, как и многие иные, по своей сути очень часто оказываются интернациональными, переходящими из культуры в культуру, меняя при этом лишь зримые облачения, но не сердцевину.

Не имея возможности дать их развернутое рассмотрение, остановимся лишь на одном показательном примере, призванном демонстрировать пагубность спиртного. Первый вариант такой антимодели дает Марина Влади, описывающая, как во Францию приехал буддийский учитель, и ей удалось добиться приема: «И вот мы уже в небольшом павильоне, украшенном изображениями святых. На небольшом возвышении сидит древний старик.

Его морщинистое и доброжелательное лицо обращено к нам. Как нас научили мои друзья, мы входим кланяясь. Я просто наклоняю голову, а Шемякин бросается на колени и почти ползком приближается к старцу. Ты смотришь на меня и, не особенно понимая, что делать, неловко согнувшись пополам и опираясь одной рукой в пол, ковляешь к учителю. Я с трудом сдерживаюсь от смеха. Мне кажется неуместным засмеяться в присутствии такой важной персоны – и напрасно, потому что сам он не скрывает улыбки и делает нам знак садиться перед ним. У его ног сидит молодая француженка, завернутая в красивую оранжевую ткань, которую носят буддийские монахини. тихим, но твердым голосом человек произносит приветствие. Девушка переводит и спрашивает, что хотят иностранцы.

Я объясняю, что вы не можете справиться с склонностью к выпивке и надеетесь на помощь мудреца. Девушка переводит. После некоторого размышления Калу Римпоче рассказывает притчу. Вот этот рассказ, переведенный с тибетского на русский:

«Однажды молодой монах проходил перед домом вдовы. Она поймала его и сказала: «Я не выпущу тебя, пока ты не переспшишь со мной ночь, или не выпьешь вина, или не убьешь мою козочку». Молодой монах не знает, что отвечать: дав обет безбрачия, он не может провести с ней ночь. Дав обет трезвости, он не может пить, и уж тем более он не может покуситься на чью бы то ни было жизнь. (Одна из заповедей изначального буддизма: «Не убивай и не будь причиной смерти».) Но он должен выбрать...» Как самое безобидное выбирает спиртное, после чего убивает козочку и нарушает обет безбрачия.

Аналогичную по духу историю, но с еще более драматическим финалом, мы встречаем и в рассказе о сподвижнике Мухаммеда, который попросил у молодой вдовы позволения остановиться у нее на отдых. та же сказала: «Если хочешь заночевать у меня, выполни одно из моих условий. Или перспи со мной, или убей моего сына, или выпей чашу виноградного вина».

Последователь Пророка подумал: «Пересплю с женщиной – буду в грехе, убью незащитного ребенка – совершу преступление. Выпью-ка чашу вина, и будет мне от этого услада в жизни и радость».

Но, выпив вина, он и в постель залез, и ребенка убил. «С той поры Мухаммед, любя людей, запретил мусульманам пить вино».(10)

Совершенно очевидно, что перед нами - истории-модели, истории, примеры того, что угрожает человеку; то же, где и

как они зародились раньше, равно, как и вопрос о приоритете уже иных образов, вторично по отношению к проблемам, волновавшим человечество на протяжении веков.

Завершая статью, хотелось бы заметить, что дальнейшее изучение архетипов и духовных (либо антидуховных) ориентиров человеческого поведения в контексте диалога культур, их взаимодействия и «перетекания» образов и моделей из одной культуры в другую представляет собой огромный практический и теоретический интерес и является перспективной сферой исследования, особенно в соотнесении с реалиями нашего времени.

Но особенно значимым представляется рассмотрение именно тех процессов в этой сфере, которые мы наблюдаем сегодня. Исходя из наших непосредственных задач, выделим лишь две их составляющие, перерастающие в проблемы. Первая составляющая – это проблемы современного отечественного образования в глобализующемся мире. И вторая - проблемы формирования массового, группового и индивидуального сознания, возможности манипулирования этими формами сознания с помощью СМИ, собственно технических устройств и соответствующих средств ведения «психологически-информационных войн».

Литература.

1. Живо изложенную версию такого рода взглядов можно, в частности, встретить в книге П.В.Симонова, П.М.Ершова и Ю.П.Вяземского «Происхождение духовности» – М.: Наука, 1989 (осознание духовности).
2. Хрестоматия по истории Древнего мира. – М., 1956. с.53.
3. Хрестоматия по истории Древнего мира. Пособие для учителя. – М., 1991. с.71.
4. Варна Домокош. – Древний восток. – Будапешт, 1979.
5. Ажда М. Полынь половецкого поля. – М.: ТОО «Пик-Инвест, 1994, сс.91 -92)
6. См., например: Жизнеописание доблестной Фатимы и повествование о подвигах ее славных предков. – М.: Наука, 1987, сс.138 – 139.
7. Цит. по: Таранов П.С. Анатомия мудрости. – Симферополь: Таврия, 1995, т.2, с.132.
8. Ахмад Рашид. Свет Аллаха. – Алматы: Онер, 1994, сс.72 – 73..
9. Марина Влади. «Владимир или прерванный полет». – М.: Прогресс, 1989, сс.87 – 88.
10. Есенберлин Ильяс. Золотая орда.- М., 1986, с.57.

Отечественное образование под ветрами глобализма.

Глобализация властно вторглась и в мир образования. Проявляется она в значительной мере в том, что образование все более интернационализируется, повышая тем самым и мобильность студентов. Лидерами в привлечении зарубежных студентов в начале третьего тысячелетия являются США и такие страны Западной Европы, как Великобритания, Германия, Франция, на которые приходится «более половины всех студентов, обучающихся за рубежом. Только в Европе свыше 1,5 млн. иностранных студентов, большая часть которых приезжает из стран, не входящих в ЕС. Бесспорным лидером являются Соединенные Штаты. Здесь в 2010 – 2011 учебном году «получали образование» более 723 тыс. студентов (в 2008 – 2009-м – 672 тыс. При этом почти половина иностранцев в вузах США из Китая, Индии и Южной Кореи.

Активизируются и страны Азии. «Например, Сингапур планирует привлечь 150 тыс. иностранных студентов к 2015 г. Иордания – 100 тыс. ... к 2020 г. Япония – 300 тыс. ... к 2025 г. К середине 2011 г. число иностранных студентов Малайзии превысило 90 тыс.» К 2020 г. планируется довести это число до 200 тыс.

«Несколько лет назад Турция развернула широкомасштабную программу привлечения в турецкие вузы иностранных студентов», цель которой довести к 2020-му году число таковых до 100 тысяч человек, « что принесет в экономику (страны) около 3 млрд. д. Десятки турецких вузов предлагают образовательные программы на английском языке». К этому же времени Китай, в котором уже сейчас обучается 265 тысяч иностранных студентов, намерен привлечь полмиллиона. При этом только в 2009 г. самих китайцев за рубежами Китая обучалось около 230 тысяч человек. Показательно, что «на рынке образовательных услуг» в последнее время активизировалась даже маленькая Куба. (1, сс. 104 – 106)

Вполне понятно, что при этом невозможно обходиться без изменений и масштабных реформ. Но вот каких?

Казалось бы, вполне понятно, что реформы образования в СНГ и, прежде всего, в Казахстане и России рассматриваются их инициаторами и адептами, как одно из важнейших средств интеграции с мировым сообществом и, в первую очередь, с так называемыми развитыми странами. Интеграция сама по себе – дело привлекательное. Не отказываемся же мы от иномарок, аудио- и видеотехники, «мобильников», компьютеров, ксероксов

и прочая, и прочая только потому, что они «лишают» нашу жизнь национального колорита. Так почему же мы должны чураться «образовательных технологий» тех стран, которые, как из рога изобилия, засыпают нас чудесами техники? - Может, куда перспективнее, наоборот, поднатужиться, поскрести по сусекам передового мирового образования – и, глядишь, мы сами с такими новообразованными людьми станем одарять благодарный нам мир свежее испеченными достижениями прогресса?

Здесь есть, над чем поразмыслить, как есть и чему поучиться у более «продвинутых» в каких-то отношениях современников из дальнего и ближнего зарубежья. Действует же в Казахстане программа «Болашак», по которой, согласно СМИ, три тысячи молодых людей ежегодно учатся за рубежами нашего государства. Конкретная оценка эффективности этой программы, особенно в плане долгосрочных перспектив развития страны, требует отдельного анализа, основанного на беспристрастных статистических выкладках. Однако и сегодня уже ясно, что такого рода расширение контактов в сфере образования в огромной мере связано с интеграционными процессами в мире в целом.

Но при этом встают очень серьезные вопросы: что и как интегрировать, что заимствовать и насколько безоговорочно и в каких масштабах это делать? И здесь одним из самых одиозных камней преткновения оказывается тестирование. Хотя, казалось бы, чего проще: прежде чем бесконечно ссылаться на «передовой зарубежный опыт», не лучше ли сделать общедоступными информационно-методические издания с конкретной информацией о том, в каких странах, с какого времени (а, может быть, и по какое время), в вузах какого типа и ранга (и т.д.), в каких формах и масштабах это самое тестирование применяется? Иначе получается, что в глазах большинства вузовских (и только ли?) преподавателей опыт зарубежного тестирования оказывается чем-то вроде инопланетян или лохнесского чудовища. Всюду об этом говорят и пишут, а что это такое, мало кто может сказать толком.

Но зато мы все прекрасно видим, во что трансформируются «инновации» в нашей действительности, в нашем образовании, без более или менее сносного уровня которого говорить о суверенитете и, вообще, о нормальном развитии страны просто несерьезно. Вот и получается, что эпидемия тестомании все более превращает наше образование в театр абсурда, разъедая, словно ржа, сами основы учебного процесса.

И дело тут не только собственно в тестах, а и в том, как, в каком количестве и где их применять. Поневоле напрашивается аналогия с дискуссиями о сухом законе и вспоминаются слова знаменитого дагестанского поэта:

Пить можно всем.
Знать надо только:
Где, как и с кем,
Когда и сколько.

То же и с тестами. Дело, как уже сказано, пожалуй, не столько в них самих, даже при всей спорности тестирования как такового, сколько в нашей привычной готовности брать под козырек и рьяно выполнять и перевыполнять любые планы, как бы там они не именовались - «планами партии и правительства», «мирового сообщества» и т.д., и т.п.

Так, тесты вполне применимы на занятиях, как одна из форм своеобразной игры. При ограниченном их количестве либо всерьез продуманной методике и филигранной подготовке тесты и подобные им задания можно было бы использовать и как одну из форм контроля.

Мы же, по свойственной нам привычке, ухватились за тесты, как за палочку феи и, который уже раз (?) уподобляемся то Хрущеву, с его безмерным увлечением кукурузой, то вульгарным большевикам, пытавшимся превратить Маркса в идола и Пророка, решающего все вопросы человечества. Более того, нынешняя тестомания в том виде, в каком мы с ней сталкиваемся, еще алогичней. По сути, она перерастает в тройное преступление: перед здравомыслием, духовным, психическим и физическим здоровьем и чувством справедливости.

Первое преступление, причем безо всяких кавычек, очевидно всем, имеющим отношение к образованию. Кроме руководящих лиц, вынужденных по долгу службы это образование увечить. Ведь еще с первого курса собственного студенчества я слышал: «Студент – это не кувшин, который надо заполнить, а светильник, который надо зажечь». Казалось бы, азбука. Ан нет!

Нынешняя система образования, нацеленная на почти всеобъемлющее тестирование, превращает головы студентов в урны и свалки для словесного хлама. А чем еще могут быть те же детали автомобиля, если они высыпаны в беспорядке?

Известный в России музейный работник Давид Саркисян, назвав современную цивилизацию мусорной, заметил, что гигантский избыток информации, мелко нарезанной в салат – это новое Средневековье. («Школа злословия», 14 января 2008). Здесь,

опять-таки есть над чем призадуматься. Например, с какой целью такой салат нарезается: будет ли, скажем, этот салат хотя бы из овощей или из обрезков вываренной кожаной обуви?

По существу дела, наше нынешнее образование с его тотально-инновационными формами контроля слишком уж часто напоминает подготовку спортсменов, которая бы сводилась к заучиванию специфической лексики и каких-то микроблоков информации. Ну, что бы вы сказали, если бы мастерство шахматиста и боксера стало бы оцениваться по их знанию имен спортивных светил, различных окрасок шахматных фигур, названий дебютов и типов ударов или толщины каната, натянутого вокруг ринга, либо цвета трусов, в которых Николай Валуев, Майк Тайсон и т.д., выходили на тот или иной бой?

- Вы бы только развели руками. А ведь мы в вузах все чаще занимаемся именно этим – все меньше расцениваем мастерство, и все больше попугайное повторение слов.

Мало того, мы поневоле начинаем забывать, что слова, при всей их значимости – всего лишь знаки. Они не самоценны. Как тут не вспомнить грустные размышления, жившего в пятом веке до н.э., китайского мыслителя Мо Ди, который писал: «Ныне слепой говорит, что белый мрамор – белый, черный уголь – черный, и даже обладающий зоркими глазами не может здесь ничего возразить. Однако, если положить черный и белый предметы рядом и велеть одному слепому взять нужный, он не может знать, какой из них следует взять. Поэтому я и говорю, что слепой не знает, что такое белый или черный предмет, не потому, что не знает названия предмета, а потому, что не знает реального различия, и оттого не может определить, какой из них взять». (2, с.162)

Но, если на первом плане оказываются собственно слова, а не способность различать предметы, то зрячьсть явно не в цене. А то, что не в цене, то, что не востребовано, хиреет. Таким образом, под знаменами Абсолютной Тестизации фактически ведется необъявленная война против интеллекта и истинного профессионализма. Болонский же процесс в наших милых пенатах тем самым понимается, как возвращение болонок с шерстью определенной длины и курчавости. Главное – густота и окрас шерсти. Кстати, нечто подобное мы наблюдаем и в области научного творчества школьников. И здесь форма – своего рода мундир со всякими словечками типа «абстракт» - начинает обретать все большую значимость, склоняя школьников к мысли о том, что наука это прежде всего форма, а не творческий поиск, «езда в незнаемое»...

И это в мире, где образование и интеллект обретают все большую цену! Так, не экспериментируем ли мы на людях, пестуя массу будущих интеллектуальных рабов для чужеземных господ?

Второе преступление беспредельной тестизации, перерастающей в беспредел в образовании – перед психическим и физическим здоровьем студентов. Доходит до того, что порой к одному только экзамену надо втиснуть в голову тысячу тестов, а экзамен-то не один. И тут уже дело не просто в компьютерных экзаменах, тестах и их количестве, о чем можно говорить до бесконечности, а и в том, что прежняя система допускала зачеты, а, подчас, и экзамены – «автоматы», резко снижая тем самым у добросовестных и талантливых студентов психическую и физическую нагрузку во время сессии. При компьютерных экзаменах картина иная: через них должны пройти все – спешно впихивая в свои головушки немерянные всерьез никем из психологов объемы информации.

Можете ли вы себе представить кулинара, который выставляет на столы сотню блюд и заставляет Вас поглощать их прямо на месте? – Чем завершилось угощение Демьяновой ухой хорошо известно: перекормленный гость к соседу ни ногой. Выходит, что мы так же хотим отвадить молодежь от образования? Тем паче, что добросовестный студент вынужден поглощать в безмерном количестве даже не блюда, а ингредиенты: соль, муку, перец и прочее – настолько подчас раздроблены тестовые «знания».

Прямо садо-мазохизм какой-то: люди платят деньги за то, чтобы их еще и истязали.

С другой стороны, складывающаяся система может быть удобной при нехватке профессионалов и опытных педагогов. Ведь не секрет, что при таких подходах львиная доля занятий отводится на элементарное «натаскивание на тесты» (особенно, когда речь заходит о подготовке к ПГК, о чем еще будет сказано) Удобно-то удобно, но тем самым реальное образование в немалой мере подменяется его имитацией.

И это, не говоря о том, что в гуманитарной сфере в целом и социальных науках, в частности, определенные потоки информации просто не умещаются в прокрустово ложе тестовых заданий. Скажем, в «Истории России в тестах до начала 20-го века» требуется указать верное число потерь французов 24 – 26 августа и, соответственно, их потери за время пребывания в Москве. (3, сс.15 – 16) Но о том же Бородино французские и российские авторы говорят по-разному, точно так же, как по-

разному исчисляют потери различных сторон и в более поздних сражениях и войнах, например, Первой Мировой...

Добавьте к сказанному и то, что, к примеру, марксистско-ленинскую философию в советское время изучали два года, опираясь при этом лишь на несколько утвержденных учебников и учебных пособий, сейчас же – мировую, что гораздо объемнее, – за один семестр. Учебников же и пособий – не счесть, причем иные, особенно казахстанские, написаны нередко совершенно кошмарным языком, никак не вяжущимся с установкой на конечные тестовые экзамены.

Требовать при таких темпах хотя бы шапочного знакомства с текстами – все равно, что прыжков через Тобол. Таким образом, умение вникать в слово, чувствовать его, а, значит, и аналитические способности, все более утрачиваются. Если так дальше пойдет, то только верующие, стремящиеся вникнуть в строки Библии и Корана, сохранят навыки вдумчивого чтения. Печальная перспектива.

И, наконец, третье преступление против чувства справедливости. Не раз случалось так, что студенты думающие, увлеченные не могли быть достойно оценены на экзаменах с избыточным количеством «нарезанной в салат» информации. Для них (и не только) такие экзамены не раз превращались в русскую рулетку. Конечно, во всяком экзамене, как и в иных случаях, есть доля везения, но всякая доля должна иметь разумные пределы. Когда же студенты достойные не получают достойной же оценки, на это бывает больно смотреть, ибо преподавательский труд, неотъемлемой частью которого является стремление увидеть и оценить то сильное, что есть в студенте, в огромной мере обесмысливается.

Правда, здесь, как показывает уже опыт КГУ, возможны и подвижки. Так, например, во время летней сессии 2007 г., когда число тестов по философии достигало 1200, среди студентов, особенно первокурсников психологов, было множество не сдавших, не говоря уже о тех, кто не смог получить тех оценок, которые бы соответствовали их работе во время семестра. Но уже на последовавшей затем зимней сессии, после сокращения числа тестов до 1000 и значительной их переработки, картина оказалась куда более светлой. Количество не сдавших экзамен резко снизилось и, что еще более важно, большинство из выдержавших экзамен, получило оценки, соответствовавшие их рвению, увлеченности и работе во время семестра. А ведь и использованные тесты можно было бы совершенствовать.

Таким образом, очень болезненная проблема справедливости сессионных оценок сама по себе могла бы быть решаемой и при тестовых экзаменах, хотя, конечно, не везде и не всюду. То же тестирование по гимнастике может быть воспринято, как курьез.

Но здесь до недавнего времени существовал еще один очень существенный камень преткновения. Это – ПГК, промежуточный государственный контроль, который расценивался как существеннейший критерий оценки всей работы вузов. Представляется, что в период своего существования этот критерий сам не выдерживал никакой критики. Создается впечатление, что, вводя такого рода форму контроля, совершенно забыли о психологах, педагогах и специалистах - предметниках. Так, собственно внутривузовские экзамены сдавались в одно время, а ПГК – через полгода, год, а то и полтора после сдачи вузовских экзаменов. Основан же был такого рода контроль на проверке, подчас, вещей третьестепенных, либо не подкрепленных учебно-методически. При сдаче той же философии можно было столкнуться с именами тех, чьи тексты казахстанскому студенту просто недоступны, если только не считать Интернета. Но какой смысл запоминать такие имена? – Получалось, что, сколько бы мы не совершенствовались собственные тесты за счет личного времени преподавателей, как бы ни варьировали их число, это само по себе еще не могло быть гарантией спокойствия на ПГК. (К счастью и в соответствии со здравым смыслом ПГК ныне отменен).

Так что же было делать? Прежде всего, при всем понимании нелегкости задачи, необходимо специалистам предметникам, психологам и педагогам продолжать убеждать министерство, что по отношению, по крайней мере, к целому ряду предметов (таких, как, скажем, философия) тестовый государственный контроль неприменим либо применим с очень большими натяжками.

Кроме того, опираясь на уже накопленный опыт, создать в качестве эксперимента Учебно-методический центр (в сфере социально-гуманитарных знаний). Центр этот можно было бы создать на базе КГУ, КГПИ и педколледжа. Такого рода центр представляется совершенно необходимым по ряду причин.

Во-первых, мы могли бы начать движение от кустарщины к системе или, выражаясь языком исторических аналогий, перейти, если не к фабричной, то хотя бы к мануфактурной стадии интеллектуально-духовного производства. Иными словами, крепостнический, по сути, труд педагогов, вынуждаемых указаниями сверху отбывать барщину бумаготворчества

и платить оброк в виде требуемого количества тестов, заменить заинтересованным, оплачиваемым трудом опытных профессионалов, которые сумели бы и тесты (раз уж от них пока никуда не деться) превратить в составляющую целой системы. Такого рода опыт у нас уже есть. Есть и кадры. С.А.Колдыбаев, Л.В.Саркисян в КГУ. Л.Я.Шевченко и. А.Ф.Дайкер в КГПИ РЧ. Бектурганова, А. И.Суслова и другие. Достаточно заметить, что лишь в КГУ при поддержке ректората был выпущен целый ряд методических разработок по культурологии. В 2006 г. подготовлены также и «Задания и тесты» по философии, получившие положительные отзывы в России и Алматы. Очень важно, чтобы в таком центре трудилась хотя бы узкая группа специалистов по работе с компьютерами. Ибо нынешние лаборанты при своей низкой зарплате крайне перегружены. А не секрет, что масса брака при подготовке тестов идет именно при наборе материала.

Имея такой центр, мы могли бы поставлять добротные материалы республиканского уровня и тем самым более эффективно воздействовать на характер и формы проведения внутривузовских аттестаций, экзаменов и т.д. Так, например, если бы все-таки, тестовое ПК было сохранено и впредь в отношении философии и некоторых близких к ней социально-гуманитарных дисциплин, можно было бы подготовить не просто программы, а своего рода «матрицу», базу данных с дополняющими ее тестами и заданиями, которая в основе своей действовала бы хотя бы десять лет. Тогда, даже не зная собственно республиканских тестов, любой студент мог бы быть уверен, что на ПК не будет ничего сверх того, что есть в этой стабильной базе данных. Но для ПК такая база данных должна быть куда более ограниченной, нежели для текущих экзаменов. Образованный человек, естественно, должен быть знаком с именами Демокрита, Сократа, Декарта. А вот помнить, что такое «энтелехия», думается, совсем не обязательно.

При разработке общих методических основ, которые не исключают использования на практике индивидуального опыта педагогов, важно учитывать то, что одни и те же задания могут быть и развивающими и обесмысленными – в зависимости от ситуации. Так, студентам можно дать задание завершить те или иные высказывания Конфуция, например: «Благородный знает долг, а низкий...» или «При виде достойного думай, как бы сравниться с ним, а недостойного...» либо поразмышлять, какими четырьмя качествами должен обладать конфуцианский

благородный человек. Задания такого рода могут быть письменными с последующим обсуждением, а могут и сразу выполняться устно, с использованием дискуссионности. При таком подходе может оцениваться не только догадливость, умение оперировать уже известным для нахождения пока еще неизвестного, но и логичность, оригинальность. Но стоит дать то же самое задание тому, кто окажется один на один перед компьютером во время экзамена – и из увлекательного поиска оно превратиться в пытку.

Тем самым мы подошли к еще одной очень важной проблеме, которая требует особого обсуждения и может быть здесь лишь эскизно очерчена - к проблеме серьезного сдвига в сторону поощрительных, а не карательных оценок при определенных формах обучения и контроля. И усложненные задания, в том числе и тестовые, и углубленная эрудиция, и оригинальность и свежесть мышления должны приветствоваться и поощряться, учитываться при экзаменационных и иных оценках, но не превращаться в общее мерило. Ведь, способная иметь практическое применение, эрудиция всегда конкретна, а, значит, связана с определенной сферой знаний. Просто «знатоки» могут быть «телезвездами», они для шоу. Наша же задача: готовить, по мере возможности, специалистов и при этом достаточно широко образованных и мыслящих людей. «Многознание» же, как говаривали еще древние, «уму не научает». Так давайте же, будем хотя бы пытаться по мере наших, пусть и скромных сил, учить уму и профессионализму, а не «многознанию», пригодному разве что для получения экзаменационных оценок. (4, сс.84 -85)

Литература.

1. Галичин В.А. Директор Центра мониторинга человеческих ресурсов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития. - Век глобалистики. 2013, №2.

2 .Цит. по: Таранов П.С. 106 философов. Т.1 – Симферополь: Таврия, 1995, с.162.

3. Указ. соч. Часть вторая. – М.: Школа-пресс, 1997. сс.15 – 16.

4. За этими «общими словами» стоят грустные цифры. Воспроизведем здесь только некоторые из тех, которые относятся к России, но интересны и для казахстанского читателя, «отношение числа преподавателей (вузов) к числу студентов (здесь) в 2,7 раза ниже, чем, например, в США... профиль

высшего образования не соответствует потребностям экономики: 45% выпускников специализируются на общественных науках, предпринимательстве и праве против 36,2 % в США и 22,% в Германии. В итоге ... менее 50% выпускников начинают работу по специальности (в США – 76%)».

Что еще крайне важно, так то, что «при увеличении числа студентов наблюдается падение уровня образования в вузах России. В результате сегодня российских университетов (кроме МГУ) нет ни в одной из версий 100 лучших университетов мира». В Китае же таковых тридцать. «Если в 1991 г. ЮНЕСКО ставила советское высшее образование на третье место в мире, то к 2010 г. Россия опустилась в том же рейтинге на 29-е место» Что же касается молодежи в целом, то если ООН включало советскую молодежь в тройку самых образованных молодых поколений мира, то ныне российская молодежь оказывается на 41-м месте. (Маслов В.И. Роль образования в современном мире. – Век глобалистики. – 2013, №2, сс.84 – 85).

В продолжение темы: Мы и проблемы мирового образования.

Многим, из имеющих непосредственное отношение к учебной, воспитательной и учебно-методической работе, кажется ясным, что же следовало бы делать. Но где же и в чем ошибки при восприятии мирового, а более конкретно, западного опыта на нашей отечественной почве? И в чем истоки наших перекосов?

Они в немалой мере связаны с особенностями нашего менталитета, усиленными нараставшими сомнениями в справедливости той критики Запада, которая велась в Советском Союзе. Еще один из персонажей Ф.М.Достоевского заметил: (заметьте в девятнадцатом веке!) то, что на Западе гипотеза, у нас становится абсолютной непререкаемой истиной. Иными словами, хватаясь за вырванные из контекста и социокультурной среды результаты, отечественные идеологи и наукознайцы неоднократно превращали науку в ветвь паранауки тем, что отсекали результаты от путей поисков и сомнения.

К тому же сами представители Запада или те, кто с ним был знаком поближе, могли идолизироваться: «Ах, что мне до нее! Она была в Париже...», как полушутливо пел В.Высоцкий. И идолизировалась не всегда лучшее. Вспомним «Горе от ума»

Грибоедова, где главный герой язвит над тем, что россиян «выпячивая грудь», может учить уму-разуму «французик из Бордо». И дело тут не в национальном чванстве или франкофобии. Чацкий возмущен тем, что в России, как глашатая высших истин, могли слушать того, кто на своей собственной родине ничего не значил. Внимать ему, лишь потому, что он иностранец.

Шли десятилетия, а подобное восприятие чужого, как абсолютно истинного, причем истинного в своей завершенной форме, было перенесено сначала на марксизм, а затем и на либерализм, и, соответственно, на определенные модели образования. Хотя, казалось бы, не надо быть ни министром, ни академиком, ни, тем более. Эйнштейном, чтобы понять: как и питания, нет образования хорошего вообще. Любая система образования и воспитания – это часть своей культуры, своего социума. Вполне естественно, что чужой опыт не может не изучаться и замыкаться в том, что сегодня именуют этнопедагогикой, невозможно. Но соединять чужое и свое можно только органически, а не шаблонно механически, и не по заказу «закордонного дяди». Ведь бессмысленно было бы пытаться соединить колесо от «Мерседеса» с «Камазом». В образовании же такой бессмыслицы хоть отбавляй. И это, не говоря о том, что очень многое за последние десятилетия стало ломаться только потому, что необдуманно показалось устарелым. Но всегда ли в образовании уместны столь тотальная ломка и заимствование, которые сродни тем, что Россия наблюдала во времена Петра Первого? – Вопрос не имеющий ответа, верного на все времена. Однако подумать есть над чем. Размышляя над этим, профессор из Бельгии, то есть знакомый с мировым опытом отнюдь не поверхностно, Евгений Казарцев говорит: «Советское образование, безусловно, давало высокий уровень знаний, но, к сожалению, не во всех областях... Конечно, наверное, нужно было реформировать советскую систему, но не обязательно было ее ломать. Главное, мне кажется, надо было постараться сохранить прежний уровень образования и науки в тех областях, в которых он действительно был высоким.. То есть... нужно было просто поддержать так называемую «советскую»... науку. И прежде всего поддержать экономически!..

Что же касается кредитных технологий и образования, могу сказать, что эти технологии приняты далеко не во всех развитых странах и далеко не во всех ведущих университетах. Мне кажется, что задача, вообще состоит не в том, чтобы слепо

следовать чужому опыту, перенимать какие-то новые, еще неопробованные экспериментальные модели, а в том, чтобы брать лишь лучшее, что есть в других странах и что уже прошло испытание временем, и добавить это к тому хорошему, что было и что пока есть у нас». (1, с.19 -20) Подобные суждения многократно звучат и в Казахстане и в России, но, к сожалению, они дают мало эффекта.

С другой стороны, и на это хотелось бы обратить особое внимание, перенимая чужой опыт или увлекаясь «инновациями», и в России, и в Казахстане зачастую больше внимания обращают на форму, чем на суть. Формализация реформ в образовании становится, подчас, не только вездесущей, но и всеподавляющей, и именно она вызывает внутреннее неприятие у массы педагогов. Неприятие, которое периодически выплескивается в СМИ. Один из образцов этого - статья кандидата технических наук Т.Кабенова «Под валом ненужных бумаг», появившаяся в казахстанской газете «Трибуна». Автор – один из тех практикующих педагогов, кто резко обрушивается на сложившуюся систему методического обеспечения вузовского преподавания и, прежде всего, уже упоминавшейся подготовки УМК. По его словам, «разросшаяся административно-бюрократическая система руководства ВУЗа» стала в новых условиях требовать от своих подчиненных только одного: «Давай. давай, скорей эти УМК, пиши и печатай, причем не один УМК, а целыми длинными списками на одного преподавателя. Бедные преподаватели наспех печатали некачественные вещи одну за другой. В личной беседе мне в этом признавались многие. Известно, что преподаватели вузов и других учебных заведений, живут в условиях острой нехватки времени, при напряженном и перегруженном рабочем графике...» Поэтому объем электронно-бумажной методической и отчетной работы в целом должен быть резко сокращен.(2)

Итак, вторая сторона проблемы, отмечавшейся и в предыдущих разделах – это крайне нерациональная организация учебно-педагогической, а во многом и научной деятельности, когда и педагогу, и ученому приходится заниматься выматывающей и съедающей время деятельностью, не имеющей непосредственного отношения ни к собственно образовательной, ни к творческой научной работе. Нередко получается, как в старинном китайском стихотворении, автор которого грустил о том, что в его время «породистый скакун уныло тащит груз камней», то есть используется не по назначению. И проблема

эта вырастает в одну из центральных – перед нами наглядные образцы по человечески и экономически неэффективного использования труда тех, на чье обучение и профессиональную подготовку затрачены огромные средства.

Третья сторона проблемы – это уровень подготовки и мотивация значительной части тех, кто учится не только в школах, колледжах, но и вузах. Есть удивительно емкое восточное выражение; «Учитель появляется тогда, когда ученик готов к этому». Но все ли, даже из учащихся вузов, особенно поступающих учиться на платной основе готовы к этому?

Увы, и среди студентов вузов немало таких, кто нацелен не на знания, а на баллы и дипломы. В этом отношении показательны наблюдения Юрия Лозы, который получил высшее образование уже будучи зрелым человеком. Он окончил МЭСИ. «Учился экономике и статистике на платном отделении и наблюдал, как люди, которые сидели (с ним) на задней парте, молодые, заплатившие деньги (ну, или кто-то за них заплатил) обсуждают во время занятий только свои любовные успехи на вчерашней дискотеке. Крайне интересные лекции они не слышали совсем и на экзаменах задавали такие вопросы, что я просто диву давался, и эти люди, которые волюются в большой штат экономистов, будут двигать нашу экономику вперед? Да это же бред сивой кобылы!...» (3, с.22)

Более того, критерии самооценки резко снижаются, и современные студенты очень часто просто не могут адекватно подойти к оценке того, что они делают (или не делают) во время учебы.

Четвертой стороной проблемы становится вопрос о месте собственно гуманитарного и общепhilosophического образования в системе образования в целом. Насколько оно востребовано сегодня? Нужна ли, к примеру, культурология, которую то вводили в число практически обучаемых предметов в казахстанских вузах, то выводили, и т.д.? – К размышлениям об этом мы прикоснемся в следующем разделе.

Литература.

1. Брюссельский опыт. Интервью Мереке Уюнбаевой с Евгением Казарцевым. – Мысль, январь 2014, №1.
2. Кобенов Т. Под валом ненужных бумаг. – Трибуна, 29 января 2014 г., №3.
3. Человек, с которым ничего не происходит. – Наша газета, 6 февраля 2014 г.

О проблемах стратегии гуманизации современного образования.

Раздел подготовлен при участии Дайкер А.Ф.

О проблемах гуманизации современного образования говорится и пишется сегодня много. Но, представляется, что даже в определении стратегии, приоритетов здесь и по сей день еще далеко не все ясно. Однако прежде, чем обсуждать в очередной раз стратегию и приоритеты, было бы уместно хотя бы пунктирно очертить базовые понятия или же, по крайней мере, отметить их специфику.

В обсуждаемой сфере их прежде всего три. Это духовность, гуманизация и гуманитаризация.

Уже духовность, о которой стало так модно говорить, улавливается довольно нелегко. Ведь что обычно подразумевают под духовностью? – Нечто расплывчатое, облачно-воздушное и при этом прекрасно-доброе, вырастающее из некой абстрактной, благостной религиозности. Но в данном случае было бы уместно разграничить историю становления понятия и его современное значение. Да, и этимологически, и генетически духовность и духовное связаны с религией. Исторически онтологической основой духовности является дух, а впоследствии и Мировой разум – то есть то дыхание глубинной сути бытия, которое превращает само это бытие в Жизнь, а мир - в Единое Целое, существующее по единым законам. Таким образом, духовное – это то, что, будучи причастным к Мировому Духу, Логосу и т.д. дает жизненность и возвышенность человеческим целям и идеалам. Духовность же в таком случае – причастность к базовым ценностям Божественного Бытия. С определенной точки зрения, чем более человек духовен – тем более он причастен к Божественному, и тем более отдален от мира с его сугубо материальными, а, значит, и низменными ценностями.

Именно такое видение духовности на протяжении столетий поддерживалось многими авторитетными представителями мировых религий. Но можем ли мы сегодня, так много говоря о возрождении традиций, духовности и т.д., и т.п. вернуться к такого рода ценностям средневековья? – О таком возврате ныне не говорит и Церковь. Более того, сами представления о духовном и духовности сегодня не ограничиваются лишь рамками религии. Согласно современным представлениям духовным может быть и светское, если это светское насыщено творчеством, неотделимым от художественно-нравственных ценностей (что и когда относить

к таковым – это отдельный вопрос). И это понятно. Ведь современное обоснование морали может быть и безрелигиозным.

Итак, духовность – это желаемое либо реальное качество индивида, социального слоя, социума, которое своими корнями уходит в онтологию, в видение мира, общества и человека. Поэтому в нашей триаде данное понятие является базовым.

Следующее понятие – гуманизация, восходящее к слову гуманность, гуманный. Оно менее туманно, чем первое, но, тем не менее, тоже нуждается в некоторых комментариях.

Как известно уже история древней философии знает пример гуманистов, к каковым прежде всего относят Конфуция. Для великого китайского философа и педагога гуманность – это человеколюбие.

Мощные гуманистические струи прослеживаются и в мировых религиях, хотя здесь все очень непросто, особенно если судить исторически формировавшиеся ценности по современным меркам. Но, все-таки, например, в многовековом христианстве, вплоть до появления протестантизма, в целом (если говорить об идеалах) приоритеты отдавались духовно-душевному, тогда как собственно материально-телесное, столь ценимое в миру, оказывалось за скобками этих идеалов.

Эпоха Возрождения дала миру гуманизм несколько иного рода. В центре внимания этой эпохи, при всем признании Божественного, все-таки оказался человек в единстве духовно-душевнo-телесного.

Очевидно, что современные представления о гуманности впитали то, что дала история, и сегодня гуманность – это человеколюбие в самом широком смысле слова, не игнорирующее ни духовно-душевное, ни телесное. Гуманизация же образования – это, в данном случае, расширение возможностей роста разносторонне развитой личности: интеллектуальных, художественно-нравственных и физических. Как ни странно, но о последнем, как важнейшем слагаемом гуманизации в современном ее понимании мы на практике очень и очень часто забываем. А ведь здесь и в пространственном, и во временном плане все не может сводиться лишь к занятиям физкультурой и спортом в отведенные для них часы. Так, много ли вы видели в современных вузах и школах турников и простейших спортивных снарядов, материала для подвижных игр в школьных дворах, рекреациях в помещениях? – В итоге получается, что растущие и очень молодые люди, из которых энергия буквально плещет через край, вынуждены часами и годами ограничивать свою

подвижность. Можно ли при сохраняющемся положении говорить о гуманизации нашего образования в целом, а не только о ее художественно-нравственных аспектах?

Третье понятие – гуманитаризация, связано с понятиями гуманитарный, гуманитарные науки. Когда мы говорим о гуманитаризации образования, то речь, очевидно, идет об определении рационального удельного веса предметов гуманитарного и обществоведческого цикла, как в школах, средних специальных учебных заведениях, так и вузах.

Попытки такого рода определения чрезвычайно важны, хотя, очевидно то, что они сопряжены с особенностями социумов и не могут от них абстрагироваться. Огрубляя, можно заметить, что в современных условиях поиски путей решения проблемы гуманитаризации образования неотделимы от задачи сохранения и творческого развития того колоссального творческого потенциала, который был накоплен в сфере отечественного образования еще в доперестроечные годы. При этом крайне важно иметь в виду, что высшее, особенно университетское образование в принципе не может ограничиваться подготовкой лишь узкого специалиста.

Данное положение обуславливается несколькими факторами. Упомянем наиболее существенные на наш взгляд. Во-первых, хороший специалист, как правило, стремится к профессиональному и карьерному росту. Карьерный же рост требует овладения азами управленческого искусства, неотделимого от искусства общения с людьми. Постигание же такого рода искусства возможно лишь при освоении основ целого ряда гуманитарных и социальных учебных дисциплин. При этом совершенно незаменимы и литература, и искусство как таковое. Во-вторых, такого рода дисциплины развивают эвристический потенциал личности, ее творческое или, как сейчас стало модно выражаться, креативное начало (как будто иностранное слово делает идею более научной). В-третьих, при переплетении профессий и довольно-таки типичной для молодых смены родов деятельности может стать так, что именно гуманитарно-социальные учебные дисциплины дадут импульс для поворота в творческой судьбе того или иного индивида.

После этого краткого вступления попробуем совместно с читателем поразмышлять над рядом конкретных проблем. Начнем с проблемы воспитания духовности и того крена, который, на наш взгляд, сегодня можно наблюдать в российском, а отчасти и не только российском образовании.

Прежде всего, перед нами встает вопрос о том, каким образом на той или иной ступени образования воспитывать тягу к духовности, самопознанию и самовоспитанию. Представляется, что в России в последние годы возник соблазн упрощенного решения этого сложнейшего вопроса. Так, пока еще в качестве эксперимента, в ряде регионов вводится преподавание основ православной культуры. Школьного предмета, усиленно именуемого светским. При этом самые высокие церковные иерархи убеждают нас, что наряду с этим, желающие могли бы изучать и основы мусульманской культуры либо, если это атеисты, - светскую этику. Здесь усматриваются некоторые спорные моменты. Так, выглядит весьма спорным такое выделение в стенах светских школ отдельных групп учащихся, которое было бы основано на различиях в их мировоззренческой ориентации. К тому же остается непонятным, почему в светском обществе основы светской этики должны будут изучать только атеисты. А что православные, мусульмане, иудеи живут в иной стране и перед ними в практической жизнедеятельности могут встать совсем иные проблемы, нежели перед атеистами? С другой стороны, почему бы мусульманам и атеистам не знакомиться с азами православной культуры, а тем, в свою очередь, с основами культуры мусульманской? – Ведь и история, и современность высвечивает немало примеров, когда элементарное незнание может обернуться скандалом. Подчас глобального масштаба, а то и трагедией. Хорошо известен не столь уж давний скандал в мире высокой моды, когда по недоразумению одно из платьев коллекции знаменитого западноевропейского кутюрье оказалось украшенным арабской вязью. Служители музы красоты наивно полагали, что это - из арабской лирики. Оказалось же, что текст – из Священного Корана. Возник скандал, и платье срочно изъяли из коллекции. Как видим, какое-то, пусть элементарное знание основ той или иной культуры желательно не только для ее адептов. Ведь мы живем во все более и более глобализующемся и при этом, соответственно, усложняющемся мире. Итак, знание – сила. Сила, помогающая избегать ненужных проблем в нашей и без того непростой жизни. Но вот каким образом, в каком возрасте, на каком этапе получения образования и с помощью каких средств умножать эту силу? – Вопрос отнюдь не риторический.

Думается, что любое освоение основ культуры имеющей ту или иную конкретную конфессиональную окраску должно быть вынесено за стены обычных средних учебных заведений. Есть

же спецшколы: спортивные, художественные, музыкальные, есть воскресные конфессиональные школы, например, школы при церквях и мечетях. Они для добровольцев, и это очень важно.

Но, может быть, тогда в школах ввести религиоведение в качестве отдельного учебного предмета? Такая инициатива, в частности, была проявлена в костанайской области. Появилось даже грамотно составленное учебное пособие по данному предмету.

Но, думается, что и такой подход допустим лишь при тщательном продумывании. Школа и без того перегружена. К тому же учитель был мало готов к ведению такого рода курсов. Возникает парадокс: из вузовских программ религиоведение или история мировых религий, заменившие некогда обязательный курс основ научного атеизма, одно время почти исчезли. В КГУ, например, этот курс читался, как обязательный лишь у историков, и как дисциплина по выбору - у юристов. Был еще курс – религия изучаемой страны у регионоведов. Даже журналисты, и те, на протяжении всей учебы в вузе, не получают самых элементарных представлений о религии. Что было необходимо – так это максимально широкое введение светского религиоведения в вузах, ибо, во-первых, они готовят специалистов, немалая часть из которых волеется в творческую и правящую элиту наших стран. А, во-вторых, - в курсе религиоведения дается такая информация и ставятся такие проблемы, которые интересны и практически затрагивают каждого молодого человека. Сегодня эта задача решена и такой курс появился в вузах Казахстана...

В школах же уместнее всего знакомить с азами религиоведческих знаний и основами духовной культуры в широком, а не только религиозном ее понимании, не с помощью введения специальных предметов. На это есть история, литература и т.д. плюс внеклассная работа. Думается, что с точки зрения воздействия на сознание и воображение учащихся редкие, но хорошо продуманные и хорошо организованные круглые столы и встречи с представителями различных конфессий могли бы быть более эффективными, эмоционально насыщенными, нежели рутинные занятия в форме обычных уроков. Не стоит забывать и о такой, давно отточенной форме внеклассной работы, как диспут. Ведь просто елейными разговорами о необходимости согласия, компромиссов, мы при всех своих потугах не устраним тех реальных противоречий, с которыми каждый ребенок и студент может столкнуться в жизни.

Более того, диспут и полемика вообще являются замечательными способами тренировки и интеллекта, и духа.

Еще М.Монтень писал, что, по его мнению, «самое плодотворное и естественное упражнение нашего ума – это беседа». Причем, именно такая беседа, которая при всей тактичности не чурается острых углов: «Учась по книгам, - развивал свою мысль замечательный французский философ, - движешься вперед медлительно, слабо, безо всякого пыла; живое же слово учит и упражняет. Если я веду беседу с человеком сильной души, смелым соперником, он нападает на меня со всех сторон, колет и справа и слева, его воображение разжигает мое. Дух соревнования, стремление к победе, боевой пыл увлекают меня вперед и возвышают над самим собой. Полное согласие – свойство для беседы весьма скучное». Правда, добавляет Монтень, «невозможно вести честный и искренний спор с дураками». (1)

Конечно, стремление к победе – само по себе отнюдь не всегда важнейшее качество полемической беседы или диспута, однако диспут учебный ни в коей мере забывать не стоит. Но, как и целый ряд иных форм работы, диспуты и полемические беседы не требуют обязательного введения в школьный курс тех или иных дополнительных предметов.

Таким образом, по глубокому убеждению авторов, воспитание духовности ни в коем случае не может укрепиться лишь введением каких-то новых школьных предметов. Духовность – это атмосфера, это воздух, которым дышит учащийся. А разве можно чистый воздух вдыхать лишь в определенные учебные часы?

Другой вопрос – то, что школа не существует в некоем особом мире, отгороженном и от улицы, и от Интернета, и от масс-медиа в более привычном их понимании, и от шоу-бизнеса, и от заполненного разительными контрастами мира взрослых. Вот тут-то и у школы, и у вуза есть множество точек соприкосновения, и с церковью, и с мечетью, и с представителями всех тех религиозных объединений, которые готовы сотрудничать с системой образования и светскими властями в деле борьбы с наркоманией, пьянством, хулиганством и т.д. и т.п.

Другой столп или элемент нашей триады – это гуманизация образования. В этой части наших размышлений коснемся лишь того ее аспекта, который связан непосредственно с учебно-педагогической деятельностью в стенах школ, средних специальных учебных заведений и вузов. Затронем один, но важнейший в стратегическом отношении момент: проблему, которую у нас принято именовать проблемой толерантности. В

свое время один из авторов статьи уже касался этой проблемы, а в последнее время аналогичные подходы были озвучены и в СМИ. Дело в том, что толерантность – не самый удачный термин в плане диалога культур и мировоззрений. Ибо что такое толерантность в буквальном переводе? – Терпимость. Но что обычно призывают терпеть? – То, что неприятно, то, что причиняет неудобства, а то и боль. Мол, терпи, казак – атаманом будешь. В этом плане терпение – то, что помогает перенести временные неудобства и проблемы. Наша же общая задача – настраиваться самим и настраивать детей и молодежь на то, что взаимодействие, а то и симбиоз культур – явление не временное. Значит, здесь нужна не просто терпимость. Куда удачнее, в данном отношении уже найденное понятие взаимопонимание. Не терпеть друг друга, а понимать – вот наша общая задача. Но понимать, еще не значит безоговорочно принимать все и вся. Так мы соприкасаемся с еще одним «слабым звеном» толерантности, ее своеобразной ахиллесовой пятой. Суть этого слабого звена начала особенно четко проступать в годы так называемой перестройки. Толерантность стала пониматься, как всеядность, когда сначала СССР, а затем и страны на постсоветском пространстве стали превращаться в свалку духовных отходов Запада (и не только). В этих условиях «либерализация», «деидеологизация», «свобода», «свобода слова» и даже «свобода совести» стали очень часто превращаться в фиговые листки, прикрывающие интересы тех сил, которые были заинтересованы не в расширении нашего духовного пространства, а наоборот – в подтачивании самих основ нашей духовности и нашего менталитета. Ударяя по «совковости», такого рода радетели толерантности по сути дела били по тому, что на нашем общем пространстве складывалось не десятилетиями, а веками и, по сути, способствовало выживанию наших этносов на громадных пространствах Евразии.

Парадоксально, что при всем этом, вроде бы ратуя за широту мышления и мировоззренческую беспределность, нововведения в образовании на практике подчас оставляют очень мало места для живого, разностороннего и при этом высоко профессионального обсуждения вопросов принципиальных. Таково, например, положение с так называемым кредитным образованием и безоглядной, почти тотальной тестизацией процесса обучения, именно обучения, а не просто контроля знаний.

Ведь что получается, если итоговая проверка знаний увязывается с тестированием, причем независимо от изучаемого

предмета? Получается так, что порой студенты прямо заявляют преподавателям: нам нужны не лекции, а побольше тестов. Но таким образом обучение начинает откатываться далеко назад – к бурсе и церковно-приходской школе прошлого, где главным было запоминание, зазубривание, а не понимание. Но ведь этим дело не ограничивается. Поскольку нет ни четких стандартов, ни ясного понимания проблемы, ни ее психолого-педагогического осмысления, от преподавателей могли потребовать срочной подготовки 1200 тестов для экзамена по философии. В принципе можно подготовить и столько, но не на скорую руку и при строгом ограничении требуемого для запоминания ряда имен, названий работ, понятий... То есть тогда, когда варьируется лишь определенный поток информации. Но и в таком случае тестирование хорошо, как одна из дополнительных форм работы, а не решающая форма контроля. В противном случае получается, что вся, десятилетиями обкатывавшаяся система отечественного образования начинает вступать во все более очевидное противоречие с убогими формами контроля за качеством обучения. Таким образом, колоссальные достижения и вузовской системы образования, и конкретных наук оказываются по сути не востребуемыми. Тем самым, пусть не прямо, а косвенно наносится мощнейший удар по самой идее гуманизации образования. Фактически, пока мы на конференциях и симпозиумах с пафосом говорим о гуманизации образования, под весь этот шумок разворачивается его дегуманизация.

Но дегуманизация образования заключается не только в намечаемом отдалении преподавателя от студента, в замене лектора и организатора дискуссий на тьютора – своего рода консультанта якобы самостоятельно работающего студента. Думается, что одно из самых драматичных проявлений дегуманизации современного образования, и прежде всего образования в высшей школе, что четко прослеживается в ряде вузов Казахстана, заключается в положении собственно преподавателя. Учебные нагрузки в сравнении со столь часто охаиваемыми советскими временами становятся несравненно большими. А ведь к этому добавляются и подработки, без которых зарплата вузовского преподавателя зачастую будет недостаточной не только для сохранения прожиточного минимума, но и для продолжения самой работы. Ведь сегодня вузовский преподаватель сплошь и рядом напоминает пекаря,

который и муку сам закупает, и сахар, да еще и сам продает. И в самом деле, разве диски, книги и т.д. – это не мука для того, что потом должно превратиться в лекции и семинары?

Однако хорошо известно, что только этим затраты на собственную же трудовую деятельность не ограничиваются. Публикации статей, книг, участие в конференциях сплошь и рядом оплачиваются самими преподавателями, то есть львиная доля так называемых зарплат уходит на поддержание определенного статуса и соответствующей творческой формы, без которой профессиональная работа в вузе невозможна. Стоимость же сдачи кандидатского экзамена становится почти соизмеримой с зарплатой молодого преподавателя.

Таким образом, тяга к творчеству весьма недешева. Оплата же такой тяги требует дополнительных заработков и, следовательно, дополнительного времени. Тем самым свободное время вузовского преподавателя съезживается как бальзаковская шагреновая кожа. Происходит, наверное, самое печальное: тот, кто должен учить творчески мыслить, сам имеет все меньше и меньше времени и сил на творческую деятельность и даже просто на чтение. А уж об общении со студентами и говорить не приходится – на него буквально не остается ни времени, ни сил. Да и что может дать студенту преподаватель, которому некогда ни популярную книгу прочитать, ни обсуждаемый фильм посмотреть?

Кстати, слово «обсуждаемый», пожалуй, из того, прежнего, а ныне устаревшего лексикона. Сегодня говорят не об обсуждаемых, а кассовых фильмах, что отнюдь не совсем одно и то же.

Пунктирно отмеченные здесь болевые точки дегуманизации современной высшей школы подводят нас и к новым поворотам проблемы гуманитаризации современного образования. Обратим внимание только на несколько аспектов. Представляется, что совершенно недопустимо переводить в разряд дисциплин по выбору такие предметы, как культурология или история мировой культуры. Кроме того, очень важно уяснить на самом высоком уровне, что высшее образование призвано возвращать не просто специалистов, а и граждан, ощущающих ответственность за то, что они делают. Можно было бы сказать, что химик ли физик ли, инженер ли, способны обойтись без философии, культурологи, религиоведения и т.п. Но на практике это будет означать, что такие специалисты будут готовы обратиться к иной, отнюдь не безопасной для общества философии, к иному,

отнодь не безопасному для общества пониманию религии. И в таком случае, полученные такими специалистами сугубо профессиональные знания станут работать не на общество, а против него. Печальные примеры такого рода, к сожалению, слишком хорошо известны.

Но тут, при новом повороте проблемы мы оказываемся и перед новыми вопросами: а каково же соотношение жизни, и обучения, образования, знания и информации?

Литература.

1. Размышления и афоризмы французских моралистов 16 – 18 веков. – М.: Художественная литература, 1987, сс.105 – 106.

А каково же место и какова суть науки в нашем мире?

Иной читатель скажет: «Ну что за вопрос? - Разве не ясно, что роль науки все возрастает и возрастает. Перефразируя песню прежних лет, мы могли бы горделиво сказать: «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет» птиц, несущих на своих мощных крыльях современную науку.

Но, если взглянуть внимательнее в современные реалии и просматривающиеся тенденции и «тренды», то мы, даже при самом поверхностном подходе наталкиваемся на частокол вопросов.

Во-первых, на вопрос: а что же такое наука в современном ее понимании и можно или нет очертить четкие границы, отделяющие науку от паранауки? Вопросы очень непростые и, пожалуй, не имеющие однозначного решения. Не имея возможности специально остановиться на этих вопросах, можем отослать наиболее любознательных читателей помимо той массы работ, что доступны в Интернете, и к книге «По ту сторону науки? На перекрестке тайн и иллюзий. (Бондаренко Ю.Я. – Костанай: печатный двор, 2010, 147 с.).

Вторая группа вопросов – это вопросы выбора приоритетов и экономического обеспечения научной деятельности. Вопросы эти очень существенны, ибо, как отмечают специалисты, в современном мире цена движения к новому, цена научных открытий в современном мире все более возрастает. В развитых странах доля затрат на науку составляет 2-3 % от ВВП. Но

известно и то, что, как приоритеты, так и возможности различных стран не равны. Так, например, «ежегодные расходы на науку в США составляют примерно 250 млрд. долларов», тогда как «современная Россия тратит на науку ежегодно только около 10 млрд. д». (1, с.146)

Третья группа вопросов – это вопросы рациональной организации научной деятельности. Они представляются принципиальными. При всех колоссальных уже наблюдаемых переменах здесь, видимо, еще требуется подлинная революция. Чтобы не повторять то, что уже говорилось об образовании, отметим только, что отечественная диссертационная форма научной деятельности в том виде, в котором она сложилась, как это не парадоксально прозвучит, является антинаучной и крайне нерациональной. Диссертационные, а сегодня зачастую и иные работы окружаются такими частокколами требований и предписаний, следование которым съедает колоссальные силы, да и время ученых. Фактически именно «оформление» научной работы становится тем невыносимым грузом, который отталкивает от науки подлинно творческих людей.

Очень значимы и вопросы того места, какое занимает наука в массовом сознании, как она воспринимается, в каком виде предстает и как интерпретируется? – Увы, и здесь картина не слишком радужная. Опуская то, что характеризует явное невежество, коснемся вскользь лишь нескольких штрихов, наглядно демонстрирующих то, как нередко предстает наука в наших СМИ. Замечательный пример, одна из передач «Культурной революции», посвященной проблеме табу (20 марта 2014 г.) Один из оппонентов «родовитый» и достаточно известный режиссер, человек с явно не примитивным образованием, походя прохаживается критическими шажками по дарвинизму: мол, сегодня-то мы уж знаем, что человек древнее, чем по его теории эволюции.

Замечательный пример того, как серьезная проблема, попав в зону действия шоу, превращается в нечто, вроде цирковой булавы для жонглирования. Конечно же, дарвинизм, который поддевать готовы многие, да и теория эволюции, как таковая, оставляет немало вопросов. Но совершенно несерьезно большую или меньшую древность человека связывать с самим существом вопроса. Еще курьезнее выглядела оппонентка, затронувшая проблему инцеста, причем так, как это можно увидеть в иных, весьма упрощенных вузовских тестах по культурологии: мол, отказ от инцеста – это своего рода движение к цивилизации.

На вопрос же эрудированного специалиста, о том, как же быть с цивилизацией Древнего Египта, которой инцест был знаком, несмотря на то, что Египет далеко ушел от первобытности, она тут же начала бойко сыпать словами. Этой бедолаге почему-то задали и вопрос о теократии, о которой она тоже, красноречиво что-то говорила. И в первом, и во втором случае эта милая дама была от сути так же далека, как Мюнхгаузен от Луны, наверное, даже этого целиком не сознавая. И такими примерами, как говорится, пруд пруди. И самое главное тут не в том, что кто-то чего-то не понимал или о чем-то говорил поверхностно, а то и неверно. Главное – в ином, в искажении самого образа науки. Дама эта была психологом, семейным консультантом. Да будь она даже в чине академика, ни египтология, ни религиоведение – не ее сфера. В здравом уме не один серьезный человек, хотя бы прикоснувшийся к науке, не станет авторитетно отвечать на вопросы, которые требуют специальных знаний, что вне сферы ее компетенции. Реальная ученость начинается именно с понимания границ своего знания. Ибо нет Науки вообще, а есть конкретные сферы научной деятельности, хотя очень часто и пересекающиеся, но совсем не обязательно совпадающие. Ученый – это не доктор Всезнайка. Увы, эту простую истину мы очень часто забываем, а вместе с этим забываем: а что же такое собственно знание?

Литература.

1. Лебедев с.А. Наука в глобальном мире. – Век глобализации... 2012, №2.

Что такое «знание» в «массовом» обществе?

Опять-таки, который раз может показаться, что мы задаем детский вопрос. Но такой ли уж он детский? Какие знания считать жизненно важными, какие просто развивающими, а какие и почему «не работающими», либо работающими отнюдь не на развитие личности либо на благо общества? И что является одной из глубинных причин тех тревожных процессов, свидетелями и действующими лицами которых мы являемся сегодня?

Над этими вопросами задумывались задолго до нас. Поскольку же в наше время и Казахстан, и Россия активно

вовлекаются в процессы глобализации, которые точнее было бы назвать «озападниванием», было бы уместно в качестве напоминания воспроизвести здесь развернутые размышления одного из известнейших представителей того самого Запада, которому мы, подчас так слепо, стремимся подражать. Это размышления великого американского фантаста Рэя Брэдбери, звучащие в «431-м градусе по Фаренгейту», знаменитом произведении, написанном и опубликованном еще в 1953 году.

По мысли одного из персонажей этого произведения, глубинные истоки происходящего – в ускоряющемся ритме исторического развития, весьма специфически воспринятом теми, кто в силу своего положения смог влиять на формирование и «массового сознания», и на укоренение вкусов и пристрастий самых широких масс «общества потребления».

Наступил двадцатый век. «Темп ускоряется. Книги уменьшаются. в объеме. Сокращенное издание. пересказ. Экстракт. не размазывать. Скорее к развязке!..

Произведения классики сокращаются до пятнадцатиминутной передачи. Потом еще больше: одна колонка текста, которую можно пробежать за две минуты. Потом еще десять, двадцать строк для энциклопедического словаря. Словари существовали для справок. Но немало было таких, чье знакомство с «Гамлетом» ограничивалось одной страницей краткого пересказа в сборнике, который хвастливо заявлял: «Наконец-то вы можете прочитать всех классиков! Не отставайте от своих соседей!» Понимаете? Из детской прямо в колледж, потом обратно в детскую. Вот вам интеллектуальный стандарт...

А теперь быстрее крутите пленку... Клик! Пик! Флик! Сюда, туда, живей, быстрее, так, этак, вверх, вниз. Кто, что, где, как? Почему? Эх! Уж! Бах!, трах, хлоп, шлеп!... Сокращайте! Ужимайте! Пересказ пересказа! Экстракт из пересказа пересказов! Политика? Одна колонка, две фразы, заголовок! И через минуту все уже испарилось из памяти. Крутите человеческий разум в бешеном вихре, быстрее, быстрее! - руками издателей, предпринимателей, радиовещателей, так, чтобы центробежная сила вышвырнула вон все лишние, ненужные, бесполезные мысли!..» (1, с.232)

А как это все, по Брэдбери, отражается на обучении, как таковом? - «Срок обучения в школах сокращается. дисциплина падает. Философия, история, языки упразднены. Английскому языку и орфографии уделяется все меньше и меньше времени, и, наконец, эти предметы заброшены совсем. Жизнь коротка. Что

тебе нужно? Прежде всего работать, а после работы развлечение, а их кругом. сколько угодно, на каждом шагу, наслаждайтесь! Так зачем же учиться чему-нибудь, кроме умения нажимать кнопку включать рубильники...?» (2, с.233)

Вполне понятно, что у нас далеко не все так, как в антиутопии Брэдбери. Обучение в школах – и то намерены удлинить. Но остается очень серьезная проблема – проблема того, что же считать знаниями и, соответственно, кого – знатоком и интеллектуалом? И, вообще, «счастливым». то есть ничем «не замороченным» человеком. Брэдберевский пожарный Битти говорит об этом без обиняков: «Мы умеем вовремя подавлять (нежелательные) тенденции. В самом раннем возрасте. Без досок и гвоздей дом не построишь, и если не захочешь, чтобы дом был построен, спрячь доски и гвозди. Если не хочешь, чтобы человек расстраивался из-за политики, не давай ему возможности видеть обе стороны вопроса, пусть видит только одну, а еще лучше – ни одной. Пусть забудет, что есть на свете такая вещь, как война. Если правительство плохое, ни черта не понимает... , это все-таки лучше, чем, если народ волнуется. Спокойствие, Монтэг, превыше всего! Устраивайте разные конкурсы, например, кто лучше помнит слова популярных песенок, кто может назвать все главные города штатов или, кто знает, сколько собрали зерна в штате Айова в прошлом году. Набивайте людям головы цифрами, начинайте их безобидными фактами, пока их не затошнит, - ничего, зато им будет казаться, что они очень образованные . У них даже будет впечатление, что они мыслят, что они движутся вперед, хотя на самом деле они стоят на месте. И люди будут счастливы, ибо «факты», которыми они напичканы, это нечто неизменное. Но не давайте им такой скользкой материи, как философия или социология. Не дай Бог, если они начнут делать выводы и обобщения. Ибо это ведет к меланхолии! Человек, умеющий разобрать и собрать телевизорную стену – а в наши дни большинство это умеет - куда счастливее человека, пытающегося измерить и исчислить вселенную, ибо ее нельзя ни измерить, ни исчислить, не ощутив при этом, как ты сам ничтожен и одинок...» (1, с.237)

Здесь уже выход на философию. Но, если мы сузим проблему, и сосредоточимся лишь на том, что считать знаниями, и соотношением знаний и информации, то и здесь перед нами встанут очень серьезные и актуальные вопросы – вопросы соотношения целого и фрагмента в системах образования и воспитания, вопросы о том, насколько и до какой степени

фрагментаризация знания позволяет ему сохраниться в головах обучаемых, как знание живое, а не мертвый хлам, лишь заполняющий голову? И насколько, когда и какие «знатоки» вправе учить нас тому или иному?

Литература.

1. Брэдбери Рэй. Избранные сочинения в трех томах. Том первый. – М.: Олимп, 1982.

Человек в информационном мире.

В наши дни любой более или менее прилежный студент отечественного вуза знает о существовании концепции, согласно которой человеческие общества или социумы можно разделить на те, которые относятся к традиционным – доиндустриальным, индустриальным и постиндустриальным. Последний тип общества называется еще информационным. Здесь знания и информированность в идеале значат больше денег. Как говорится, «кто владеет информацией, тот владеет миром». Но одна из серьезнейших проблем в том, что **информация** начинает все более дистанцироваться от **знания** в его традиционном смысле слова. Ведь что такое идеальное, то есть образцовое знание в его устоявшемся понимании в отечественной культуре? – Это информация, «пропущенная через себя», подвергшаяся обработке мысли и обретшая индивидуальную эмоциональную окраску, и, что очень важно, являющаяся элементом других систем и подсистем. Например, знание того, что Волга впадает в Каспийское море оказывается знанием в собственном смысле слова лишь, когда мы знаем, что такое «Волга» в данном контексте (река, а не автомобиль или нечто иное), что такое Каспийское море, и где они расположены.

Интересно, что даже в религиозных учениях, где особое место уделяется не знаниям, а вере в ее религиозном значении, и знание плюс понимание, и вера, выстраиваются в рамках тех или иных систем. «Верю, чтобы понимать и понимаю, чтобы верить», – как у Августина Блаженного либо смотрю на доступную разуму философию, как на преддверие веры, как Фома Аквинский.

Все это, как и многое иное – те или другие системы знаний, логических ходов и эмоций. Однако так называемое информационное общество породило принципиально иной, по

самому своему духу постмодернистский тип соотношения блоков информации и индивидов, масс либо социальных групп. Эту ситуацию можно было бы назвать ситуацией **гносеологического хаоса** и, по крайней мере, внешне броуновского движения частиц информации – такого движения, при котором уже на уровне восприятия целостность воспринимаемого нарушается. Самый наглядный образец этого – современное телевидение, приучающее нас, а, точнее говоря, отучающее от относительно полного и возможно глубокого погружения в тот мир искусства ли, чего ли иного, который перед нами предстает на экране. Сам факт вторжения разнородных рекламных блоков в демонстрируемые художественные фильмы, сериалы и иные программы, формирует принципиально иное восприятие видимого и слышимого, восприятие, погружающееся в мир фрагментарности, смысловой и эмоциональной раздробленности. Это явление принципиально новое и способное породить такие особенности человеческой психики и, возможно, породить такие поведенческие реакции, иные из которых пока еще трудно представимы, а иные уже наблюдаются, но очень слабо осмыслены.

В отечественных и российских условиях отмеченный гносеологический хаос усугубляется еще и ломкой ценностей и утратой устойчивых образов и культурных стереотипов, что еще более усугубляет положение реципиента.

Однако сам этот гносеологически-информационный хаос является составной частью системной и жестко организованной «массовой культуры», культуры, наделенной колоссальными средствами для манипуляции человеческим сознанием, человеческой психикой и поведением. Еще фантасты, и в их числе уже упоминавшийся Рэй Брэдбери, неоднократно описывали возможные формы и средства такой манипуляции. У того же Брэдбери мы встречаем семью, где общение мужа с женой сведено до минимума. У жены в ушах, даже к ночи, делящие звуки, ракушки, а стены дома – нечто вроде нескольких телеэкранов, с которых долгими часами с обитателями отдельных квартир каждодневно общаются «родственники» - персонажи своеобразных телепередач, в которые может включаться и зритель, обретая при этом иллюзию реального человеческого общения, так, для жены главного героя «451-го градуса по Фаренгейту» «родственники», говорящие с ней со стен квартиры, - «живые люди... она, по словам Монтэга, - говорит, что книги не обладают такой «реальностью», как телевизор» (1, с.254).

Однако в этом мире лишь вибрирующими от звуков и мелькающих зрительных рядов стенами дело не ограничивается. Искусственный мир повсюду. Даже в общественном транспорте., к примеру. в «пневматическом поезде» с ревущими в вагонах радиорупорами звучит реклама:

«Зубная паста Денгэм!..

Зубная паста...

- Зубная паста!..» (1, с.233)

Уличные рекламные щиты в этом, все более чуждом природе, мире все более удлиняются – чтобы, и, пролетая в авто на большой скорости, можно было бы среагировать на рекламу. «Мне иногда кажется, - произносит одна из героинь Брэдбери, - что (летающие в машинах люди) «просто не знают, что такое трава и цветы». (1, с.194)

Поразительно, но в современном Костанае сумели даже «переплюнуть» горькую фантазию Брэдбери. Весь центр города опутан рупорами, между которыми высятся светодиодные щиты – и все это изо дня в день, то обрушивает на прохожих музыку, то громогласную рекламу, среди перлов коей еще не так давно, до появления некоторых едких статей в газетах, можно было услышать: «Настройся на позитив, не забудь презерватив» или многократно повторяющееся, естественно, с благими намерениями «Я не беременна». И дело тут даже не в качестве самих передач, самой рекламы, а в тотальности звуковых атак, их бесконечной повторяемости. По сути дела, перед нами – одна из изощренных форм тоталитаризма – навязываемого извне мощнейшего воздействия на психику горожан. Ведь уличную рекламу не выключишь, а музыка, соответствующая настроению и вкусам одних, может показаться неуместной для других. Не говоря уже о том, что разнородные потоки звуков, перекрещиваясь, как шпаги, целыми днями вливаются в близлежащие жилые дома. И это при том, что реальная отдача такого рода рекламных инноваций очень сомнительна. Ведь щиты и рупоры извергают звуки в самое разное время, в том числе и при почти пустынных аллеях и улицах. Вполне понятна, что музыка на улицах и допустима, и желательна. Но в определенных местах и в соответствующее время, а не круглодневно, ибо при этом девальвируется значимость и звука, и слова; и педагоги со временем, актеры и др. оказываются вынужденными иметь дело с теми, для кого слово, звуки музыки приравнивались к дуновению ветра, у кого притупляется само восприятие знаковой основы слова и звука. С другой же стороны,

целые массы людей помимо собственной воли погружаются в чуждую их конкретным целям, их личному выбору звуковую, языковую среду. Тем самым, там, где реклама и особенно громкая музыка чересчур навязчивы, собственно свободное время – время для личных размышлений, индивидуально ориентированного поиска и выбора источников эмоций – по существу ограничивается. Оно, вроде бы и есть, но де факто оказывается не таким уж и свободным, ибо, как и перед экраном телевизора либо в дебрях Интернета, идущий по городу индивид обволакивается своеобразным туманом информационно дезориентирующего, а отчасти и определенным образом ориентирующего «поля».

Появляется проблема реального отсутствия свободного времени при его внешнем обилии. Проблема, опять-таки, чутко уловленная Р.Брэдбери. Вслушаемся в слова его персонажа, который говорит: ... первое, чего нам не хватает: это качества, текстуры наших знаний (вспомним то, о чем мы только что размышляли – Авторы)

- А второе?

- Досуга.

- Но у нас достаточно свободного времени! (Изумляется собеседник).

- Да свободного времени у нас достаточно. Но есть ли у нас время подумать? На что вы тратите свободное время? Либо вы мчитесь в машине со скоростью сто миль в час, так что ни о чем другом уже нельзя думать, кроме угрожающей вам опасности, либо вы убиваете время, играя в какую-нибудь игру, либо вы сидите в комнате с четырехстенным телевизором, а с ним уж, знаете ли, не поспоришь (как и с уличной видео-звуковой рекламой - авторы). Почему, да потому, что эти изображения на стенах - это реальность... Вот они перед вами, они зримы, они объемны (сравните с три Д – авторы), и они говорят вам, что они должны думать, они вколачивают это вам в голову. Ну, вам и начинает казаться, что это правильно – то, что они говорят. Вас так стремительно подводят к заданным выводам, что ваш разум не успевает возмутиться и воскликнуть: Да ведь это чистейший вздор!» (1, с.254)

Иными словами, перед нами то, что сегодня, образно говоря, иногда называют «зомбированием». Даже захлебывающийся, стремительный темп речи дикторов, сообщающих новости – и тот, по самой своей сути снижает осмысленность и критичность сказанного и демонстрируемого. Не случайно в уже не шаржированной фантастике середины

прошлого века, а в современной научной статье мы читаем: «Мир постсовременности во многом определяется коммуникативностью и информационным пространством, создаваемым институтом масс-медиа... создаваемые средствами массовой информации образы, символы и знаки не только формируют особенности восприятия социальных фактов, но и становятся средством, «ключом» для понимания современной реальности...

Парадокс нашего времени – манипулирует человеком (либо группой) сообществом не другой человек или сообщество, а мощная и хорошо структурированная сила масс-медиа посредством создаваемых информационных продуктов. Поэтому в современном пространстве медийной информации особую значимость приобретают образные коммуникации и способы восприятия сообщений...»

В целом же «человек постсовременности, растворившись в информации, теряет контроль над событиями, текущей ситуацией и самой коммуникативной сферой. В современном коммуникативном пространстве основным действующим субъектом выступает сама информация, вызывающая бесконечный поток интерпретаций со стороны воспринимающих медийные образы индивидов.

Создаваемыми стереотипами, знаками, символами, клиповыми и рекламными продуктами структуры масс-медиа мистифицируют массовое сознание, делают реальный мир иллюзорным, «симулятивным» и ненадежным. Французский мыслитель Ж.Бодрийяр назвал реальность, формирующуюся под воздействием масс-медиа «гиперреальностью». В гиперреальности социокультурные факты утрачивают связь с объективным миром и становятся автономными симулякрами, не имеющими ничего общего с реальными объектами или социальными фактами. Сформированная масс-медиа знако-образная символическая реальность выступает, как самостоятельный мир, не репрезентирующий и не отражающий объективное положение вещей. В эпоху постмодерна наступает кризис репрезентации, т.к. символы-знаки (симулякры) больше не представляют оригинала или чего-то объективно существующего. Следуя образному выражению Ж.Бодрийяра, симулякр «есть истина, скрывающая, что ее нет» (2, сс.174 – 175)

Не все в сказанном представляется бесспорным. Возможно, было бы точнее сказать, что в гиперреальности – именно той,

что создают реальные масс-медиа, образы, символы и т.д. могут и иметь мало общего с тем, что мы именуем реальностью, а то и вовсе опираться на вымысел и т.д., потому, что, как известно, любая фантазия, любой вымысел, так или иначе мимикрирует под реальность и уже поэтому вынужден иметь с ней нечто общее. К тому же отрыв от реальности – явление отнюдь не чисто современное. Оно существовало тысячи лет, Просто современные технологии несравнимы с тем, что человечество знало прежде. Но при всем при том стратегически направление мысли заслуживает серьезного внимания. Его движение словно подхватывает декан философского факультета МГУ им.М.В.Ломоносова Владимир Васильевич Миронов. Рассуждая о современных формах личной зависимости. он говорит: «Современная система масс-медиа способна создать видимость демократии: ты, вроде бы, можешь говорить, что угодно, но находишься в пространстве такого масштаба, что на самом деле, как это ни парадоксально, подчинен тоталитарным схемам. Мы стали зависимы по очень многим параметрам, например, имея пластиковую карту, мы можем оказаться без денег, если банкоматы перестанут работать. Событием является не реальность, как таковая, а ее медийная конструкция, если мы сейчас сидим, беседуем и нет камеры, нет записи, считай, события нет. И наоборот, даже если ничего не было, никакого разговора, событие можно сконструировать. Наша «глобальная деревня» превращается в глобальную империю, а демократия заменяется ее имитацией. Нам разрешается говорить, что угодно, а делается то, что «нужно»...И поэтому «тоталитаризм» для меня не просто политический режим, а тоталитарное мышление, которое все меньше контролируется отдельным вождем и все больше всей современной коммуникационной системой, о которой тоталитарные лидеры прошлого могли лишь мечтать... когда была война с Грузией, я находился в Германии. И так получилось, что там я ни разу не видел Саакашвили, жующим галстук. а когда я вернулся в Россию, то в основном видел Саакашвили, который жевал галстук. Я спросил журналистов: «И где истина?» А они возмущались – это же война и т.д. Но ведь в результате немецкий и русский обыватель видел абсолютно разного президента Грузии, будучи уверен, что именно он знает истинное положение дел. (Проблема не новая. Еще в годы второй мировой войны, можно было видеть Гитлера, вытанцовывающего после захвата Парижа. В случае с Гитлером танец был просто сконструирован - буквально слеплен из отдельных кадров. – Авторы).

... В чем здесь опасность? Мы уже сказали, что виртуальная реальность незримым образом переходит в реальность (вспомним предыдущие разделы – авторы). Приведу один пример из своей жизни, он очень характерен. Как-то в Интернете появилась публикация, что, мол, декан философского факультета, проректор МГУ арестован в Китае за вскрытие неких Интернет-сетей, и его уже допрашивают. Казалось бы, чушь? Все посмеялись, на том и закончилось. Нет! Мне звонит ректор, а я тогда был в Германии, и аккуратно заявляет: «Владимир Васильевич, с Вами все нормально?». А представьте, что могло бы быть, если бы опубликовали, что меня убили?» Дочке сказали бы: «А я это в Интернете прочитал»... и вот уже виртуальная конструкция оборачивается реальностью и может иметь весьма печальные следствия». (3, сс.12- 13)

Как видим мир современных масс-медиа не является абсолютно управляемым. Но значит ли это, что перед нами лишь джин, выпущенный из бутылки или сказочный горшочек, который варит кашу, потому что никто не знает, как его остановить? Что это, подлинная четвертая власть или, все-таки, нечто иное? - Пожалуй, при всей своей многоликости мир масс-медиа является в огромной мере не столько господином, сколько инструментом либо скорее инструментами, которые могут оказаться в руках тех или иных сил, причем именно таких сил, которые способны контролировать финансовые потоки и стремятся удовлетворить свои собственные материальные интересы, подчиняя им даже такие, далекие от «прозы жизни» и плоской меркантильности сферы, как искусство. Это явление очень хорошо подметил и четко очертил еще в своей «самой многотиражной и переводимой работе» 1941-го года «Кризис нашего времени» уже цитировавшийся Питирим Сорокин. По его словам, когда исследователь подходит к рассмотрению современного искусства, то оказывается в шоке от того контраста, с которым сталкивается. Искусство все более превращается в товар. Поскольку же запросы, обслуживаемого им рынка вульгарны, то оно и само не в силах избежать вульгарности. «Вместо того, чтобы поднимать массы до собственного уровня, оно, напротив, опускается до уровня толпы, так как ему приходится развлекать, возбуждать и расслаблять людей. то как это искусство может избежать сенсационности, не стать постепенно все более и более «потрясающим», экзотичным и патологичным? Оно вынуждено фактически пренебрегать всеми религиозными и моральными ценностями.... Поэтому оно все

более превращается в пустое искусство, эвфимистично названное «искусством ради искусства», оно аморально, десакрализовано, асоциально, а еще чаще – *безнравственно, антирелигиозно и антисоциально*. Всего лишь позолоченная раковина, с которой можно поиграть, позабавиться в минуты расслабления».

Но все сказанное отнюдь не означает полной стихийности разворачивающихся процессов. «Как коммерческий товар для развлечения искусство все чаще контролируется торговыми дельцами, коммерческими интересами и веяниями моды. И если современному художнику не хочется голодать, ему не следует создавать вечные ценности, независимые от прихотей и капризов времени. Он неизбежно тем самым становится рабом рыночных отношений, «производящим» свои «товары» в угоду спроса». В такой атмосфере создается то, что получило название «массовой продукции». «Подобная ситуация творит из коммерческих дельцов высших ценителей красоты, принуждает художников подчиняться их требованиям, навязываемым, вдобавок, через рекламу и другие средства массовой информации. Эти дельцы, навязывающие свои вкусы публике, влияют тем самым и на развитие искусства».

В силу всего этого меняется и сам статус искусства, становящегося разновидностью товара. «Неудивительно, что к нему по-иному начинают относиться и публика, и сами художники, искусство становится всего лишь приложением к рекламе кофе, лекарств, бензина, жвачки и им подобным... даже величайшие творения мастеров ...

опускаются до уровня этакого придатка. Каждый день мы слышим избранные темы Баха и Бетховена, но как приложение к красноречивой рекламе... Они становятся всего лишь «спутниками» более «солидных» развлечений, таких, как пакетик воздушной кукурузы, стакан пива или виски содовой со льдом, свиная отбивная, съеденная во время концерта или на выставке». (4,с.451 – 452)

Эти рассуждения паразитическим образом перекликаются с тем, что мы можем видеть в последние десятилетия уже в наших собственных социумах на постсоветском пространстве. Очень важно, что, сказанное Сорокиным непосредственно об искусстве, относится и к миру массовой культуры в целом, и к миру масс-медиа, в частности. Средства массовой информации все чаще превращаются в средства воздействия на подсознание, эмоции и инстинкты зрителя, слушателя, пользователя Интернета. Иными словами, собственно информационная составляющая зачастую

отходит на второй план. Вполне понятно, что информация «в чистом виде» - это, скорее идеал. Во все века она была идеологически и эмоционально окрашена. Но именно в нашу эпоху появилось особенно много «информационных шумов», в силу чего труженик СМИ, шоу-бизнеса, также, как и упомянутый Сорокиным, художник, вынужден не просто делать «свое дело», но, прежде всего, привлечь внимание. То, что не услышано – все равно, что не сказано. Внимание же привлекается все более мощными дозами эмоциональных раздражителей – элементами порно под видом новостей или социально ориентированных кинолент, смакованием крови, грязи и уродств, пиаром, включая и черный пиар, когда и скандал оказывается уместным, поскольку он привлекает внимание. Причем дозы эти должны возрастать, поскольку привычное притупляет внимание, точно так же, как военная профессия артиллериста притупляет слух. Появляется тупик. И нравственно-социальный, и эмоциональный, ибо ограничены и возможности индивидуального эмоционального реагирования на то, что выплескивают СМИ и сама жизнь, и социума, который в целях самосохранения периодически пытается прибегнуть к ограничителям. Если же подобное не делается на государственном либо ином «официальном» уровне, то за «решение задачи» берутся экстремисты разных мастей, выбирая для лечения больного социума самые жесткие «лекарства» с крайне пагубными «побочными» последствиями.

Согласно данным уже одного из российских ученых, доктора культурологии и ректора Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов А.С.Запесоцкого, в наше время «формально провозглашается полная свобода культурной жизни в стране. На самом деле резко сужается доступ населения к учреждениям культуры, библиотекам, музеям, выставочным залам и др. Мы обобщили результаты сотен социологических исследований в этой сфере. Они неутешительны. В 90-е годы возможности приобщения граждан России к деятельности учреждений культуры катастрофически упали. За последние 10 лет произошло определенное улучшение ситуации, но существующие возможности в разы уступают, как последним годам советского периода, так и современной практике европейского союза. Кроме того, произошло качественное перерождение многих форм культурно-досуговой деятельности. Это касается социальных функций кинематографа и театрально-концертной деятельности, художественного уровня книгоиздания и коллективных форм

проведения свободного времени, самостоятельного творчества, увлечений спортом и т.д.

В целом произошло разительное обеднение досуга граждан, его «одомашнивание». В 70% случаев россияне включают телеприемник, как свет в комнате, сразу же при входе в жилище. И чаще всего он работает до самой ночи, чем бы члены семьи не занимались.

Новые исследования показывают, что телевидение (вспомним Р.Бредбери – авт.) стало главным архитектором строительства новой российской культуры. Здесь следует упомянуть о некоторых принципиальных особенностях, свойственных современному информационно-индустриальному обществу. Речь идет о том, что в конце XX в. рынок перестал быть свободной игрой производительных сил, описанных Карлом Марксом и его современниками. Рынок больше не подчиняется утилитарным потребностям людей и свободной конкуренции, превращаясь в систему, производную от идей. На смену производства материальных ценностей приходит производство смыслов... Смыслы производятся, как продукты... и потребности производятся, как продукты» (5, с.156). Иначе говоря, и сам «рынок» меняется, и его место в социокультурной жизни не остается неизменным. И это, не говоря уже о сложнейшей природе культуры, которая не просто трансформируется, но и деформируется под воздействием агрессивно «рыночных» отношений».

Таким образом, мы видим, что те «рыночные механизмы», на которые так уповали и которые фактически идолизировали в годы Перестройки, сами по себе не способны обеспечить стабильное развитие современного общества. Ведь, если даже мы оставим в стороне очень непростые сугубо экономические аспекты проблемы, то и тогда окажется, что только «по законам рынка» культурное развитие современного общества невозможно. Почему? – Да потому, что динамичное и устойчивое развитие социума в информационную эпоху может опираться лишь на качественное образование и эффективно организованную научную деятельность. Но и то, и другое – составляющие культурной жизни социума и поэтому возможно лишь при определенном развитии культуры. Развитии, которое неизбежно и многообразными путями оказывает влияние на состояние экономики и уровень жизни населения. И здесь очень многое зависит от государства, местных органов самоуправления. Только органичное, слаженное взаимодействие государства,

общественности и того, что мы называем рынком, могут дать должные результаты и способствовать движению к намеченным целям в очень сложной, противоречивой геополитической ситуации в современном мире.

Литература.

1. Брэдбери. Рэй. Избранные сочинения в трех томах. Том первый. – М.: Олимп, 1992.
2. Чистяков Д.И. Информационное общество и масс-медиа в коммуникативном пространстве постсовременности. – Вестник российского университета Дружбы народов. Серия «Философия». – 2013, №2.
3. Интервью с деканом философского факультета МГУ В.В.Мироновым. – Вопросы философии, №1, 2014.
4. Сорокин Питирим. – М.: Политиздат, 1992.
5. Запесоцкий А.С. Российский капитализм в контексте глобального спора социалистической и либеральной идеологий. – Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. – 2012, №2.

Бондаренко
Юрий Яковлевич,
Бондаренко Ольга Юрьевна

**Культурологические аспекты
социально-экономического
развития**

Подписано в печать 12.05.2014 г.
Формат 60x84 1/16. Печать ризография.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Объем 13,75 п.л. Тираж 300 экз. Заказ 813

Республика Казахстан, г. Костанай,
ТОО «Центрум», пр. Аль-Фараби, 117.
Тел. 8 (7142) 54-57-02, 917-888

БОНДАРЕНКО
Юрий Яковлевич

Профессор КГУ им. А.Байтурсынова,
автор более 340 научных, научно-
популярных и научно-методических работ

БОНДАРЕНКО
Ольга Юрьевна

Кандидат культурологии, преподаватель
Московского университета Дружбы Народов, автор
монографии и ряда статей по проблемам культуры